

охота

и охотничье хозяйство

7-8 1992

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ УДЭГЕЙЦЕВ

В. ЖИВОТЧЕНКО,
специальный корреспондент журнала
Фото автора

В «Охоте и охотничьем хозяйстве» № 8 за 1991 г. была опубликована статья «По Приморью», в которой рассматривалась ситуация в крае после того, как въезд сюда стал свободным. Не только хлынувший поток нечистых на руку дельцов резко обострил ситуацию с охраной природных ресурсов в Приморье. Общий развал экономики и бессилие исполнительной власти в полной мере проявляются и здесь, на восточной окраине России. Попытки наших доморощенных бизнесменов перейти на рыночные отношения, о которых они имеют весьма смутное представление, наносят огромный ущерб природе. Как можно быстрее обогатиться, сорвать куш, ничего не вкладывая — их главная цель, а тайга — благодатное поле деятельности.

Уссурийская тайга уникальна по богатству и разнообразию редких и ценных видов животных и растений, сырье из которых высоко ценится в странах Востока. Только панты пятнистого оленя и женьшень достаточно широко используются в отечественной фармацевтике. Медвежья желчь и кабарожья струя раньше если и заготавливались, то только попутно. Сейчас на это сырье возник ажиотажный спрос. Теперь моряки, отправляясь в зарубежные рей-

(ПО ПРИМОРЬЮ: ГОД СПУСТЯ)

Приморье — восточная окраина России.

На первой странице обложки: Дратхаар — эта порода уверенно завоевывает российское охотниче пространство.

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки: Обитатели лесов Дальнего Востока: ушастая сова (фото Ю. Шибнева), леопард (фото М. Обухова), пятнистые олени (фото А. Щеголева).

охота
и охотничье хозяйство
7-8
1992

Ежемесячный общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал.
Учредители:
Союз обществ охотников и рыболовов РСФСР,
трудовой коллектив редакции журнала.

Основан в октябре 1955 г.
Москва. «Экология»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

© «Экология», «Охота и охотничье хозяйство», 1992

www.booksite.ru

сы, стараются запастись не валютой, а медвежьей желчью, кабарожьей струей или пантами.

Наверное, все наслышаны о привозимых моряками иномарках автомашин. Сейчас этот бизнес вышел на новый виток. Уже мало кого интересуют подержанные машины, везут новые. Откуда столько валюты? Один желчный пузырь медведя оценивается примерно в 3 тыс. долларов. Четыре желчных пузыря — новая тойота. Вносят свою лепту и дельцы от набирающего силу так называемого коммерческого туризма. Контролировать же этот канал в нынешних условиях почти невозможно, и никакие лицензии или квоты не дают представления об истинном ущербе. Прогнозы весьма пессимистичны. При сохранении нынешних темпов истребления ценных видов животных и растений последствия могут стать для их популяций необратимыми уже через два-три года. Это новое для нашей страны явление, и так как вопрос стоит очень остро, то мы решили вернуться к нему.

Толчком для командировки, той каплей, которая решила вопрос об актуальности возвращения к теме «По Приморью», послужило бандитское нападение на директора Лазовского заповедника В. С. Храмцова. Василия Сергеевича я знаю лично вот уже 18 лет. Это человек, фанатично преданный идеям охраны природы и бесстрашный борец с браконьерством. Мне порой казалось, что инспектор со временем работы в рыбнадзоре в нем иногда берет верх над директором заповедника. Он в разных бывал переделках, но происшедшее и для него оказалось совершенной неожиданностью. Василий Сергеевич просто не был готов к нападению среди бела дня в райцентре, около собственного дома.

В воскресенье 18 августа 1991 г. В. С. Храмцов вышел к колодцу за водой. Мимо на большой скорости пронеслась легковая машина. Василий Сергеевич едва успел прижаться к куче досок на обочине. Сначала он подумал, что это случайность, а водитель просто пьян. Однако машина развернулась и

снова поехала в его сторону. Василий Сергеевич едва успел отскочить за столб. Передний номер был замазан грязью так, что едва различимы были только первые две цифры. Задний номер тоже был весь в грязи.

Еще раз развернувшись, машина остановилась у обочины. Выскочили двое мужчин. Сидевший за рулем, с ярко выраженной кавказской внешностью, схватил камень и бросился к Храмцову. Второй начал обходить сзади. В руках у него было что-то вроде кастета или подковы. Единственное, что оставалось В. С. Храмцову, отмакиваться пустым ведром. На какой-то миг Василий Сергеевич потерял из виду второго, и он нанес удар по голове. В. С. Храмцов дальнейшее помнит смутно. Попытался прикрывать голову, но озверевшие бандиты избивали его смертным боем. В тяжелейшем состоянии самолетом Василий Сергеевича доставили в краевую больницу во Владивосток. Врачи делали все возможное, но уверенности, что пострадавший выживет, не было. И все же он выкарабкался, потеряв слух на одно ухо.

Преступников задержали. В. С. Храмцов считает, что бандитов наняли с целью устранить его физически, вывести из строя, покалечив, или по крайней мере крепко запугать. Он слишком многим, в том числе и власть имущим, стоял поперек дороги.

Как депутат В. С. Храмцов выступал против ряда проектов, в реализации которых на территории Лазовского района прямо или косвенно заинтересованы люди, не думающие о сохранении природных ресурсов, а желающие обогатиться или сохранить теплое местечко. Следует заметить, что в подрядах на строительство нередко особенно заинтересованы выходцы с Кавказа, так как в Приморье, в том числе и в Лазовском районе, работает немало созданных ими строительных бригад.

Так, Василий Сергеевич выступил против строительства дублирующего военного объекта в бухте Тассовая, на границе с заповедником, а также линии электропередачи ЛЭП-110 по долине реки Кривой, единственной маломальски чистой реки, где еще нерестится рыба. Строительные работы наверняка погубили бы речку, притом есть другие варианты, с гораздо меньшим ущербом для природы. Но, наверное, наибольшее раздражение вызвали его выступления на сессии и в печати против выдачи разрешения на заготовку леса Сергеевским леспромхозом треста ДМГС, который делает уже третий заход по старым вырубкам, но с более мощной техникой. Сейчас они не просто валият лес, как раньше, а варварски уничтожают, разрушая при этом и склоны сопок, на которых он еще сохранился. Ведь деловой лес по долинам рек был выбран еще лет 20 назад. Затем забрались на пологие плато. Сейчас берут со склонов так называемым методом «подрезанных воловок», когда мощный бульдозер

подрезает ножом склон сопки по спирали или серпантином от основания до вершины. Причем, хотя леса не хватает даже для местных нужд, около двух третей заготовленной древесины отправляется в Китай.

В местах заготовки Сергеевским леспромхозом леса процветает браконьерство. Так, только за один рейд 19 февраля 1991 г. на делянке по периметру первой же из проверенных лесосек обнаружены протяженные завалы из древесных стволов с прорубленными в них ходами (лазами) и настороженными петлями на кабаргу. Рядом с жилым вагончиком лесозаготовителей нашли ножки и ключи шкуры кабарги. Две тушки кабарги были использованы в качестве приманки в настороженных неподалеку капканах. По результатам рейда районный охотовед составил протокол с общей суммой возмещения ущерба за 4 кабарги в размере 800 руб. и 50 руб. — штраф за незаконную охоту.

Браконьерство в Приморье приобретает все больший размах. Задерживать браконьеров становится все сложнее, так как техникой они обеспечены гораздо лучше, чем охрана. Одна-две машины в лесничестве, и те постоянно в ремонте, запчастей не достанешь, или на поклон к потенциальному браконьеру, которым просто не выгодно, чтобы эта техника была на ходу.

Интересен и такой факт. За годы, которые принято называть «перестречными», особенно заметно перестроилась психология лесной охраны. Что бы там не говорили о былой идеологизации, но по мере ее разрушения все меньше остается энтузиазма, одержимости, бескорыстного служения интересам дела. Раньше энтузиазм был, но где-то к 1988 г. постепенно сошел на нет. Об этом можно судить хотя бы по числу задержаний и составленных протоколов одними и теми же работниками охраны, хотя оклады их были даже ниже. Правда, и уровень жизни за эти годы тоже постепенно ухудшился. И все же стремление брать, не вкладывая, стало преобладающей тенденцией как в личном, так и в общественном сознании.

Так, «Приморпромохота», являясь монополистом в эксплуатации охотничьих ресурсов края, с каждым годом наращивает интенсивность, не думая о завтрашнем дне. В 1990 г. в Лазовском районе на отстрел изюбра было дано 50 лицензий для сдачи государству и 50 лицензий для личного пользования. В результате этого, да плюс никем не пресекаемого браконьерства в Лазовском районе за пределами заповедника почти не осталось изюбров.

Точно так же, зная, что на юге Приморья на одного бурого медведя приходится около девяти белогрудых медведей, занесенных в Красную книгу, «Приморпромохота» дала разрешение на отстрел бурых медведей для заготовки желчных пузырей. Десять лицензий на гостропромхоз и четыре — частным

лицам. Естественно, отстреливались преимущественно белогрудые медведи. Взял только желчный пузырь, тушу бросали в лесу. Мне рассказывали о таких находках на сопредельной территории работники заповедника. Интересно, что в Пожарском гостропромхозе, где преобладают бурые медведи, подобные заготовки не проводились.

Об изменении моральных устоев бывающих в тайге людей можно судить по их поведению, отношению к таежному быту. Дом — это всегда святое. Избушка — таежное жилье, форпост пребывания человека в тайге. Веками складывались традиции поддержания таежного быта, общежития. Покидая лесное убежище, всегда оставляли его в порядке, готовили дрова, а если пользовались припасами, то пополняли их из своих запасов. Когда я с коллегой из журнала «Вокруг света» В. К. Орловым заходил в тайгу в Лазовском заповеднике, то был потрясен разгромом на кордоне Сяухэ. Это было первое таежное жилище на нашем маршруте. Очевидно, укрывшись на кордоне от ночной грозы, какие-то подонки, прежде чем покинуть давший им приют дом, учинили в нем погром. Все было усыпано перьями из распоротых подушек и даже пол проломили, видимо колуном.

Столь же печальная часть, правда несколько позже, постигла и оставленные здесь нами продукты. Чтобы не таскать все на себе, мы часть оставили, и в наше отсутствие их ополовинили. И случай этот, оказывается, для нынешних времен типичен. Наученные горьким опытом работники заповедника стараются никаких припасов теперь в избушках не оставлять или прячут их основательно.

Если жители Лазовского района, даже самые заядлые таежники, все же гости в тайге, то для удэгейцев из поселка Красный Яр на Бикине тайга — это действительно смысл всей жизни. Но являются ли они ее хозяевами? В поселке проживают 393 удэгейца из 456 в Пожарском районе и 770 человек в Приморском крае. В октябре 1990 г. во Владивостоке мне довелось присутствовать в Госкомприроде на заседании, где рассматривался проект долгосрочных и широкомасштабных заготовок леса совместным предприятием Приморлеспрома и южнокорейской фирмой. Собственно проекта не было, только ТЭО, согласно которому в Тернейском и Пожарском районах в течение 30 лет собирались заготавливать по 1 млн м³ леса ежегодно. Власти Тернейского района уже дали согласие, а удэгейцы протестовали, грозили пикетированием и голодовкой. Естественно, нас интересовало, как же решился этот вопрос. Мы отправились в Красный Яр.

Вдоль дороги периодически возникали удручающие картины деятельности Лучегорского леспромхоза, который ведет заготовку леса в среднем течении реки Бикин. По мнению удэ-

гейцев, именно в результате работы леспромхоза река сильно обмелела. Еще не так давно, в 70-е годы, по Бикину ходили катера с баржами, а теперь только моторки, да и для них создают проблемы многочисленные мели. Исчезает рыба, так как лесовозные дороги проходят прямо по нерестовым ключам.

Правда, по словам Н. И. Горунова, у корейцев картина иная. Порядокенный, все чистенько и аккуратненько. ГСМ в 17 км от реки. Работает начиненная электроникой самая современная финская и канадская техника. Заложен питомник ели обыкновенной. С целью восстановления леса ежегодно планируется высаживать 1 млн саженцев. Причем технология такова, что за 9 месяцев саженцы вырастают, как за три года в открытом грунте. Непривычно советскому человеку такое, поначалу даже в голове не укладывается. Казалось бы, что еще нужно? Да нас просто облагодетельствуют, и нечего роптать. Но все не так просто, судите сами.

Тернейский район, где работы уже ведутся, получает в свой бюджет с каждого 1 м² заготовленной древесины 5 руб. и 3 доллара. При этом себестоимость древесины — 30 долларов, а продают ее по 100—110 долларов. Причем изменение отчислений в связи

с инфляцией и возможным ростом цен за 30 лет не предусмотрено. Уже к концу 1992 г. предприятие окупит все вложения и выйдет на чистый доход.

Администрация Тернейского района, очевидно, не считает, что остается в накладе. Район получает деньги, не неся никаких затрат, только за то, что разрешил на своей территории вырубить погибающий лес. Причем будут проведены лесовосстановительные работы и останутся проложенные коммуникации, постройки, в том числе и целый порт. Предприятие обеспечило работой часть жителей района. Казалось бы, что все логично, но это с точки зрения не лесного жителя, а урбанизированных потребителей, коими и является подавляющее большинство из нас. В этой связи показательно высказывание представителя корейской администрации. Убеждая администрации Пожарского района разрешить рубки, он заявил, что охота — это хобби, а не серьезное занятие. Прозвучало это в ответ на аргументы, касающиеся интересов удэгейцев.

Высокопоставленному корейцу, как, наверное, и большинству из нас, трудно осознать, что охота может быть не только хобби и даже не только работой, а образом жизни, смыслом существования. Удэгейец не согласится усту-

пить свой участок, даже если ему предложит выплатить стоимость заготавливаемой пушнины за все годы. Казалось бы, сиди дома, живи в свое удовольствие, но ему нужна охота. Этим он и отличается от самых заядлых таежников Тернейского или Лазовского районов, от «пришлых» в Пожарском районе. Именно поэтому, считают удэгейцы, работники Лучегорского леспромхоза — «пришлые» люди на Бикине, не задумываются о последствиях своей деятельности, о завтрашнем дне реки, ее судьбе. Они приехали и могут уехать, а для удэгейцев это родная земля. Конечно, у корейцев нам еще учиться и учиться, и тем не менее территории, на которых компактно проживают коренные народности, сохранившие традиционное природопользование, должны быть исключены не только из варварской эксплуатации на отечественном уровне, но и из сферы иностранных экспериментов с использованием последних достижений науки и техники. И вот почему.

Ельники в верховьях стоят на вечной мерзлоте. Ключи, берущие начало с ледников, подпитывают Бикин. Если ельники вырубить, то лед начнет интенсивно таять и через 2—3 года ключи иссякнут, а следовательно, Бикин обмелет. Так считают удэгейцы. Ученые не уверены, что все произойдет именно так, но и не исключают подобного исхода.

Эти ельники из-за своей труднодоступности служат естественным резерватом соболя, где он сохраняется в годы депрессии и откуда расселяется вниз по Бикину. Конечно, основным объектом охоты для удэгейцев были копытные, но сейчас самым ценным стал соболь. Предпромысловая численность оценивается в 6 тыс. особей. В основном ловят капканами, но сохранилась и традиционная охота гоном. Отлавливается около 1800 зверьков, а сдается около 1300 шкурок. Раньше оседало на руках меньше.

«Вирус» наживы был удэгейцам неведом, заносился в их среду извне, по мере наступления цивилизации. Удэгейцам трудно было осознать, что такое план, и зачем заготавливать впрок. До появления холодильников мясо хранить было негде, и в теплое время года убивали ровно столько, сколько могли съесть. Приходилось слышать жалобы охотоведов, что добыв одного-двух соболей, охотник выходил из тайги, чтобы пропить вырученные за них деньги. Но со временем они становились все более «цивилизованными», и сейчас план выполняют все, а некоторые и перевыполняют, не афишируя это. «Эпидемия» разразилась три года назад, когда была введена новая форма оплаты. Сдавать всю пушину стало невыгодно. В 1991 г. вернули прежнюю систему оплаты, но за это время появились каналы сбыта, выходы на «черный рынок». К тому же в апреле подняли цены на все, кроме пушинны. Цена на шкурку соболя к на-

Избушка — таежное жилье, форпост пребывания человека в тайге.

чалу сезона была установлена в 150 руб. при себестоимости 386 руб. и стоимости на «черном рынке» более 400 руб. Небольшую партию шкурок соболя из Тернейского госпромхоза через биржу во Владивостоке продали даже по 1650 руб.

Теперь госпромхоз получил право продавать пушину, устанавливая на нее цену, но при этом не может больше платить охотникам, а следовательно, и не получит всю пушину. Абсурд? Да, и в большой прибыли хозяйство не заинтересовано, так как налог на сверхприбыль таков, что в госпромхозе все равно почти ничего не остается. Во всяком случае, так получилось в 1991 г. Правда, сейчас все быстро меняется, и хотя не всегда в лучшую сторону, остается надеяться...

Охотники зарабатывали около 3 тыс. руб. в год. В Пожарском госпромхозе 50 штатных охотников, и заключают договора еще с 70 любителями. При нынешней территории госпромхоза участки имеют далеко не все удэгейцы, которые могли бы и хотели охотиться. В этих условиях, естественно, на некоторые нарушения вынуждены смотреть «сквозь пальцы». Я готов согласиться с мнением, что «удэгейцы испокон века охотятся на копытных, и наказывать за это глупо». Конечно, тех 10 лицензий на изюбра, 10 на лося и так далее, выделяемых на питание, им мало. Раньше давали в три раза больше.

Но в последние годы здесь появилось много «нахлебников», которые зачастали в Красный Яр из Лучегорска, Хабаровска и других «центров цивилизации». В «обмен» на охоту и рыбалку можно получить масло, сахар и прочий дефицит, а заодно и скупают пушину. Нельзя допускать дальнейшего наступления этой «цивилизации» и расшатывания веками складывавшихся традиций рационального природопользования.

Быт удэгейцев, долгое время живших изолированно, тоже претерпевает изменения, темпы которых нарастают с каждым годом. Не многие в совершенстве владеют родным языком. Если вы увидите фотографию удэгейца в нарядной национальной одежде, то можете быть полностью уверены, что это «маскарад». Такие наряды еще сохранились кое у кого в сундуках, но мастеров, способных их пошить, остается все меньше. Мы побывали у одной из них, Анны Суляновны Канчуга, которая уже 10 лет на пенсии, а раньше работала в госпромхозе, охотилась. Шила бы с удовольствием, но никому это не нужно, да и не из чего. Не увидите вы и собак, запряженных в сани. Мне так и не довелось увидеть маленькую лодочку оморошку, хотя, говорят, они сохранились. А больших долбленных лодок-батов уже нет и в помине. Они послужили прототипом современных узких лодок

с приподнятым носом и кормой. Эти длинные лодки под «Вихрями» и снегогоды «Буран» стали основным средством транспорта на Бикине. В госпромхозе жаловались, что если не получат в 1992 г. «Вихри» и «Бураны», то в 1993 г. промысел будет под угрозой срыва. Без современной техники лесные люди уже себе жизни не мыслят.

Внешние атрибуты быта претерпели значительные изменения, но его содержание, навыки охоты и таежной жизни сохранились гораздо лучше. На охотничий участок нередко выезжают целыми семьями. Так, например, в ключе Метахеза вместе с Виктором Канчуга мы встретили его мать, Катерину Канчугу, 1922 г. рождения. Причем она не только помогает по хозяйству, но и имеет свой путь. Виктор охотится с 1975 г., как штатный охотник на этом участке с 1984 г. В 1988 г. поставили новую избушку, в которой мы и ночевали. Участок небогатый. В охотничий сезон 1990/91 г. взяли 25 соболей, 3 норки и 11 колонков. Жаловался, что браконьеры его угодья охотники из пос. Восток соседнего Красноармейского района.

Вообще осенью в лесу стал отмечаться наплыв явно не таежного люда. Идут не только за мясом или пушиной, а и за рыбой, кедровыми орехами, лимонником и другими дикоросами. Лимонник плодоносит только на дереве; чтобы собрать ягоды, рубят деревце и сбрасывают лиану на землю. Okolo пяти лет требуется, чтобы лиана снова поднялась на дерево и начала плодоносить. Это как раз тот случай, когда «рубят сук, на котором сидят». Удэгейцы это понимают, «пришли» — нет, но жить-то здесь удэгейцам, и каково им оставаться бесправными наблюдателями разорения кормилицы-природы?

В Красном Яре мне довелось услышать мнение о том, что цены на дары тайги должны быть твердыми и доступными большинству. Вырастил в собственном огороде — проши сколько угодно, а если берешь из общего «котла», — то нечего обиживать ближнего. Хоть и начали не от хорошей жизни приторговывать пушиной и пускать на участки «нахлебников», но не появилась у них еще жажда наживы, стремление обогатиться любой ценой, столь необходимые для выживания в нынешних условиях первичного накопления капиталов при переходе к капитализму. Не погибло еще окончательно под «антропогенным воздействием» в их душах естественное чувство гармонии с окружающей средой. Меня поражала их способность чувствовать природу, слиться с ней. Наверное, именно это помогает близким к природе людям полноценно жить.

Запомнилось возвращение в Красный Яр после того, как мы выбрались в угодья. На лодках за два дня мы прошли вверх по Бикину около 70 км. Река эта очень многообразна. Быстро

текущие и заломы чередуются со спокойными, но тоже опасными из-за мелей участками. Вся поездка — это постоянное лавирование между мелями и заломами. Бикин можно сравнить с дорогой, этакой таежной трассой, и как на всякой дороге с оживленным движением здесь не обходится без происшествий. «В этой яме с весны уже два мотора лежат», — комментирует по ходу егеря госпромхоза Клим Канчуга.

Обратно мы спустились за день. Не хотелось выходить из тайги, но Клим спешил, а отстав от него, мы боялись застремлять надолго, что было бы и не так уж плохо, но кончалась командировка. К тому же мы хотели попасть на сходку, где главный охотовед Н. И. Горунов должен был рассказать о результатах облета, и в очередной раз ставился вопрос о заготовке леса корейцами.

Спускаясь, опасные места проходили на шестах, как когда-то в старину, в «домоторную эпоху». Последние 1,5—2 часа шли в полной темноте. Я не переставал удивляться, как в этих условиях Клим ориентируется. Вот он снова сбросил газ, привстал, смотрит из-под руки, будто ему слепят глаза солнце, снова газ, резко вправо и сразу левее, полузацепленные бревна мелькают то с одного борта, то с другого и... прокосчили очередной залом. Как я потом выяснил, удэгейцы часто ходят по Бикину ночью. Случаются и трагедии. Так утонул брат Виктора Канчуги, сын бабы Кати.

Спешили зря. Сходку перенесли, но все, с кем мы разговаривали, были единодушны: «Рубить не дадим». К сожалению, удэгейцы хозяева только на территории Пожарского госпромхоза. Районные власти в результате длительной борьбы удэгейцев и дальневосточных ученых, закрепили за ними орехопромысловую зону, а верховья Бикина оставили за собой. Крайисполком не спешит становиться на сторону удэгейцев, претендующих на среднее и верхнее течение Бикина. Пока не принято постановление об этнических территориях, которого так ждут удэгейцы.

Освоение Бикина должно идти только в рамках сохранившегося здесь традиционного природопользования, которое надо всячески поддерживать и оберегать. Это должны быть своеобразные заповедники, эталоны гармоничного существования человека и природы. В наше время тотального разрушения природы они нужны и как напоминание, что гармония возможна, и как точка отсчета отклонения от нее. В советский период мы ругали резервации для малых народностей коренных жителей в США и губили «равноправными» условиями существования и приобщением к «цивилизации» их у себя в СССР. Не пора ли опомниться, или хотя бы задуматься об этом? Особенно сейчас, в тяжелый переходный период. Потом будет поздно.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ДЕЛА

ГЛАВНЫЕ РЕШЕНИЯ ВНЕРЕДИ

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИИ)

В. ДЕЖКИН,
доктор биологических наук

Проект «Концептуальных основ развития охотничьего хозяйства СССР» был подготовлен и впервые обсужден в кругу специалистов в конце 1989 г., когда еще существовала наша страна и действовали (в основном) традиционные подходы к экономике и организации хозяйства. Новые возможные формы деятельности лишь обозначились на горизонте, а пути их воплощения в таком специфическом деле, как охотничье хозяйство, не мог представить даже изощреннейший прогнозист — футуролог. Круглый стол журнала «Охота и охотничье хозяйство», обозначенный как «Пути совершенствования охотничьего дела» (за основу дискуссии был принят упомянутый выше проект), проходил в обстановке развивающегося экономического кризиса, в полной мере затронувшего и нашу отрасль. Уже в это время можно было констатировать неадекватность складывающейся обстановке некоторых важных положений концепции, особенно — ее организационно-экономических разделов. Во время дискуссии обстановка продолжала стремительно меняться, а к концу ее стало очевидным, что «охотничье хозяйство СССР» в привычном для нас представлении уже нет, оно исчезло вместе с державой, и речь следует вести не об его совершенствовании, а о возведении нового сооружения на руинах прошлого (то есть фактически о другой концепции). В этом сложнейшем вопросе, реализация которого займет не один год, полезную службу может сослужить даже крайне разнообразие и подчас полная несовместимость взглядов многих участников «круглого стола». Уж сейчас-то мы вполне можем согласиться с одной неоспоримой истиной, нашедшей, кстати, отражение и в концепции: любая форма плодотворной человеческой деятельности невозможна без наличия ее концептуальных основ, задуманных, согласованных

и реализуемых единомышленниками-профессионалами, шаг за шагом, начиная с истоков. Примирить уже уставшие стереотипы сложнее, чем работать совместно над их формированием.

В силу отмеченных объективных и субъективных обстоятельств завершившаяся дискуссия не могла прийти к единодушию, обнаружив согласованность позиций ее участников по важнейшим вопросам. Поэтому целесообразно рассматривать данную статью не как итоги обсуждения, а как его краткий субъективный обзор, дающий основания для дальнейших поисков и размышлений. По мере стабилизации экономической ситуации в России и становления нового социально-экономического механизма необходимо — в контексте общих проблем природопользования — возвращаться к построению концептуальных основ ведения охотничьего хозяйства.

Следует подчеркнуть, что дискуссия поставила под сомнение не все содержание концепции. По-видимому, ее участники согласны с предложенными дефинициями «охоты» и «охотничьего хозяйства». Это уже определенный шаг вперед в согласовании наших позиций.

Почти нет замечаний по экологико-охотоведческим основам ведения охотничьего хозяйства. Никто не сомневается в том, что «регламентация использования охотничьих ресурсов должна быть динамичной и лабильной, лишенной ведомственного и административного подхода, осуществляться (за исключением регулирования добычи широко мигрирующих видов дичи) местными органами охотничьего хозяйства и самими охотпользователями — на основании единых методических подходов... Вся система эксплуатации природных ресурсов должна строиться на современном популяционном подходе, на принципах и методах управления конкретными популяциями».

Повторяю это положение из проекта обсуждаемой концепции в качестве согласованной — и ожидающей повсеместной реализации — части этого документа.

Такой подход поддержал В. Г. Сафонов, говоря о необходимости «обеспечить естественное самовозобновление природных ресурсов — ценнейшее... свойство объектов охотничьего хозяйства». Этот постулат был ужеложен нами в концепцию обсуждаемого ныне проекта Закона об охоте и охотничьем хозяйстве России.

Цели и задачи охотничьего хозяйства, его статус, структура, вопросы управления явились содержанием большинства опубликованных статей и объектов глубоких разногласий. Некоторые из реплик основаны на недоразумениях или на слишком буквалистском восприятии предложенных формул. Так, Г. И. Сухомиров возражает против нашего определения охотничьего хозяйства как отрасли природопользования, занимающейся эксплуатацией, охраной и воспроизводством ресурсов охотничьих животных, на том основании, что «воспроизводство средств производства (охотничьих животных) не может быть самоцелью». Но ведь совершенно очевидно, что охрана и воспроизводство осуществляются преимущественно с целью создания условий для нормальной эксплуатации ресурсов. Весьма радикально настроенный А. Миняев категорически возражает против признания за охотничьим хозяйством отраслевой самостоятельности, упуская из вида, что помимо столь неприятной ему бюрократической (ведомственной) самостоятельности, может (и должна!) быть самостоятельность функциональная, системная, существующая, кстати говоря, во многих зарубежных государствах (с минимально необходимыми организационными структурами).

О целях и задачах охотничьего

хозяйства можно спорить. Его многоцелевое значение (экономическое социальное, экологическое) — «открываемое» ныне Г. Сухомировым — начало осознаваться и анализироваться отечественными охотоведами еще в начале 70-х годов, а зарубежными и того раньше. Проблема, на наш взгляд, упростится, если мы будем рассматривать охотничье хозяйство как определенную организационно-экономическую систему, обеспечивающую условия для ведения любительской и промысловой охоты со всем комплексом их функций. Что же касается целесообразности самой дифференциации охоты на любительскую и промысловую, то здесь автор концепции продолжает оставаться на прежних позициях. Пока имеются люди, для которых охотничий промысел является главным источником их существования, и функционирует подсистема охоничьего хозяйства, создающая условия для их успешной деятельности, «закрытие» промысловой охоты является явно преждевременным. Такая тенденция, между прочим, давно уже ведет к нежелательной «промысловизации» любительской охоты, к обременению ее всякого рода планами и задачами по производству товарной продукции, что совершенно несвойственно любительскому охотничьему хозяйству.

К числу общих спорных относятся и проблема управления охотничьим хозяйством. Ее обострение за последние годы объясняется как отсутствием научно обоснованной концепции управления отраслью, так и причинами, можно сказать, приводящего характера: серьезными субъективными ошибками Главохоты Российской Федерации и наступательной позицией Росохотрыболовсоюза, стремящегося не только отстоять свои права (что вполне оправданно), но и занять лидирующее положение в управлении охотхозяйственной системой (что противоречит задачам этой необходимейшей для охотников и рыболовов общественной организации). И совершенно прав Г. В. Висячев, заметивший, что «с переходом страны на новые формы хозяйствования, мы быстро разрушили пусть и не очень совершенную, но все-таки действующую ранее систему управления, не создав пока ничего нового».

Предлагается несколько вариантов решения данной проблемы: упорядочение и укрепление государственных органов охотничьего хозяйства с изъятием у них хозяйственных функций, передача функций управления охотничьим хозяйством государственным органам охраны природы (ныне — Минэкологии России); упразднение центральных управлеченческих структур и передача всей «полноты власти» на места, в районы и области и др. При этом настойчиво подчеркивается необходимость разделения контролирующих и хозяйственных функций (Г. Висячев, В. Никольский, В. Сафонов,

А. Улитин и другие), что вообще-то говоря является аксиомой для природопользования и с чем нельзя не согласиться. Указывается на недопустимость слишком глубокого вовлечения органов Минэкологии в управлеченческие дела в связи с тем, что они должны заниматься контролем за состоянием и использованием природных ресурсов, в том числе охотничьих (А. Калинин), а отнюдь не «контролем за ведением охотничьего хозяйства», как им предписывалось еще недавно.

Время покажет, какой вариант перспективнее и больше соответствует совершенно новым социальным и экономическим условиям, складывающимся в России. Хотелось бы высказать желание, чтобы в процессе происходящих реорганизаций древнейшая охотничья страна не осталась без единого охотничьего центра, блюстителя общих интересов, многовекового опыта и традиций. Не бюрократического центра с эгоистичными запретительными функциями, а современного, прежде всего — координирующего и решающего общие для всех задачи. Зарубежным аналогом такого центра, с которого не грех взять пример, мне представляется Служба рыбы и дичи США, помимо всего прочего, гармонично сочетающая интересы любительского рыболовства (во внутренних водоемах) и любительской охоты. В Союзе обществ охотников и рыболовов России такая интеграция имеется, целесообразно распространить ее и на сферу управления, создав для нее более широкий ресурсный и функциональный фундамент.

Рассматривая данную проблему, нельзя забыть, что характер управления и система хозяйствования у нас во все большей степени начинает определяться характером собственности на природные (в том числе на охотничьи) ресурсы и правами органов советской власти, местных органов самоуправления.

Российский закон об охране и использовании животного мира, принятый в 1982 г., объявил диких животных государственной (общенародной) собственностью, это соответствовало законодательной практике многих стран (например, США), где частная собственность на землю отделена от государственной собственности на населяющих ее охотничьих животных. Даже землевладелец не имеет права без соблюдения установленных для всех охотников штата процедур отстреливать дичь, обитающую в его угодьях. Наше законодательство последнего периода, провозгласив природные ресурсы достоянием народов, населяющих данную территорию, и передав Советам, местным органам самоуправления большие полномочия по регулированию эксплуатации этих ресурсов, серьезно осложнило ситуацию в охотничьем хозяйстве. Началось опаснейшее разрушение, возможно, не во

всем совершенной, но уже сложившейся системы охотпользования в интересах сравнительно небольших групп местного населения, чаще всего — номенклатурных охотников и хозяйственников. Как констатирует участник дискуссии В. Пахомков, в Ленинградской области «сложилась такая ситуация, когда развиваются местнические тенденции, подогреваемые советскими органами власти. Охотников города... непускают в угодья района. Зарождается неприязнь, обостряются отношения между охотниками». Необходимо по возможности дольше отстаивать имеющуюся систему охотпользования, готовя тем временем законодательные и нормативно-методические предпосылки для ее прогрессивной трансформации: добиться повсеместно (за исключением районов проживания малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока) отделения права собственности на землю от права на обитающих на ней диких животных (от права на охотничьи угодья) и передать рычаги лицензирования эксплуатации охотничьих ресурсов специализированным органам охотничьего хозяйства и охраны природы уровня не ниже республиканского (в составе РФ), краевого и областного, а на широко мигрирующие и особо ценные виды — на федеральном уровне (В. Мельников). При этом, несомненно, в отличие от недавнего прошлого, на первом месте должно стоять удовлетворение интересов всех местных охотников, местного охотхозяйственного комплекса (А. Улитин), и все нормативы и квоты должны в обязательном порядке согласовываться с местными советами. Это — условия для реального компромисса, предусматривающего и общереспубликанские, и региональные интересы, а главное — предотвращающего разграбление охотничьих ресурсов.

Многие участники дискуссии (А. Миняев, В. Мельников, М. Павлов и другие) высказали свои взгляды на проблему аренд охотничьих угодий, являющуюся одной из самых острых и актуальных. Во-первых, несомненно, что ее следует решать в тесной увязке с вопросом о собственности на охотничьи ресурсы. Во-вторых, как во всей нашей российской действительности, проблема имеет два аспекта. Теоретически вполне логично основные права на регулирование охотпользования (в том числе и путем представления аренды) было бы передать землевладельцам и землепользователям, позволив им тем самым эффективно реализовать заветные принципы комплексного природопользования. Практически же такой шаг означал бы полную монополизацию охоты сельскохозяйственными и лесохозяйственными предприятиями, не имеющими необходимых опыта, специалистов, материально-технической базы. При этом «массовый охотник», охотник-промысловик попадут в полную зависимость от лесхозов, колхозов и совхозов со

всеми вытекающими отсюда последствиями. Создание же обюдовыгодного экономического интереса землепользователя и охотпользователя, о котором пишет М. Павлов, дело далекого будущего.

Аренда охотничьих угодий через местные советы фактически предопределена действующим законодательством. Ее в качестве необходимой (или неизбежной) называют М. Павлов, А. Миняев и другие участники дискуссии.

Однако, учитывая огромную специфику охотничьего дела, необходимо предотвратить своевольные местнические решения советов и выработать механизм строгой регламентации процесса передачи охотничьих угодий в аренду, прежде всего — специализированным дееспособным охотничьим хозяйствам, дееспособным же обществам (коллективам) охотников и рыболовов, а в районах промысловой охоты — местным охотникам-промышленникам, профессионалам. Они должны обладать неоспоримым приоритетом в вопросах охотпользования. Что же касается экономических основ ведения охотничьего хозяйства на арендованных угодьях, то с охотпользователей следует взимать арендную плату (в размере — не выше платы за землю), предоставив им возможность «продавать» охоту и охотничьи услуги на экономически приемлемых (но не грабительских) условиях, а реализовывать добытую продукцию по рыночным ценам (В. Мельников). Это не явится платным охотпользованием в традиционном (фискальном) представлении, его введение кажется мне необоснованным.

Возможно, предлагаемые «регла-

ментации» и «регуляции» покажутся кому-то пережитками административно-командной экономики. Но, хлебнув досыту «экономических свобод» в условиях управленческого хаоса и всяческой «суворенизации», иного выхода не видишь. Охоту надо «отпускать на свободу» постепенно, шаг за шагом, не разрушая достигнутого и не имея новых непрофессиональных монополистов.

В ходе дискуссии затрагивались и другие важные вопросы: о праве на охоту (А. Куликов), самостоятельности охотпользователей (Г. Сухомиров), новых формах ведения охотничьего хозяйства (В. Мельников, В. Сафонов, Г. Сухомиров), о предпринимательстве в охотничьем хозяйстве (А. Миняев), о централизованном финансировании крупных охотхозяйственных и воспроизводственных мероприятий (А. Калинин, В. Сафонов), о расширении прав и возможностей обществ охотников и рыболовов (А. Улитин) и так далее. Все они, несомненно, заслуживают внимания и, быть может, самостоятельного анализа на страницах нашего журнала. Почти не нашли отражения в публикациях участников дискуссии проблемы браконьерства, принимающего угрожающие масштабы, и меры его обуздания. Если события будут развиваться так, как сейчас, то, возможно, через несколько лет окажется ненужной самая прогрессивная концепция ведения охотничьего хозяйства России.

Обмен мнениями, несмотря на невозможность сформулировать в нынешних условиях согласованную концепцию, кажется мне полезным. Данный же весьма неполный обзор пред-

ставляется целесообразным завершить ссылкой на мнение участника «Круглого стола» В. Никольского, который выступил на страницах журнала в очень ответственной роли «простого охотника».

Характеризуя сложившиеся для большинства «простых охотников» условия, он спрашивает:

— Можно ли спокойно, без особых помех, отдаваться своему увлечению? — То есть регулярно, выбирая любимые виды охот, посещать любимые места, в удобное время ездить на охоту?.. Ответ ясен — нет!

Причины многочисленных бед охотника-любителя этот автор видит и в нарушении социальной справедливости на охоте, и в повсеместной непроруманной приписке охотничьих угодий, и в нашем (большинства) молчаливом согласии с воцарившимся беспределом («в расчете на кусок с барского стола в виде лицензии или путевки») и так далее.

Вы сами прочитали статью В. Никольского и составили представление о его программе «выхода из кризиса любительской охоты». С чем-то согласились, с чем-то — нет, но наверняка задумались. Подумать нам всем есть о чем. Урок дискуссии и этой публикации в следующем: всякая концепция охоты и охотничьего хозяйства должна основываться на всемерном учете личности, интересов и прав российского охотника. Соблюдение социальной справедливости в сфере охоты должно стать содержанием повседневной работы всех ученых и специалистов, связанных своими судьбами с охотничим хозяйством России.

ПРИГЛАШАЕМ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ЛОТЕРЕЕ!

Предприятие «НЕКТАР» — учредитель фонда поддержки журнала «Пчеловодство» — объявляет о розыгрыше автомобиля «VOLVO» стоимостью 2 000 000 рублей на следующих условиях.

Для участия в розыгрыше до 1 декабря 1992 г. нужно перечислить почтовым переводом 10 рублей по адресу: 254108, Украина, Киев, Минский УСБ, р/с № 609262, МФО 322131, «Нектар» (в разделе для письма написать: Фонд поддержки журнала «Пчеловодство»). Необходимо полностью указать свой почтовый адрес, фамилию, имя и отчество. Квитанцию на перевод оставьте у себя, в розыгрыше участуют номера почтовых переводов. Каждый может сделать несколько переводов по 10 рублей.

Итоги розыгрыша будут подседены 25 декабря 1992 г. и опубликованы в 1993 г.

О ПОДОХОДНОМ НАЛОГЕ С ДОХОДОВ ЗА СДАННУЮ ПРОДУКЦИЮ ОХОТЫ

В редакцию поступают письма охотников с просьбой разъяснить, взимается ли подоходный налог с доходов, полученных за сданную продукцию охоты.

Отвечает старший советник юстиции Н. П. Астафьев. Как известно, в 1991 г. подоходный налог с доходов, полученных гражданами, взимался на основании Закона СССР от 23.04.90 г. «О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства». На территории Российской Федерации порядок применения этого Закона в 1991 г. был определен Законом РСФСР от 2 декабря 1990 г. и Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1991 г., в соответствии с которым налог с доходов, полученных охотниками за сданную продукцию охоты, не взимался, о чем было сообщено в нашем журнале в № 1—2 за 1992 г.

С 1.01.92 г. в Российской Федерации действует Закон от 7.12.91 г. «О подоходном налоге с физических лиц», которым охотники от уплаты подоходного налога с указанных доходов не освобождены, они его уплачивают на общих основаниях.

ВИДИМОСТЬ

НАУЧНОЙ

ОБЪЕКТИВНОСТИ

Н. ГРАКОВ,
доктор биологических наук,
охотовед

Н еоднократные нападки Ф. Р. Штильмарка на роль и позиции в охотоведении П. А. Мантелейфеля нашли свое завершение в совместной с Г. И. Сухомировым статье «О двух направлениях (школах) в советском охотоведении» («Бюллетень МОИП», вып. 1, 1991 г.)¹. Коснувшись истории охотоведения в нашей стране, проходившей в нем и в биологической науке идеологической борьбы в сталинские времена, авторы постарались обосновать свой основной вывод, что его роль в науке «...приходится оценивать в целом отрицательно именно из-за противопоставления биотехнического направления производственному, подмены основных организационно-экономических действий в сфере охотничьего хозяйства акклиматизационно-биотехнической суетой». Уже в самом этом выводе кроется подмена позиций П. А. Мантелейфеля своей собственной точкой зрения, так как основоположники биотехники в нашей стране никогда и нигде не противопоставляли эти два направления. Это делал при каждом удобном случае В. Н. Скалон.

П. А. Мантелейфель в 1929 г. начал преподавать студентам Московского зоотехнического института (будущий Пушно-меховой институт), в 1936 г. возглавил там кафедру биотехники и никогда и нигде не утверждал, что создал курс биотехники на пустом месте. Наоборот, в своих лекциях, к великому сожалению так нигде и не опубликованных, он показывал истоки биотехники в России. Конечно, Г. И. Сухомиров, учившийся в Иркутске у В. Н. Скалона, не мог этого знать, а слушал ли лекции Петра Александровича Ф. Р. Штильмарк, мне неизвестно.

Признавая наличие московской школы Мантелейфеля, авторы тем самым вопреки всей своей статье подтверждают его роль и значение в советском охотоведении. То, что он по сравнению с В. Н. Скалоном мало публиковался, ничего не значит. Значимость ученого определяется не столько количеством написанного и опубликованного им, сколько тем, что написано, какой вклад это внесло в науку и практику. И несмотря на старанья Ф. Р. Штильмарка и Г. И. Сухоми-

рова признать значение почти ста печатных работ П. А. Мантелейфеля и, в первую очередь, по соболю и реконструкции фауны, их значение для биологической науки и практики звероводства несомненно.

Оспаривать роль П. А. Мантелейфеля в развитии соболеводства — неблагодарное занятие². Публикации всех его предшественников и современников по содержанию соболей основаны на случайных и противоречивых сведениях, полученных нередко через третьих лиц от охотников и предпринимателей, при ближайшем анализе часто не выдерживают никакой критики или содержат одни догадки и неверные предположения. Действительно, не один П. А. Мантелейфель пытался решить задачу о сроках гона и размножения соболей и куниц в природе, но решил ее на строго научной основе путем корректных наблюдений и экспериментов именно он с помощью своих юных помощников из КЮБЗа. Его приоритет в этом деле убедительно и последовательно доказал в обстоятельной статье К. Д. Нумеров (1969). После работ П. А. Мантелейфеля в нашей стране началось промышленное разведение соболей. Сам В. Я. Генерозов писал в журнале «Пушное дело» в 1928 г.: «Основываясь на наблюдениях профессора П. А. Мантелейфеля в Московском зоопарке... мы почти с полной уверенностью можем теперь определить причину неудач прежних попыток разводить соболей в неволе». Эта цитата, наверно известна Ф. Р. Штильмарку и Г. И. Сухомирову, но они предпочли привлечь его позднее частное письмо, даже не из личного архива адресата, а третьего лица. Между тем в приведенной цитате В. Я. Генерозов ставит П. А. Мантелейфеля на первое место среди всех, изучавших размножение соболя и называет его профессором³.

Кстати заметить неуместность ссылки на М. Д. Зверева в его книжке «Зимка в бору» (1979), якобы бросающую тень на авторство П. А. Мантелейфеля в написании «Заметок натуралиста». Здесь в полной мере проявился «творческий» метод авторов книги, ловко подменивших не только название книжки, но и суть написанного М. Д. Зверевым. Он пишет об изданных Детизом «Заметках натуралиста» с рисунками, а в статье ссылка отнесе-

на к «Рассказам натуралиста», переизданным как минимум шесть раз. М. Д. Зверев пишет, что книжку «помог подготовить один журналист», а в ссылке сказано «...написана не самим Петром Александровичем». Что бросает тень и на М. Д. Зверева, доброго друга П. А. Мантелейфеля⁴.

Но особенно яростные нападки ведутся на П. А. Мантелейфеля за участие в составлении плана реконструкции фауны⁵. Они то утихают, то вспыхивают с новой силой. Своего апогея они достигли после выступления В. Г. Гептнера и вылились в 1962—1964 гг. в серьезную дискуссию о роли и путях обогащения фауны. Специальная конференция по акклиматизации во Фрунзе, обсудив и трезво взведив ее итоги, отметила: «Мероприятия по акклиматизации животных полностью соответствуют задачам... по всемерному увеличению и всестороннему рациональному использованию природных ресурсов...». Конечно, при акклиматизации были ошибки, перегибы и нереальные проекты. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Но засекривать сейчас общепризнанные успехи акклиматизации и тем более реакклиматизации можно только сознательно отворачиваясь от фактов или искажая их. В том, что авторы статьи некорректны в своих доказательствах, убеждает такой, казалось бы, незначительный факт. Оба они уже не раз и не только в этой статье утверждают, что реакклиматизация соболя почти не имела значения для его возрождения. При этом они ссылались на аналогичное мнение В. Н. Скалона (1953; 1956). Но В. Н. Скалон в своей работе 1953 г., на которую и ссылались наши авторы, писал: «Успех восстановления численности соболя... является следствием удачного сочетания... запрета добычи... с настойчивым расселением соболей из районов, где еще его относительно много, в места былого его изобилия». Такие знатоки соболя, как В. В. Тимофеев и Н. Н. Бакеев, в книге «Соболь, куница, харза» (1973) определяли, что на 80 млн га соболиного ареала соболь появился только в результате акклиматизации. В недавно опубликованной работе Н. Н. Бакеев (1991) отметил, что таким путем восстановили соболя на 28 % современного ареала. С какими-то оговорками, понятными только им самим, Ф. Р. Штиль-

Здесь и далее по всей статье см. послесловие редакции «Удивляюсь фантазии этих ребят».

марк и Г. И. Сухомиров признают удачу акклиматизацию одного заморского зверя — ондатры, но тут же приводят экологическую оценку акклиматизации, сделанную Н. И. Чесноковым (1989), как нежелательную. А уж, казалось бы, кому, как не Г. И. Сухомирову, следует знать об успехе акклиматизации американской норки хотя бы на Дальнем Востоке.

Не берусь судить об «антизаповедной» деятельности П. А. Мантелейфеля, пусть она останется на совести его критиков, не знавших и, видимо, не понимавших сложность того времени. Отмечу только, что работа лосефермы не мешала заповедности Печоро-Ильческого, а бобровой — Воронежского заповедников, а скорее наоборот, принесла им заслуженную славу. А организованный Г. Г. Шубиным и Ю. П. Язаном отстрел мигрирующей через Печоро-Ильческий заповедник популяции лосей был во благо для самой популяции и особенно ее зимних стаций. Организованные в этом же заповеднике С. М. Сокольским работы по кольцеванию белки или в Баргузинском заповеднике по кольцеванию соболя Е. М. Черникину дали бесценный научный материал, хотя и вмешивались в природное равновесие, нарушая заповедность. А именно такого рода вмешательство всегда отстаивал П. А. Мантелейфель и, как показало время, был прав.

Подробно анализируя и критикуя работы главы московского охотоведения, авторы при характеристике иркутской школы В. Н. Скалона ограничились беглым перечислением его научной и общественной деятельности, оценивая ее только положительно. В противном случае им пришлось бы упомянуть, что значительная ее часть состоит из разнуданной и не всегда объективной критики московской охотоведческой

Петр Александрович Мантелейфель — зоолог, охотовед, профессор Московского пушно-мехового института. «Суд наполняй, он никогда не забывал о высшем назначении Учителя — «факел зажечь»

школы, противопоставления организационно-экономического направления биолого-биотехническому, не существующему и придуманному им самим, для подчеркивания исключительности иркутской школы. Достаточно сказать, что в МПМИ, где, по мнению В. Н. Скалона, господствовала биология и биотехния, целый год читался курс «Экономики и организации охотничьего хозяйства», полугодовой курс бухгалтерского учета, основы лесоводства и лесотаксации. Обширные знания экологии и биологии-систематики, полученные московскими охотоведами, позволяли грамотно разрабатывать системы регулируемого использования видов, методики учета животных, технологии промысла, живоотлова, передержки, транспортировки акклиматизируемых видов. Это направление сохранилось и у охотоведов Кирова. Что касается биотехнической науки, то ее развитие у нас и за рубежом свидетельствует, что П. А. Мантелейфель правильно понял значение и дальновидно заложил и развил ее основы в нашем научном охотоведении.

В заключение попытаюсь оценить обвинения П. А. Мантелейфеля в лысенковщине⁶. Ф. Р. Штильмарк и тем более Г. И. Сухомиров не могут судить об этом по собственному опыту. Мне же пришлось учиться в МПМИ в 1947—1952 гг., в самый разгар борьбы с вейсманизмом-морганизмом за мичуринскую биологию. Но никогда за все время учебы нам не пришлось слышать от П. А. Мантелейфеля в лекциях или неофициальных беседах как-

ких-либо пролысенковских высказываний. Его соображения о воздействии внешней среды на облик животных не выходили за рамки общепринятых положений, не затрагивали и уж, конечно, не отвергали генетических основ. Петр Александрович обычно ограничивался точным изложением фактов, наблюдений, взаимосвязей в природе и животном мире, не прибегая к теоретическим обобщениям там, где этого по тактическим соображениям можно было избежать. Искусный лектор, он будил и направлял нашу мысль, не обременяя ее своими наставлениями. Может быть, по соображениям осторожности он не очень часто выступал в печати, не отвечал на лихие наскоки В. Н. Скалона. Упреки ему в подмене организационно-экономических действий вызывают недоумение, так как организация работ по акклиматизации, которую авторы статьи пренебрежительно назвали «суетой», требовала и организационных способностей, и больших усилий. Тем более, что она разрабатывалась и проводилась активно сотрудниками ВНИО, в котором в 1948—1956 гг. П. А. Мантелейфель был научным руководителем. Ее масштабы были велики и ответственны, в отличие от позиции В. Н. Скалона, только критиковавшего в своих частых публикациях ошибки коллег и ратовавшего за колхозное охотничье хозяйство, которое так и не развилось от его призывов и не окрепло экономически. В этом тоже не вина В. Н. Скалона, но при элементарной объективности и в его позиции можно усмотреть конъюнктуру. Поэтому не стоит сейчас с современных позиций позднего прозрения судить наших учителей и наставников, тем более так тенденциозно и беспаллиционно, как

П. А. МАНТЕЙФЕЛЬ

Соболь

КОП 1934

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ДИСКУССИИ 9

Ф. Р. Штильмарк и Г. И. Сухомиров. Не лучше ли отдать им должное за то, что в непростых условиях культа личности и его влияния на все направления жизни и науки они в разной

степени, но сумели сохранить какие-то общечеловеческие ценности, создать и сохранить свое научное направление. А то, что они в этих условиях были разными и целеустремленными, делает

им честь, позволяет понять и простить отдельные ошибки, от которых никто не застрахован.

«УДИВЛЯЮСЬ ФАНТАЗИИ ЭТИХ РЕБЯТ»

1. В альманахе «Охотничьи просторы» (№ 48, 1991) помещен очерк Ф. Штильмарка «Две жизни — две судьбы (В. Я. Генерозов и П. А. Мантелейфель)»; в нем повторяются многие утверждения статьи «О двух направлениях (школах) в советском охотоведении».

2. Оспаривая приоритет П. А. Мантелейфеля в «получении приплода у соболей в неволе», Ф. Штильмарк пишет, что «еще до революции издано несколько книг и брошюр по разведению соболей в неволе» и что «приплод от соболей в неволе... вполне успешно получали». Он утверждает, что «предположение о задержке развития эмбрионов у соболей и куниц и о сроке их гона», высказанное В. Я. Генерозовым, впервые опубликовано им в 1928 г. Дальше он цитирует частное письмо В. Я. Генерозова, в котором В. Я. обвиняет П. А. Мантелейфеля в заимствовании его идей и в том, что П. А. Мантелейфель, как пишет В. Я., «когда не упомянуло моем приоритете в области соболоводства».

Но ведь если «приплод от соболя в неволе вполне успешно получали» еще до революции, как утверждает Ф. Штильмарк, то о каком приоритете В. Я. Генерозова в области соболоводства можно говорить?

До конца 20-х годов приплод от соболя в неволе не удалось получить никому. Ведь все были уверены, что гон у соболя проходит в феврале — марте, а не в июле, как было доказано П. А. Мантелейфелем. До 1929 г., когда соболюшка по кличке «Кривой Зуб» принесла трех соболят в Московском зоопарке (П. А. Мантелейфель. «Соболь». — М., Коиз, 1934), приплод давали только те соболюшки, которые были пойманы на воле уже беременными. К середине 20-х годов американские, канадские и отечественные звероводы и охотоведы начали догадываться, что гон у соболей и куниц проходит летом. Эта «идея» не была персонифицирована, ее высказывали в частных беседах, на совещаниях и конференциях; она, как говорится, «носилась в воздухе». Основная заслуга П. А. Мантелейфеля состояла в решении главных проблем теории и практики разведения соболей, в научной разработке технологии клеточного соболоводства. Им было установлено 9 фаз созревания половых органов самки и, соответственно, 9 фаз течки, определено время готовности самки к спариванию и допуска к ней самца, разработан кормовой рацион соболя, правила содержания молодняка и так далее. Именно это в конечном счете решило проблему разведения соболя в неволе.

3. Ученое звание профессора П. А. Мантелейфель получил в 1935 г. (Постановление ВАК от 23.II. 1935 г.)

4. Ф. Штильмарк и Г. Сухомиров пишут: «Как указывает писатель-натуралист М. Д. Зверев в своей книге «Заметки в бору» (1979, с. 138), эта не раз переизданная книжка написана не самим Петром Александровичем, который очень не любил писать, а «одним журналистом» (вернее всего самим М. Д. Зверевым, что нетрудно видеть по слогу и стилю)».

Народный писатель Казахстана М. Д. Зверев прислал в редакцию письмо, в нем он пишет: «С Петром Александровичем я был близко знаком, останавливался у него с ночлегом, когда приезжал в Москву, а он у нас дома, приезжая в Алма-Ату... Однажды

он подарил мне свою книжку 1937 г. «Рассказы натуралиста» и сказал, что его бывший юннат, теперь журналист, собирая несколько лет вырезки из «Известий», «Заметки натуралиста», обработал, а «Детгиз» издал...

Не имею ни малейшего отношения к этой книге. (Выделено автором письма.)

В моей книге «Заметка в бору» на стр. 138 действительно сказано, что книгу «помог издать один журналист», как это было на самом деле. Откуда выдумали эти ребята, что писал я? Удивляюсь их фантазии!»

5. Ф. Штильмарк и Г. Сухомиров пытаются изобразить П. А. Мантелейфеля основоположником реконструкции фауны и приписать ему чуть ли не все ошибки и неудачи акклиматизации животных. Между тем много конкретных предложений об акклиматизации животных исходило от крупнейших экологов, зоологов и охотоведов нашей страны. Б. М. Житков, счиная, что «акклиматизация может при правильной постановке принести большую пользу охотничьему хозяйству», был сторонником акклиматизации у нас ондатры, нутрии, пятнистого оленя, выступал за широкую «пересадку» (расселение) куницы, соболя, волчьи, зайца-русака и так далее (Б. М. Житков. Акклиматизация животных. — М.—Л.: Биомедгиз, 1934). А. Н. Формозов

«Петр Александрович создал особый жанр — «Заметки натуралиста» в «Известиях» и стал широко известен всему населению страны, на зависть ученым. По его совету и я организовал в Сибири и Казахстане «Записки натуралистов» [М. Д. Зверев, из письма в редакцию].

ВОПРОСЫ - ОТВЕТЫ

предложил акклиматизировать белку в лесах Главного Кавказского хребта (А. Н. Формозов. «О возможности акклиматизации белки в кубанских лесах Кавказа», «Пушное дело», № 6, 1930). В. Я. Генерозов был автором, по его словам, «проекта акклиматизации виргинского оленя» (В. Я. Генерозов, Письмо Н. К. Верещагину от 30.VI.61 г.). Много предложений можно найти в статье Б. Фортунатова «О генеральном плане реконструкции промысловой фауны Европейской части СССР и Украины» (Природа и социалистическое хозяйство, VI, 1933) и в других публикациях.

6. Проводя параллели, сопоставляя и противопоставляя (Мантефель — нехороший, Скалон — хороший; Мантефель — нехороший, Генерозов — хороший), Ф. Штильмарк и Г. Сухомиров пишут: «...П. А. Мантефель, которому также несомненно грозила серьезная опасность репрессии, оказался с теми, кто вступил в борьбу с классической наукой о живой природе». Это обвинение не соответствует действительности. Опубликовать несколько статей в унисон с идеями Лысенко и Мичурина не значит «вступить в борьбу с классической наукой».

В «Открытом письме к охотникам-активистам», направленном в редакцию журнала «Охота и охотничье хозяйство» (1958), В. Я. Генерозов, полемизируя с авторами статьи «Наши предложения» (№ 7, 1957), писал: «Авторами статьи забытое указание Мичурина о том, что «нам не надо ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». Такой именно мичуринский, творческий, созидательный подход и находит свое яркое выражение в мероприятиях воспроизведения характера. Идя в этом направлении, мы не только меняем внешние условия обитания охотничьей фауны, но осуществляем также акклиматизацию новых видов охотничьих зверей и птиц и принимаем меры к их полувольному размножению методами дичеразведения и звероводства... Должное развитие мер охраны и воспроизводства, осуществляющего в массовом масштабе, и должно проводиться на основе социалистического соревнования... Всякий, кто будет против этого вывода, будет в существе дела идти против директивных указаний партии...» На копии письма, адресованном Н. К. Верещагину, рукой В. Я. Генерозова написано: «Это моя идеология — охотоведческое кредо». Гораздо в более резкой и агрессивной форме против вейсманизма-морганизма за Мичурина — Лысенко неоднократно выступал В. Н. Скалон. Это было охватившее страну повальное помещательство, и мало кому удалось его избежать. И нам ли упрекать этих людей — жертв небывалой в истории инквизиции и тотального страха.

Примечания О. Гусева

Вологодская областная универсальная научная библиотека

2°

ВОПРОС: За январь и февраль вместо двух журналов я получил только один сдвоенный номер. Вместо 12 номеров журнала «Человек и закон» в 1991 г. я получил только 7. По какой причине стали сдавывать журналы? **В. ВОРОБЬЕВ**

г. Енисейск

Красноярского края

ОТВЕТ: После завершения подписной кампании на 1992 год резко (более чем в 10 раз) возросла цена на бумагу и в 4 раза — на услуги полиграфистов. Собранных по подписке денег редакциям хватило в лучшем случае на 4—6 номеров. Вот почему редакции вынуждены сдавать номера журналов. Но и это спасло не все издания. Некоторые разорились и прекратили свое существование.

ВОПРОС: Мы, любители охотничьей литературы, не поймем, зачем в журнале рубрика «Библиотека охотника»? Мы неоднократно писали по этим адресам, но никакого ответа не получили.

И. ГУКАЙ

Донецкая обл.

ОТВЕТ: Вы, видимо, писали в адрес издательства, но издательства книги не рассыпают. Главная задача рубрики «Библиотека охотника» — оповестить охотников о выходе охотничьей литературы. Не все же имеют возможность выписывать и читать специальные библиографические издания. Книгу не всегда удастся купить, но можно попытаться найти ее у знакомых или спросить в библиотеке. Если же книга высылается наложенным платежом — мы всегда даем адрес, куда писать, и книга, как правило, поступает заказчикам.

ВОПРОС: Я ваш давний подписчик. Вот какой вопрос меня тревожит последние годы: журнал, на мой взгляд, ведет себя пассивно. Неужели в охотничьем хозяйстве нет никаких проблем?

Н. ШАРОВ

Московская обл.

ОТВЕТ: В нашей многострадальной стране постоянно возникает такая уйма проблем, что даже ежедневные газеты не в состоянии за ними угнаться. Конечно, мы успеваем осветить далеко не все волнующие охотников проблемы, но, насколько позволяют силы, пытаемся это делать. Вот уже почти полгода мы печатаем материалы «Круглого стола» «Пути совершенствования охотничьего дела». Хотелось бы, чтобы и наши читатели проявили больше активности и чаще писали бы нам о тех проблемах, которые их тревожат.

ВОПРОС: Много слухов и домыслов в охотничьей среде о новом «Законе об охотничьем хозяйстве». Якобы он сейчас находится на рассмотрении Верховного Совета РСФСР. Хотелось бы знать настояще положение дел. **А. КАСАТИКИН**

Ивановская обл.

ОТВЕТ: Несколько проектов «Закона об охоте» действительно находятся на рассмотрении Комитета по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов Верховного Совета Российской Федерации. Охотничье хозяйство давно ждет принятия такого закона. Постигшая страну смута отразилась и на состоянии охотничьего хозяйства, на сохранности природных ресурсов и заповедников. Закон об охоте призван упорядочить охотничье дело.

ВОПРОС: Подписываясь на ваш журнал, я в подписном бланке поставил цену на год 9 руб. 60 коп. С меня же взяли 18 руб. 60 коп. Прошу вас разъяснить мне и Киевскому почтамту, сколько же стоит годовая подписка на ваш журнал?

А. КОШМАН

г. Киев

ОТВЕТ: 9 руб. 60 коп. — это цена годовой подписки на 1991 год. Цена на журнал возросла и годовая подписка на 1992 год стоит уже 18 руб. В связи с дальнейшим резким увеличением стоимости бумаги, распространения и услуг полиграфистов цена на журнал в 1993 год снова возрастет.

«ЗАПИСКИ СИБИРСКОГО НЕМВРОДА»

(И. Г. ШВЕДОВ И ЕГО КНИГА)

Книга И. Г. Шведова «Записки сибирского немврода» увидела свет в Санкт-Петербурге в 1880 году. Высокие художественные достоинства поставили ее в один ряд с изданными тринадцатью годами раньше «Записками охотника Восточной Сибири» А. А. Черкасова. Но если книга Черкасова выдержала шесть изданий (1867, 1884, 1950, 1958, 1962 и 1990) и есть во многих личных библиотеках, то «Записки сибирского немврода» ни разу не переиздавались и известны разве только обуянным страстью коллекционерам да крайне узкому кругу охотников и охотоведов.

Мы не знаем даже, каким был ее тираж. Учитывая, тем не менее, что появившаяся примерно в то же время второе издание книги Черкасова вышло в количестве 2 тыс. экземпляров («достаточно большой», как считали, тираж для тех лет), можно думать, что книга Шведова была напечатана скорее всего меньшим тиражом.

Автор снабдил свое детище подзаголовком «охотничьи рассказы», хотя некоторые разделы названы «очерками», а Л. П. Сабанеев в «Предисловии» к книге говорит и о «статьях».

Упомянув, что большинство вошедших в книгу произведений уже были обнародованы в «Журнале Охоты» Г. Г. Мина, «Журнале Охоты императорского общества Охоты» и «Природе и Охоте», Л. П. Сабанеев благодарит Шведова «за счастливую мысль издать их отдельною книгою».

«Русская охотничья литература, — пишет далее автор Предисловия, — так бедна, а И. Г. Шведов так живо рисует быт охотников наших далеких окраин и так верно знакомит нас со способами охоты и самими охотничими животными, что книга его как бы дополняет «Записки охотника Восточной Сибири» Черкасова и, вероятно, прочтется с удовольствием всеми охотниками и даже многими неохотниками. Остается пожелать, чтобы пример И. Г. Шведова нашел себе подражателей и чтобы русские охотники почаще делились с собратьями своими наблюдениями и опытностью».

Со времени опубликования книги И. Г. Шведова прошло более ста лет. Теперь-то мы видим, что и до книги Шведова и после нее «русская охот-

ничья литература» была не так бедна, как показалось Л. П. Сабанееву. У И. Г. Шведова были и предшественники, и «подражатели». Достаточно назвать «Записки охотника» И. С. Тургенева (1847) и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова (1852), «Записки мелкотравчаго» Е. Э. Дриянского (1859) и «Записки псового охотника Оренбургской губернии» М. П. Мачеварданова (1876), а также упомянутую выше книгу А. А. Черкасова. Много достойных произведений вышло из-под пера таких даровитых охотничих писателей, как Н. Толстой, Н. Фокин, Ф. Свечин, Ф. Арсеньев, Ю. Смельницкий... Очень своеобразны и увлекательны изданные в Харбине и Тяньцзине книги Н. А. Байкова и, в частности, почти никому не известные «Записки маньчжурского охотника» (1942). В нашем веке русская охотничья литература представлена такими именами, как М. Пришвин, В. Правдухин, И. Соколов-Микитов, Е. Пермитин, Н. Смирнов, В. Казанский, А. Ливеровский, А. Перегудов и ныне здравствующими О. Волковым, В. Янковским, В. Чернышевым, Б. Петровым, В. Сысоевым, С. Кучеренко...

Нет, вовсе не бедна русская охотничья литература. Достаточно вспомнить, что сам А. М. Ремизов, выдающийся знаток родной народной речи и мастер слова, назвал сугубо охотничью книгу Дриянского «Записки мелкотравчаго» «первой в русской литературе по богатству языка».

Охота для русского человека не представляла собой ни «потеху», ни «забаву». Она была его глубоким и сокровенным увлечением, жизненно важным досугом, и совсем не случайны сказанные И. А. Буниным слова: «За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков — охота».

Охота — неотъемлемое звено духовной жизни значительного слоя россиян. Ведя поэзия как охота есть одно из самых сильных и непосредственных проявлений поэзии как сущности. Охоте посвящено столько литературно-художественных произведений, сколько не удостоились многие другие человеческие увлечения.

Феномен русской охотничьей литературы ждет своего исследователя.

Книга И. Г. Шведова достойна лучшей доли. Даже на таком богатом фоне охотничьей литературы она выделяется весьма незаурядным явлением нашей словесности.

В книге тринадцать глав. Автор знакомит нас с копоритнейшими типами охотников своего времени (одна из глав так и названа — «Охотничий типы»), рассказывает о диких козах и охоте на них, об охоте на рыбчиков и «тетеревов из лунок», о жизни других зверей и птиц. Завершает книгу история промысловой охоты в Иркутском округе.

Внимание охотника-натуралиста не-пременно остановит очерк «Бекасы» — вполне профессиональное исследование биологии четырех видов рода бекасов: бекаса и азиатского бекаса, лесного и горного дупеля. И. Г. Шведову удалось подметить одно из важнейших отличий трех очень близких по виду, а иногда и «совершенно сходных» птиц. Распознать их, как оказалось, можно по числу и строению рулевых перьев хвоста. У лесного дупеля их 20—22, у бекаса 14, азиатского бекаса 22—26, чаще 24. Этот таксономический признак оказался невостребованным, во многих современных определителях ссылки на него отсутствуют.

Мое внимание привлекло описание тока лесного дупеля.

«Появляется здесь *Sc. heterocera* в конце апреля, всегда несколько позднее *Sc. Gallinago*», — пишет И. Шведов. — С прилета его не слышно, но вот подвинулась весна ближе к лету, наступили весенние майские деньги, — и прелестный гость начинает свои оригинальные воздушные игры, нисколько не похожие на блеяния европейского барашка. Чтобы посмотреть на них и составить себе о них понятие, нужно выбрать ясный, хотя и свежий майский вечер и отправиться в лес или в окруженный лесом болото. Часы в пятом вы увидите несколько бекасов, описывающих в воздухе круги и почти беспрерывно производящих учащенные звуки на манер «чи, чи, чи». Не думайте, что это начало воздушных игр, — ничуть не бывало, это просто какие-то словно предварительные эволюции; пройдет полчаса — и все смолкнет, бекасы опустятся вниз, и в лесу воцарится мертвая тишина, разве нарушаемая подчас каким-нибудь задорным пиликаньем пичужки, да отрывистым криком козла за противоположную горю. Но вот солнце сравнялось с верхушками деревьев — час седьмой в исходе. До вашего слуха долетели какие-то особенные звуки: вы взглянули и видите высоко в небе движущуюся точку: это игривый долгоносик забрался ввысь. Вот он, поджав несколько крылья и как бы остановив их движение, стремительно полетел наискосок книзу — и полился в

¹ Азиатский бекас.

воздухе дрожащие звуки наподобие льющейся вдали воды, постепенно все возвышающиеся и резче долетающие до вашего слуха. Бекас стрелою несется на вас; но вот, не долетев несколько сажен до верхушки деревьев, он как бы остановился в воздухе и в тот же момент, прокричав свое «чи-ка-чи» (с ударением на последнем слоге), попетел в сторону. Пролетев некоторое пространство и описав в воздухе несколько кругов, он вновь, молча, забирается ввысь и опять производит свой музыкальный фокус.

Наши сведения об авторе книги «Записки сибирского немврода» чрезвычайно скучны.

«Одновременно с Радде в Иркутске начал свою деятельность И. Г. Шведов, — пишет сибирский орнитолог Т. Н. Гагина². — Будучи охотником-любителем, он серьезно занимался изучением местных животных, уделяя преимущественное внимание птицам. Судя по его работам, в целом их с мелкими заметками было опубликовано более 30, не считая литературных опытов, Шведов интересовался преимущественно бекасинами, о которых и опубликовал весьма содержательное ис-

следование «Бекасы» (1880). Много интересных орнитологических материалов собрано им в книге «Записки сибирского немврода... Начиная в 1859 году серия его работ по Прибайкалью прекращается в 1882 году».

В. Н. Скалон³ со ссылками на «Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых» (М. Е. Сток, Иркутск, «Ирмы», 1914 г.) под рубрикой «первые иркутские охотоведы» сообщает о некоторых данных из жизни и деятельности И. Г. Шведова. Мы узнаем, что автор «Записок» принадлежал к купеческой семье среднего достатка, проживавшей в селе Александровском под Иркутском, что он был основателем «первого в Сибири серьезного объединения охотников» — Общества сибирских охотников и много лет подряд состоял «правителем дел этого общества». Охотник и натуралист, И. Г. Шведов

достоинств в переписке с орнитологами М. А. Мензбиром и Ф. К. Лоренцем, вел фонологические наблюдения, изучал млекопитающих и птиц Приангарья, знакомился с бытом и трудом охотников. Был упомянут и физический недуг И. Г. Шведова — его «горбатость», сильно осложнявший ему полевые работы. Т. Н. Гагина в списке литературы приводит семнадцать публикаций И. Г. Шведова. Многие из них печатали журнал «Природа и охота» (1878—1882 гг.) под названием «Записки сибирского охотника».

Умер И. Г. Шведов в 1882 году.

«Как бы то ни было, — завершает свои заметки В. Н. Скалон, — но охотоведы Восточной Сибири видят в И. Г. Шведове своего предшественника, труженика охраны природы и охотничье-хозяйственного строительства».

Помещая ниже избранные места из «Записок сибирского немврода», мы хотим извлечь из забвения интересное произведение охотничьей литературы и отдать дань уважения памяти его автора Ивана Гавриловича Шведова — так незаслуженно, несправедливо забытого.

О. ГУСЕВ

ОХОТА НА КОЗ ЗАГОНАМИ

Какое наслаждение срезать метким прорвальным выстрелом быстрононую козу, когда она несется на вас со всей силой своего чудного бега! Как весело, как приятно стоять на добром загоне в хороший осенний день и слушать, с замиранием сердца, гармоническую музыку трещоток, резкий удар бичей и ухарские, разноголосые крики загонщиков! — Время летит стрелою, товарищи кажутся лучшими друзьями, каждый лесок, каждая лужайка представляется истинным раем! — Да, чудная вещь — охота загонами, скажет всякий, кто хоть раз испытал ее!

Производится она здесь следующим порядком:

Здесь неизвестны громадные облавы, с сотнями пеших загонщиков, точно так же не усвоены настоящие, правильно организованные охоты с гончими собаками⁴; не знают иркутяне

И. Г. Шведов. Записки сибирского немврода (охотничьи рассказы). С.-Петербург, 1880. Печатаются сокращениями.

«Не говорю я, что совсем здесь не существует охоты с гончими собаками, напротив, есть она, и даже еще основанная на артельных началах, — только что это за охота.. истинная пародия на настоящую охоту! — Собаки — дряненькие тявкуши, идущие вразброс и почти не знающие вызова к сборному пункту; дюэзажи или никаки-либо мало-мальски пытных заводчиков и руководителей — не существует, а общий характер охоты имеет оттенок какой-то безалаберной суеты, все же лица, в ней участвующие, как нельзя быть лучше оправдывают по-словицу: «кто во что горазд». Да и вообще охотятся с гончими мало, — больше на зайцев.

таких охот, где зверя предварительно обкладывают; они пользуются повсеместно самым незатейливым, немногоСложным способом обыкновенной облавной охоты, с помощью верховых загонщиков, числом от 6 до 14 человек.

Роль загонщиков здесь исполняют местные крестьяне или буряты, заводят их и вообще, так сказать, распланировывает загоны, из среды же их, какой-нибудь опытный промышленник, от которого, главным образом, и зависит успех охоты. Если он основательно знает местность и, кроме того, мужик сметливый, влияющий на загонщиков и главное, понимающий характер настоящей дилетантской облавной охоты, — тогда все идет гладко, вся охота имеет правильный строй (конечно, если при этом и другие участвующие лица не нарушают общей гармонии). Если же, наоборот, в роль главного заводчика попадет какой-нибудь «мямля», «бестолковщик» или мужик, крепко зараженный сибирским уросом, который, не внемля требованию охотников, ведет порядок загонов на свой промысловый⁵ манер, — тогда лучше вернитесь домой и не думайте встретить удачу: вас будут ставить поперек горы, в какой-нибудь не-

пролазной трущобе, где вам ни стрелять, ни соблюдать порядок линии почти невозможно; загонщики станут заезжать из-за тридевяти земель и почти каждый загон будет испорчен каким-нибудь неправильно расположенным направлением гонцов к охотникам; у вас пройдет целый день в громадных бесполезных разъездах, — будут проезжать хорошие места плохие, — словом, вас промянут, истиранят, перепорят всю вашу кровь и наградят самою злую неудачею.

Загонщики имеют тоже большое значение в охоте. Если они гонят ровно, не опережая и не отставая друг от друга (конечно, кроме криволыжных, которые обязательно должны ехать несколько вперед) и при этом гонят энергично, дружно, не жалея ни трещоток, ни собственных голосов, — то они приносят истинную пользу. Если же относятся к делу неряшливо, то есть гонят кто в лес, кто по дрова, пугаются, в загон съезжаются друг с другом, едут рядом, ведут беседу и, ко всему этому, кричат и действуют трещотками как «спросонья», — то такие гонцы положительно никуда не годятся и нельзя с ними добиться толку даже в местах самых привольных.

После загонщиков немаловажную роль играет и состав самих охотников, точно так же, как и характер установленного порядка.

Общественная охота приятна и имеет настоящий смысл только тогда, когда

² Характер «промысловой» (то есть производимой промышленниками) облавной охоты имеет своеобразные требования и совершенно не тот оттенок, как охота дилетантская, что можно увидеть в моей последней статье: «Краткий очерк промысловой охоты в Иркутском округе».

в ней соблюдается полная дисциплина и строгий порядок, когда вся компания охотников, предоставив право одному из своей среды делать выбор загонов, постановку номеров и тому подобное, охотно подчиняется этому условию, не пытаясь в его распоряжения и, кроме того, все сами строго соблюдают правило, чтобы, становясь на загон, не думать только о личном удобстве, а заботиться главным образом о соблюдении правильности линии и о том, чтобы не мешать другим лицам, осведомляться, где стоят ближние товарищи, не стрелять без меры и по чужой добыче, соблюдать при переходах с загона на загон полную тишину и пр.

Но увы! небогаты мы подобными образцами компаниями; здесь, несмотря на трескучие морозы, природа наподобила все каких-то «африканцев» с пыльными характерами, с кипучими страстями; они вечно бушуют, волнуются, бегут от порядка и дисциплины как черт от ладана и, сколько мне доводилось видеть, делают из охоты какое-то столпотворение Вавилонское.

Один смотрит на товарища как на предмет неодушевленный и, не внемля ни здравому смыслу, ни правилам охоты, сворачивает с линии и становится на загон почти перед его носом; другой, заразившись сибирским урсом, считает всех дураками и прет, очертя голову, куда ему вздумается; третий кипятится из-за всякой мелочи и обращает охоту в какое-то государственное дело; четвертый смотрит на ружье как на детскую игрушку, забывает спускать курки и нисколько не смущается, когда ему напоминают об

этом то и дело; пятый впутывается в каждое распоряжение, кричит, бушует и, несмотря на то, что сам не смыслит в охоте ни бельмеса, лезет ко всем с советами, всюду навязывает свое «авторитетное» мнение; шестой, полагая, что он застрахован от смерти, бежит внутрь загона за подстреленным зайцем и зачастую угощает товарищей приятным посвистом картечью мимо ног или носа; в заключение все это достославное полчище одержимо недугом какого-то раздора, заставляющего их постоянно спорить друг с другом, заводить скоры и превращать охоту в какое-то безобразное сцепление сцен и скандалов.

Охота на коз загонами есть лучшая арена, где охотник может показать свои способности и явиться в глазах товарищей истинным знатоком дела; но последнее дается нелегко и вообще арена эта, насколько богата почвой — настолько бедна плодами. Стреляющих хорошо найдется немало, можно также встретить (конечно, только помимо вышеупомянутого полчища) и таких охотников, которым позволяет их темперамент сдерживать свой эгоизм, подчиняться существующим правилам, не быть помехой другим и вообще вести себя скромно и тихо; но охотников, которые бы ко всему этому знали все местные уходбища, как комнаты в своем доме, обладали сноровкою толково распоряжаться загонами и имели настолько практически верный взгляд на строй всей охоты, что могли бы находиться вне зависимости от загонщиков, — встретить нелегко потому, что все это дается не одной практикой, а и особо прирожденной к тому способностью. Я сам вот охочусь более двадцати лет, перебывал сотни раз в одних и тех же местах, но в ознакомлении с ними и знании

распределения загонов и прочем я совершил профан, которого любой загонщик, как говорится, проведет и выведет на каждом шагу.

Представить в виде полного, систематического обзора весь ход и условия здешней облавной охоты на коз я не берусь, а ограничусь наброском нескольких сцен из всего периода нашего охотничьего сезона, по которым, надеюсь, читатель и составит себе хотя бы приблизительное понятие о всем взятом вместе.

В августе месяце, когда осень ничем еще не напоминает своего приближения, ярые охотники из легиона «торопыг» не выдерживают характера и делают в виде опыта первую охоту на коз загонами; но что же встречают они? В лесу от густой травы и неопавших листьев непроглядная тьма и глуши. Что ни загон, такая трущоба, сквозь которую дальше двадцати, тридцати шагов ничего не видно. В воздухе духота; солнце печет совершенно еще по-летнему. Охотник млеет от зноя и стремится душою в другую сферу, где есть вода, где есть прохлада, и видит, что лес для него теперь совершенно еще несродная стихия. А вот едет по хребту загонщика, кричит он с полным усердия и бойко вертит своей оглушительной трещоткой, — между тем коза, не то рыжая, не то красная, вся какая-то словно оципленная, лежит себе преспокойно в густой траве под нависшими ветвями кустарника, поводит ушами, дремлет, и за густотою леса решительно ничего не слышит, — так иногда загонщик и пройдет мимо, не вспугнув ее, а если случится, что он потрафит как раз на то место, где коза лежит, то и тут не всегда является благоприятный результат: она потихоньку вскочит на ноги, прислушается и, легко

Рисунки Б. Игнатьева

переступая по мягкой траве, пройдет шагом мимо его и, защищенная тьмою непроглядной зелени, исчезнет в противоположную сторону гона, никем не замеченная. Загон прошел в напрасном ожидании, а вслед за ним и все последующие. Охотники возвращаются домой с пустыми руками и только тогда, сознавшись в своей неуместной торопливости, откладывают охоту на некоторое время.

В начале сентября лист местами пожелтел, но в лесу еще глохно. Коза бывает больше по Ангарским утесам, где не так сильно беспокоит ее мошка, и удаляется от пашен, на которых в это время толпится народ, занимающийся уборкою хлеба. В падь теперь ее выгнан крайне мудрено: она все еще боится открытых мест и находит возможность по густоте леса удаляться стороныю, как и в августе. Принимая это в соображение, охотники делают загоны только там, где им приходится занимать линию по глухим лесным дорожкам или отпадкам, пересекающим горы. Козы в эту пору выходят на стрелков чрезвычайно поздно, часто почти в одно время с появлением загонщиков. Охотиться приятно: день длинный, в воздухе тепло, хотя и нет уже того удущившего жара, что в августе, но охота вообще не представляет еще настоящего интереса, и редко награждает обильной добычей.

Но вот подошла и настоящая, глубокая осень. Сентябрь в исходе. Утренние заморозки убили всю зелень. Желтые листья закрутились в воздухе и начали устилать ковром землю; один, другой день,— и все лиственные деревья окончательно оголились. В лесу всюду сквозит, просвечивает, и нет уже такой трущобы, которая бы представляла непроглядную, сплошную массу. На полях не слышно людского говора; хлеб весь убран и козы беззабыденно приблизились к пашням, где привлекают их раскинувшиеся бархатным ковром зеленые озими. Вот когда наступила лучшая пора для охоты загонами! Вот когда она представляет полный интерес и доставляет охотнику истинное наслаждение!

Часы в седьмом собираются они дружною компанией человек в 8 или 9, садятся на охотничью дорогу и едут в свои избранные заветные местечки. Вот подъехали к обширной пади, против которой высится крутые хребты, окутанные сверху темной сосновой чащью и красиво обрамленные по краям группами осинника. Сошли с дорог, без шума и спору перешли с главным загонщиком, где будут становиться, вынули номера и пошли на загон, сблюдая полную тишину, которая в эту пору всего более необходима, потому что в лесу слышно далеко, и зверь до крайности чуток. Вот прошли сажень тридцать, или вообще расстояние, требуемое местностью гона, и заявили первому номеру, что пора ему становиться. Этот последний, зная, что

крайним номерам предоставляется право уходить дальше и становиться вне линии, осматривает местность и, если видит перед собой чистый взлобок или какую-нибудь углубляющуюся в гон падушку*, отправляется туда, конечно, предварительно заявив о том второму номеру; затем все остальные стрелки (кроме последнего) становятся, строго соблюдая правильную линию**, и в ожидании начала гона каждый осматривает местность, проверяет, где стоят его соседи, если курящий, то закуривает папиросу, а нет, так садится на колоду и углубляется в какую-нибудь заветную думу. Между тем в природе царствует полная тишина. В воздухе свежо. Серебристый иней стелется по траве и блестит в виде белого налета на густых ветвях сосен. Солнышко не успело еще пробраться из-за высоких хребтов, и в глухой пади всюду царит тень. Все предвещает ясную, хорошую погоду, какой необыкновенно отличается сибирская осень. Мошка, придавленная холодным утренником, пока еще не проснулась и не заявляет своего назойливого присутствия. Какое наслаждение быть в это время в лесу, дышать чистым воздухом, слышать характерный запах хвойных деревьев, чувствовать живую, ободряющую свежесть! Охотникам весело, радостно; в душе копошится беспокойное нетерпение; слух их настороже,— но пока все тихо,— только дятел где-то далеко стучит в сосну, попискивают синички, да слышится отрывистый кашель кого-то из охотников.

Загонщики едут цугом на рысях; вот они обогнули гору, против которой стоят охотники, встретили глубокий отпадок, пересекающийся, и тотчас свернули в него; тут они заняли линию, образно занимаемой стрелками, дождались, когда последний крыловой доехал до края и подал сигнал громким криком и ударом бича, двинулись вперед и завели свою оглушительную музыку голосами и трещотками. Вот они проехали хребтом сотню саженей, услыхали в отдаленной чащее треск, увидели трех коз, промелькнувших своими белыми салфетками***, и энергия их сразу возросла до невероятных размеров: гон превращается в какой-то неистовый гвалт и подобно электрическому току долетает до слуха охотников: они тотчас смекнули, в чем дело и воскресли душою; каждый млеет теперь в страстном ожидании, устремив взоры в темную глушь чащи и боится, собственным дыханием нарушить чуткость слуха. А вот затре-

* Часто козы на падь не выходят, а пробегают косогором, чем иногда и пользуются крайние номера, становясь в полугоре.

** Расстояние, на каком становятся охотники друг от друга, бывает различно,— смотря по обширности гона и числу стрелков: приблизительно же от пятидесяти до семидесяти шагов.

*** Теперь не то, что в августе: коза не даст загонщику приблизиться к себе вплотную,— она заслышил его сажень за сто и в один миг очутился перед цепью охотников.

щали сучья, послышался топот и на дальнем взлобке эффектно обрисовалась рослая фигура красавца-козла с ветвистыми небольшими рожками, а за ним вскоре и двух его подруг. Горячо заговорило ретивое у того счастливца-охотника, против которого остановились козы; он замер как очарованный, не смея мигнуть, боясь пошевелиться; руки крепко сжали ружье, дыхание словно застыло, под коленами чувствуется дрожь, а мысли все объяты опасением, как бы козы не отвернули в сторону. Дивная минута! Понятна она каждому охотнику! Немного погодя козы бросились со всех ног, и вот они несутся своими чудными, воздушными прыжками, как раз к тому месту, где ожидает их охотник; раздаются два выстрела — и уж тут картина принимает весьма разнообразный характер. Если стрелял охотник дальний, который, несмотря на все волнующие душу страсти, может в данный момент управлять собой,— добровольно исправно заряжено надежной пропорцией пороха и полным «испытанным» зарядом «средней» картечии, прицелился он с выдержкой и спустил курок лишь в то время, когда грудь или бок козы, как говорится, «сидит на целике»,— то пара красивых животных, стремительно перекувырнувшись через голову, падают мертвыми. Если же, наоборот, практиковался в стрельбе неумелый «горячка-торопыга» или «охотник-новичок», которые выстрелили в «накидку», не слыша под собой ног, не сознавая, «где они и что они»,— то в первом случае две козы уйдут невредимы, а одна, получив какую-нибудь ничтожную царапину или перелом передней ноги, наделает бездну хлопот, угонит у охотников целый час времени на розыски по кровавому следу, и в результате все-таки ускользнет от рук, сделавшись после добычею какого-нибудь хищного зверя,— а во втором случае козы будут испуганы присвистшими в стороне картечами от выстрелов «новичка» и прошмыгнут совершенно здоровыми в противоположную гону гору, а то своротят вдоль хребта и дадут случай отсалютовать по себе еще нескольким охотникам.

Стрельба коз, мне кажется, вовсе не так легка, как многим она представляется, и все рассказы о существовании таких стрелков, которые удачно бьют на загонах коз пульями, есть чистейшая выдумка. Во-первых, стрелять пулей на загонах, производимых таким порядком, как здесь, не совсем и безопасно: как раз можно вместо козы залепить в ухо загонщику; а во-вторых, тогда стрельба картечью не

* Употребляя прежде для стрельбы коз картечью очень «крупную», которой примерно шло в заряд штук 8—9, а также картечью «мелкую», идущую в заряд от 24 до 26, мы убедились по опыту, что ни та, ни другая непригодны: первую сильно разбрасывает, в вторую легкорванна, вследствие чего стали употреблять картечью «среднюю», которой примерно идет в заряд от 17 до 20, и увидели, что это всего лучше достигает цели.

представляла бы никакой трудности, и в руках хорошего стрелка считалась бы делом истинно пустяшным, между тем на практике мы видим, что и самые отличные стрелки дают подчас отличнейшие промахи. Полагаю, что каждый бывалый охотник на вопрос о стрельбе коз пулью на загонах, возразит: «Да где тут попадешь в нее пулей, когда и картечью-то едва успеваш уловить момент для выстрела, так быстро она исчезает из виду, такие огромные делает прыжки!».

Стрелять козу нужно проворно, но вместе с тем (как я упоминал) не внакидку, а с полной выдержкой, взявши ясно на цель,— иначе, если и занеете ее, то мало пользы,— заряд расположится не по убойному месту, и она, раненая, уйдет за несколько верст, не давшись никакой зверовой собаке.

Кстати, замечу тут: зверовая собака, которая идет по крови и ловит подстреленных коз, есть необходимая принадлежность дельной облавной охоты, в особенности осенней, пока еще нет снегу. Мы обыкновенно приобретали таковых собак от крестьян-промышленников^{*} и на охоту возили их на привязи; когда же кто из охотников ранит козу, тотчас пускали собаку на след и посылали за нею одного верхового загонщика. Взявши козу на глаз, собака обыкновенно начинает лаять, а когда догонит, сначала хватает за стегна, останавливает ее и потом яростно вцепляется в горло; при поимке коза пронзительно вскрикивает, а козы зачастую начинают отбиваться рогами. Много перебывало у нас хороших, бойких зверовых собак, но все они как-то, перейдя со скучной пищи прежних деревенских хозяев на более привольную,— скоро теряли чутье, обленивались и делались никуда не годными. Самая лучшая из всех собак, служившая нам, была невзрачная маленькая собачонка, принадлежавшая одному из наших загонщиков; она обыкновенно уходила в гон за своим хозяином, на попадавшиеся на пути следы здоровых коз не обращала внимания,— когда же заслышила выстрелы, тотчас туда являлась, тихонько разыскивала след и едва только замечала, что зверь ранен, увязывалась за ним легкою рысью, сопровождала его подчас по несколько верст и почти всегда заканчивала дело самой яростной, самой ловкой поимкой.

Обращаюсь к прерванному рассказу:

Таким порядком разъезжаются охотники из пади в падь, стараясь больше гнать там, где есть озимы, около

которых, как говорил я раньше, козы охотно в эту пору держатся. Веселой чередой идет загон за загоном: не чувствуют охотники усталы, не замечают, как летят время! Сделали они уже десять загонов; вечерний сумрак гонит домой, а кипучая страсть все еще не удовлетворилась, и внутри каждого чувствуется досада, зачем рано свечерело, зачем нельзя сделать еще один-другой загончик...

А вот и суровая зима подкралась незаметными шагами: сначала выпал легкий снежок, едва покрывший землю тонким пластом, и охотники с удовольствием ездилиправлять первозимье; им было любо видеть каждый след, определять сразу результат выстрела, находить без затруднений подстреленную козу. Дальше снег постоянно увеличивался, намело его целые горы, затрещали никольские морозы и охота приняла уже совершенно своеобразный характер. Теперь не то, что осенью — не поедешь на охоту как вздумается, надо выжидать такого периода, когда после сильных морозов выдается денек-другой потеплее, но какое же это тепло! Утром градусов 15, в полдень спустит на 10, а к вечеру снова начинает хватать за уши; но делать нечего: надо пользоваться хотя какой ни на есть возможностью выехать на охоту и за плохое говорить судьбе спасибо!

Вот приехали вы на место, сбросили дух и остаетесь в толсто навьюченном, неуклюжем полушубке,— чувствуете, что все ваши движения неповоротливы, ружейный приклад словно сделался длиннее, каждое прицеливание сопровождается каким-то насилием; кроме того, ноги ваши обуты в громадные валенки, в которых приходится вам путешествовать по сумету, уставать до изнеможения и проклиная подчас судьбу, обрекшую вас на такую злую пытку; между тем одеться иначе нельзя: на дворе хотя и оттепель, но в другом платье и обуви вы закончите сразу и не выдержите и двух загонов — на то она зима — на то она охота, чтобы мириться со всеми неудобствами, извлекать из массы неприятностей каплю удовольствия! Вот берете номер, становитесь на загон и чутко прислушиваетесь к первому клику крылового загонщика; — теперь мешкать некогда: если коза в загоне и не уловится пробежать стороныю, то она с первых же криков вылетает на охотника. Впрочем, слово «вылетает» в настоящую пору неверно: в глубокую зиму козы как-то нелепо ныряют из сумета в сумет и нет у них того чудного быстрого бега, которым вы любовались осенью; зато и стрельба по ним становится настолько легка, что самые «гроша-

* Здешняя зверовая собака не представляет какой-нибудь особой породы, а просто выдастся у мужика дворняжка, хорошо подланывающая белку, ловящая раненым коз, она же подчас и останавливающая кабана,— он и ведет от нее род; молодых сначала водит на охоту со старыми, те практикуются от них, и являются поколение отличных зверовых собак, которых владельцы дорожат и которых ценят подчас весьма высоко.

колодкой, высокопередний чепрачный выжлец. Но собаки не бывают без недостатков в экстерьере. У Каира наблюдалась некоторая простоватость головы из-за широколобости и прямого обреза губы.

Линия Каира у ленинградских гончаков все эти годы была ведущей в селекционной работе с русскими гончими. Мы не видели ни одного щенка, которому Карай передал бы недостатки головы, а вот выдающиеся полевые качества — многим. Да, эта собака в 80-е годы стала в СССР символом выдающегося гонца. Карай выступал на крупнейших состязаниях и испытаниях, постоянно выходил победителем, являлся пятикратным полевым чемпионом, имеет 8 дипломов I степени, неоднократно подтвержденных.

Часто я спрашивал у Ивана, как ему, городскому охотнику, удалось добиться этого? Прежде всего — постоянный тренинг, даже при плохой погоде и тропе. Работать Карай начал в восемь месяцев. К этому времени собака была физически подготовлена и приобретала свои основные качества: нестомчивость, полаз, вязкость, паратность. Большое внимание уделялось позывистости. Жулис отмечает, что такие качества, как чутье, голос, ум или мастерство, были сполна даны Каю от природы. Работая с собакой по чернотропу с раннего возраста, владелец с большой осторожностью ставил ее по белой тропе. Только работа чутьем, а не по видимому следу, дала основание продолжать натаску зимой. Наконец, для Каира не было межсезонья, он постоянно, круглогодично набрасывался в специально отведенных для этих целей угодьях.

Я не помню ни одной охоты, чтобы Карай в полазе не поднял зверя в пределах получаса. Часто мы охотились со смычком при различных погодных условиях и тропах, и всегда были уверены, что Карай первым поднимет зверя. Карай проявлял врожденную жаждость к зверю, а главное — нестомчивость в преследовании. Мы это изучили на своих неудачах при стрельбе и выборе лаза на гону в новом, незнакомом месте.

Так было у деревни Ручьи, что в 20 км от Любани. Зайца в этот год было в достатке. С утра набросили выжлеца, а через десять минут по чернотропу он помкнул и залился.

Нас было четверо. Рассыпались, и по волнующим звукам гона каждый не без успеха прогнозировал лаз. Стреляли трижды, однако Карай гнал вязко и паратно, заяц шел молнией и не был задет. Лес наполнился рыданиями взахлеб, гон был яркий, ровный. От такой музыки в лесу становилось торжественно, казалось, этот звучивший, томный плач не может длиться долго, что мы в большом долгу у Каира, задерживаясь с результатом охоты. Однако выжлец демонстрировал вязкость, нестомчи-

вость в тот день до темноты. Несколько перемолчек и два скола — один на пять минут, другой — пятнадцать, — вот каким был этот длительный гон. Уже в сумерках гонный заяц появился на опушке вырубки, выстрелили в него буквально влет, но заяц удалился. Через 150—200 метров выжлец загремел, и через минуту смолк. Я продвинулся вперед, увидел Каира, тыкающееся носом добытого зайца.

Были охоты и без результата. Хотя это и неверно, — могучая песня гона, таинство леса и ожидание зверя для нас не менее важны и интересны, чем добыча. Сильный ветер с Правдинского озера, неосторожность при подходе и выборе места для стрельбы, и мы подшумели зайца, оттеснили гон куда-то в сторону, отслушали Каира. Не было его до десяти вечера. Мы разошлись в разные стороны, надеясь, что кто-то услышит работающего выжлеца. Только в час ночи удалось приблизиться к гону. Ночью низкий бас-башур Каира звучал еще значительнее и торжественнее. Заяц ходил в небольшом кругу, и мне удалось перехватить Каира. В темноте, по компасу выходили мы на дорогу, собака на удавке ремня тащила, но отпустить было нельзя — вернется к зайцу. У машины оказались первыми. Разбудили нас вернувшиеся охотники. Узнав, что Карай в машине, все были счастливы.

Мне и сейчас не ясны все приемы Каира при управлении сколов. Заячий хитрости: скидки, сдвоики, тройки, лежки-западания для него опасности не представляли. Подобные задачи он решал, как современная ЭВМ, быстро, зачастую в перемолчке. На белой тропе мы наблюдали, что выжлец не гонит по сдвоенному и строенному следу, а сразу на ходу срезает и находит выходной след. Но кто может объяснить случай на состязаниях Ленинград — Карелия, когда эксперт республиканской категории В. Попов наблюдал гонного зайца, который проплыл 80 м по весенней воде, а буквально через две минуты по той же воде с голосом в полные ноги преследовавшего Каира! Другое дело — были случаи, когда собака видела плавающего зайца и преследовала его вплавь, кстати, тоже с голосом.

Ясно, что при сколе Каю помогали не только чутье, но и сметливость, а значит — мастерство.

Умение собаки разбираться в звериных хитростях делало охоты с Каира очень интересными, так как под собакой, обладающей такими качествами, зверь зачастую ходил на кругах, и мы имели возможность встретиться с ним.

В молодые годы паратный выжлец отличался неоднократными поимками зайцев и лисиц. Нужно сказать, что Каю сложно было подобрать для смычка выжловку, которая смогла бы выдержать присущий ему темп гона. Наиболее интересные охоты в смычке

с Вестой Огурцова дали немало радостных минут и даже победу на всероссийских состязаниях. Весте не хватало нестомчивости на совместных охотах с Каира. Она вдруг бросала гон, оставалась на каком-то возвышенном месте, сопровождала гон завываниями оттуда, порой вплоть до момента добычи зверя. С другой стороны, Карай, своим паратым, нестомчивым гоном, казалось, превышает все физиологические возможности, и я испытывал неприятное чувство беспокойства за него, если гон слишком затягивался.

В тот год осень рано дохнула свежестью, хотя до зимы было еще не близко. Лист на деревьях держался, земля влажная — самый чернотроп. Выехали из города с ночи. На рассвете начали охоту. Был пасмурный тепловой денек, стелился туман. Влажная земля долго сохраняла запахи заячьих следов, и гонять должно было быть легко. Место нравилось: ельник, чаща, зайцев в достатке. Собаку подбадривали хором. Вскоре услышали голос Каира — погнал. Соскучились мы за лето по этой охоте, с волнением вслушивались. Вот удаляется гон, голос еле слышен. Вот снова приближается музыка, громче, громче. Все готовы, ждут зверя, и «мочила» — Василий Ефремович — открывает сезон великолепным выстрелом. Собираются на его громкое «Готов!», возбужденный Жулис разбирает наше поведение на гону, не всем доволен.

А через пятнадцать минут на новом месте Карай вновь в полазе. В этот раз поднять зайца помог Жулис: произошло почти невероятное — он увидел зайца, притаившегося на кочке, предупредил нас и вызвал зайца «пождентльменски» на дузль, буквально дотронувшись до него стволами ружья. Без выстрела, под крики «тут-тут-тут» зверь ушел, а вслед за ним загремел Карай, очень яростным гоном по зрячему.

И вдруг, не успев особенно удаститься, смолк. Прошло время перемолчек, скол слишком долгий, не похоже на Каира. Что-то недоброд. Со всех ног бежим к месту, где последний раз слышали. Нашли не сразу. Девятилетний Карай лежал в направлении гона. Сердечный приступ закончил эту охоту.

Год лечения — и снова Карай в строю, только на щадящих охотах в один наброс.

Карай гонял классически, но годы брали свое — слабел и менялся голос. А верность отдачи, чутье и даже добывчивость не подводили великого гонца.

Он стал учителем молодого смычка, которого завел Жулис. Надо надеяться, что вырастет достойная Каю смена.

А я благодаря Каю стал поклонником охоты с гончими.

САМОДЕЛЬНАЯ ДРОБЬ

Несмотря на опубликованные статьи в № 9 за 1990 г. и № 1, 8 за 1991 г., где приведены некоторые из способов домашнего изготовления дроби, редакция решила еще раз вернуться к этому вопросу, так как, на наш взгляд, присланные авторами Ю. Тун-

дыковым, В. Столповским и А. Кинлинским материалы предлагают более рациональные способы изготовления различных номеров дроби в домашних условиях.

В последнее время резко увеличилась стоимость дроби и готовых

патронов, что привело к значительному росту потока писем от читателей с просьбой еще раз вернуться к вопросу изготовления дроби самими охотниками.

В. СТОЛПОВСКИЙ

ЛИТЬЕ МЕЛКОЙ ДРОБИ

Для изготовления дроби необходимо иметь: источник тепла, металлическую тонкостенную коробку продолговатой формы для плавления свинца, подставку с отбойником и сосуд с водой для приема и охлаждения дроби. В коробке на изгибе торцевой стенки и дна стальной иглой пробивается отверстие очень малого диаметра. Чтобы облегчить пробитие отверстия, можно толщину стенки коробки в этом месте уменьшить напильником. Необходимо учитывать, что чем меньше будет отверстие, тем лучше будет протекать процесс изготовления дроби. Подставку с отбойником следует изготовить из тонкого стального или алюминиевого листа. Отбойник обтягивают хлопчатобумажной тканью, которую в процессе изготовления дроби постоянно увлажняют водой. Подставку с отбойником устанавливают таким образом, чтобы расстояние от отверстия в коробке до точки падения свинцовых капель на отбойнике было равным 10—15 мм.

В качестве сосуда для приема дроби можно использовать стеклянные или металлические банки (0,5—1 л). Банку заполняют водой до краев. Ее следует поставить на блюдце или в какую-нибудь коробку для сбора воды, вытекающей дробью. Расстояние от кон-

ца отбойника до уровня воды в банке должно быть равным 15—20 мм.

Куски свинца, весом порядка 100 г, загрузить в коробку и включить нагревательный прибор. Когда свинец начнет плавиться, то необходимо слегка постукивать по краю коробки каким-либо металлическим предметом. Когда начнут вытекать капли свинца из отверстия, необходимо отрегулировать угол наклона отбойника, следить за тем, чтобы капли падали на верхнюю часть отбойника. Ткань на отбойнике должна быть постоянно влажной.

В процессе изготовления дроби не допускать перегрева расплавленного свинца, что приводит, как правило, к браку. Куски необходимо погружать в расплавленный свинец с противоположного от отверстия конца, чтобы не было резкого охлаждения его в месте вытекания свинца. Не загружать свинец большими порциями, так как при этом резко поднимется уровень жидкого свинца и вытекание резко возрастет, что нежелательно, так как может резко понизиться температура расплавленного свинца.

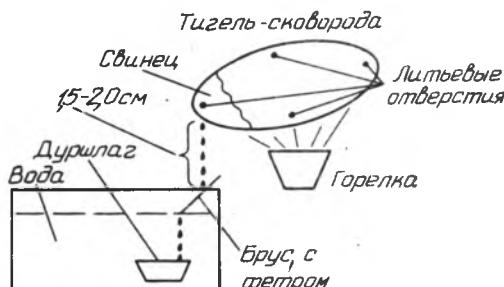
Готовую дробь нужно периодически выгружать из приемного сосуда, потому что если уровень готовой дроби будет очень близок к поверхности воды, то дробь, не успевая полностью

затвердеть, будет принимать форму лепешек.

Суть предлагаемого процесса изготовления дроби заключается в том, что капля расплавленного свинца, падая на влажную ткань отбойника, при соприкосновении с ней испаряет воду, а образующийся при этом пар подбрасывает каплю вверх. Свинец при этом частично охлаждается. При дальнейшем движении по воздуху, а затем в воде, капля принимает форму шара и охлаждается окончательно. Так как в процессе изготовления дроби не всегда выдерживается постоянная температура и постоянный уровень жидкого свинца в коробке, то размеры дробинок будут разными. Поэтому дробь необходимо рассортировать. Отделение деформированных дробин можно производить на наклонной доске. Гладкую широкую доску положить с некоторым наклоном. На нее небольшими порциями высыпать дробь. Круглые дробинки скатываются с доски, а деформированные остаются. После этого дробь сортируют через сита, изготовленные из консервных банок. Отверстия в ситах должны соответствовать принятой нумерации дроби.

ЛИТЬЕ СРЕДНЕЙ ДРОБИ

Ю. ТУНДЫКОВ

Суть предлагаемого способа заключается в следующем: из отверстия в тигле капли расплавленного свинца под давлением всей его массы (минимальной — 0,2—0,3 кг) скатываются непрерывным потоком по наклонной плоскости в воду.

Для литья требуются следующие принадлежности: источник тепла (например, примус); тигель — обыкновенная дюралевая сковорода или согнутое из толстой жести подобие такой сковороды; квадратный или прямоугольный сосуд для воды объемом от одного до четырех литров; обтянутый шляпным фетром деревян-

ный бруск шириной 5—7 см, толщиной около 1 см и длиной, равной расстоянию между внутренними сторонами стенок сосуда. Бруск служит плоскостью, по которой скатываются капли свинца. Фетр на нем предварительно обильно смачивают водой. В таком состоянии он приобретает способность втягивать в себя влагу из сосуда и предохраняться тем самым от пламени горелки. При литье для страховки следует периодически обливать фетр водой. Бруск вставляется в сосуд и держится в нем трением о стенки, что позволяет легко менять высоту его постановки и угол наклона (по этой причине не следует применять сосуды с круглыми или овальными бортами).

Литьевые отверстия в сковороде пробиваются ближе к краю. Первое отверстие делают «на глазок». Затем льют из этого отверстия дробь, определяют ее номер и уже после этого пробивают отверстия для других номеров (но не больше четырех на сковороду), делая эти отверстия чуть больше или чуть меньше первого. Единственным измерительным инструментом служит мне при этом острое двухмиллиметрового шило. Эти «чуть больше» или «чуть меньше» определяю по степени вхождения острия в отверстие.

Теперь о процессе литья. Тигель сковородку установить на примусе с наклоном в сторону того отверстия, из которого предполагается лить дробь. Сосуд с водой расположить таким образом, чтобы расстояние между отверстием сковороды и тем местом на верхней кромке бруска, куда будут падать капли свинца, составляло 1,5—2 см. Наклон бруска должен быть 40—45°. То и другое окончательно установить опытным пу-

тем при литье.

Пока свинец плавится, отверстие в сковороде должно быть перекрыто вставленным в него шилом. Когда стекающего к кромке сковороды расплавленного свинца накопится достаточно, надо вытащить шило и легонько ударить раз-другой им же по борту сковородки. Обычно такой встряски вполне достаточно для того, чтобы дробь, как говорится, «пошла». При прекращении вытекания свинца нужно немедленно перекрывать отверстие шилом. Причинами прекращения вытекания могут быть пенные «плевки» при перегреве свинца, застывающие струи («козлы») при недогреве, слияние и спекание капелек свинца при слишком малом расстоянии между литьевым отверстием и верхней кромкой бруска, а также при недостаточном наклоне бруска. В сосуде дробь должна опускаться не на дно, а в миниатюрный дуршлаг. Его можно сделать из дюралевой ложки. Дуршлагом удобно перехватывать брак, а главное — периодически вынимать из сосуда готовую дробь, поддерживая воду на оптимальном уровне. Этот уровень должен обязательно проходить по нижней кромке бруска. Воздушный зазор между кромкой и водой не допускается. В противном случае дробь, падая в воду с некоторой высоты, будет приобретать чечевичеобразную форму и, кроме того, начнет высыхать фетр.

Опыт показывает, что размер дроби зависит не только от диаметра отверстия в тигле, но и от давления расплавленной массы свинца. Готовую дробь следует просеивать. Сита изготавливаются из небольших дюралевых пластин. Сверла для сверления отверстий в ситах следует применять диаметром больше диаметра соответствую-

щих номеров дроби. Для № 7, 6, 5, 4 и 3 наиболее оптимальными следует считать отверстия в ситах диаметром соответственно 2,6; 2,9; 3,1; 3,3 и 3,6 мм. Но, например, «семерку» можно не лить, а отсеивать от «шестерки» (так же, как и «двойку» от «тройки»).

После просеивания дробь необходимо слегка обкатать при помощи небольшой, но увесистой металлической болванки (вращать ее следует правой рукой, а левой — непрерывно перемешивать дробь на плоскости). Конечно, не всегда в этом есть необходимость. Кроме того, исключение «обкатки» позволит больше включать в свинец при плавке твердые добавки.

Заключительная операция — обтряска и шлифовка дроби в стеклянной банке или бутылке из-под молока с добавлением графитового порошка (стержня от одного карандаша хватает на 7—8 кг дроби). Приготовленная таким образом дробь с виду мало чем отличается от заводской. Качество осипи при выстрела также получается вполне приличным.

Разговор о домашнем изготовлении дроби был бы неполным, если ничего не сказать о свинце. Кабельный свинец чистый и потому слишком мягкий. В него при плавке следует добавлять более жесткого — аккумуляторного. Перед переплавкой аккумуляторных свинцовых решеток их следует «обколотить» легкими ударами отвертки или напильника, осторожно освободив от окислов.

Свинец и принадлежности для литья необходимо хранить завернутыми в полиэтилен и вложенным в твердую закрывающуюся фару, обязательно вне жилых помещений — в сарае, гараже, в крайнем случае — на балконе.

ЛИТЬЕ КРУПНОЙ ДРОБИ

А. КИЛИНСКИЙ

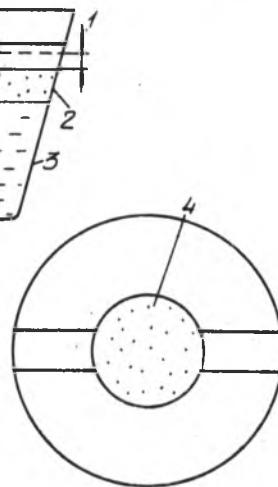
Для литья крупной дроби необходимо иметь емкость на 10—12 л (например, металлическое ведро) и емкость поменьше (консервную банку или что-то в этом роде), в которой шилом пробить отверстия диаметром 0,3—0,4 мм. Маленькую емкость следует расположить в большой на расстояниях (видно на рисунке).

В большую емкость на 3/4 объема

Схема установки для литья крупной дроби: 1 — расстояние между емкостью и топливом (должно быть не более 0,5 см); 2 — дизельное топливо; 3 — вода; 4 — свинец.

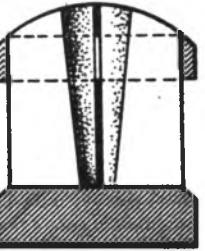
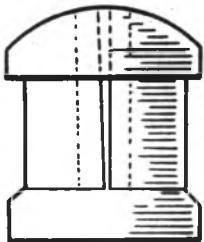
заливается холодная вода. Поверх воды наливается летнее или зимнее дизельное топливо (солярка). Затем в маленькую емкость положить свинец, а в большой подложить солярку. Остается только подкладывать свинец и подливать дизельное топливо. Расстояние между маленькой емкостью и топливом не должно превышать 0,5 см. Дробь получается размером около двух нулей. Если сделать отверстия меньше, то диаметр дроби соответственно уменьшится.

За один час таким способом можно изготовить около 5 кг дроби.

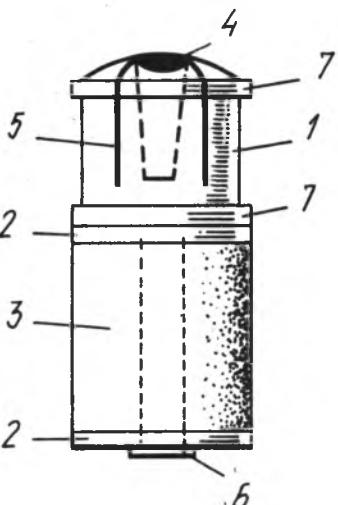
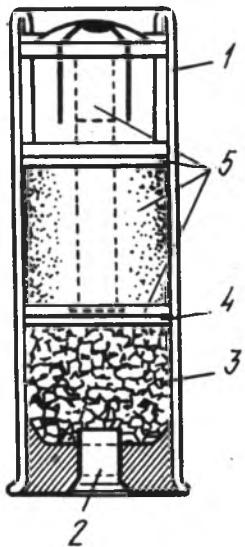

ПУЛИ ШИРИНСКОГО-ШИХМАТОВА

В. КОРОЛЕВ

Пуля Ширинского-Шихматова. Первый образец.

Усовершенствованная пуля (второй образец) Ширинского-Шихматова: 1 — свинцовый корпус пули; 2 — картонные прокладки; 3 — войлочный пыж; 4 — экспрессная пустота; 5 — надрезы, облегчающие развертывание пули при ударе по цели; 6 — расклепанный конец свинцового стержня (хвостовика) пули для удержания пыжей; 7 — ведущие пояски, частично сминающиеся при прохождении через чок.

Патрон, снаряженный пулей Ширинского-Шихматова: 1 — гильза; 2 — капсюль «Жевело»; 3 — бездымный порох; 4 — картонная прокладка на порох; 5 — пуля Ширинского-Шихматова.

Имя князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова хорошо известно охотникам-библиофилам. Его книга «По медвежьим следам» — библиографическая редкость. И хотя ее содержание подверглось в свое время серьезной критике, книга по оригинальности материала и оформления, качеству полиграфии и редкости занимает достойное место в списке книжных раритетов и является возделенной мечтой библиофилов. Известно имя князя и историкам: ведь Андрей Александрович, потомок прославленного рода, занимал значительные посты в государственном аппарате России. Биография и жизненный путь Ширинского-Шихматова описаны в статье А. Стрижева, опубликованной в № 6 нашего журнала за 1984 г.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

24 ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

www.booksite.ru

Охота на крупных хищников — дело небезопасное. Оружие для таких охот должно быть безотказным и надежно поражать зверя. Охотился Андрей Александрович с разнообразным оружием: был медведем из крупнокалиберных штуцеров, из штуцеров-экспрессов, из винтовок, но лучшим оружием на медвежьих охотах считал двухствольное ружье 10-го или 12-го калибра. Оценивая надежность поражения зверя, Ширинский-Шихматов проводил испытания различных пуль для нарезного и гладкоствольного оружия. Исследование образцов заграничных, так называемых «составных» пуль натолкнуло Андрея Александровича на мысль создать свой снаряд, в котором соединились бы многие лучшие качества имеющихся в то время пуль.

В конце восьмидесятых годов прошлого века такая пуля была им создана. Первоначально представляла она собой свинцовый цилиндр диаметром на 2 мм меньшим, чем диаметр канала ствола. Внизу пуля имела калиберный ободок, а в верхней части конусное отверстие до $\frac{3}{4}$ высоты пули и крестообразные надрезы на глубину отверстия. Надрезанные части соединились свинцовым пояском, пустота заполнялась салом, отверстие закрывалось сверху капсюлем типа «Центробоя», чтобы сало при полете пули не выдавливалось из надрезов.

Первоначально пуля предназначалась для ружей с цилиндрическими стволами и не имела в хвостовой части пыжа.

Десятки раз применяя эту пулью на охоте за медведями, проводя сотни испытаний пули по разнообразным мишням и по таким крупным и выносливым животным, как лошадь, Ширинский-Шихматов отмечал замечательные качества пули, точный бой и большую останавливающую силу. Ранения, нанесенные этой пулей, по степени тяжести не уступали ранениям, причиняемым разрывной пулей крупнокалиберного штуцера. Пуля была признана охотниками и получила широкое распространение. В известном московском оружейном магазине Гинкеля можно было приобрести пули Ширинского-Шихматова и пулелайки для их изготовления. Пуля постоянно совершенствовалась Андреем Александровичем.

С распространением ружей с дульными сужениями, калиберные пояски в нижней и головной части пули становились тоньше, что позволило стрелять этой пулей из стволов с чоками. Получила пуля хвостовик-стабилизатор, увеличивающий ее устойчивость в полете и точность боя на дистанцию до 50 м. Прекрасно понимая значение пыжа в гладкоствольном оружии, Ширинский-Шахматов применил в своей пулье высокий (около 20 мм) войлочный пыж, позволяющий помещать пулю непосредственно на пороховой заряд, без применения дополнительных пыжей. Чтобы вернуться к этой идее,

потребовалось почти 80 лет (пуля Попова).

На изобретение князя обратили внимание такие видные знатоки охотничьего оружия, как Л. П. Сабанеев и С. А. Бутурлин. В своем «Охотничьем календаре» Сабанеев приводит описание пули Ширинского-Шихматова. В т. 1 книги «Стрельба пулей», изданном С. А. Бутурлиным в 1912 г., есть следующие строки: «Самым надежным снарядом является, пожалуй, пулья-жеребий князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова... Достоинство этого снаряда в том, что он при ударе в тушу зверя рвется легко, не затрачивая на разрыв значительной живой силы удара, так как части уже надрезаны. Затем рвется он вполне определенным, всегда одинаковым образом, а не в зависимости от случая. Наконец, рвется на части — четыре крестовины и днище — достаточно крупные, чтобы наносить каждая большие поражения, иди глубоко и поражать кости. Днище даже иногда проходит на вылет в медведя...»

После 1917 г. сведений о пуле Ширинского-Шихматова в охотничьей литературе почти нет, промышленность ее, по-видимому, никогда не выпускала. Причиной такого неоправданного забвения явилось не совершенство ее, а, несомненно, происхождение ее изобретателя.

В середине пятидесятых годов нашего века имя Ширинского-Шихматова, а также описание его пули вновь появляется на страницах охотничьих книг. В т. 1 «Настольной книги охотника-спортсмена», изданной в 1955 г., о пуле и ее изобретателе говорится следующее: «Пуля Ширинского-Шихматова сконструирована известным русским охотником-медвежатником... Пуля имеет два ведущих пояска, вследствие чего хорошо центруется в стволе: пояски в чоке легко обжимаются, и пуля получает верное направление, не создавая опасности для прочности ствола. В передней части имеется экспрессная пустота, а по бокам четыре надреза для того, чтобы пуля, наткнувшись на препятствие (цель), правильно разворачивалась и разбивалась на крупные куски... Эта пуля 12-го калибра весит 37,5 грамма. Не обладая вращательным движением при полете в воздухе, она все-таки дает кучный бой и превосходную убойность. По своим баллистическим качествам пуля Ширинского-Шихматова гораздо совершеннее других пуль...»

Многолетние поиски хотя бы одного экземпляра пули Ширинского-Шихматова, предпринятые автором статьи, успеха не принесли. Пуля, изобретенная князем, разделила судьбу многих других полезных изобретений, вроде бы не забытых и признанных, но в силу каких-то причин не получивших широкого распространения.

НА ЗЕМНЫХ МЕРИДИНАХ

МИР. Результаты радомечений белых медведей, проведенного на Аляске, свидетельствуют о том, что около 70 % времени эти звери проводят на территории СССР; не менее пяти медведей устраивают берлоги на островах Врангеля и Геральде. Достигнуто соглашение между СССР и США о совместных исследований и обмену специалистами по белому медведю.

По имеющимся данным, мировая популяция белоплечих орланов насчитывает 7,5 тыс. особей. В 1985 и 1986 гг. на Камчатке оставались на зиму соответственно 3,6 тыс. и 4,25 тыс. белоплечих орланов. Самая крупная зимовка этих птиц (700 особей) находится в бассейне озера Курильское в республиканском заказнике «Южно-Камчатский».

ЕВРОПА. В Чехо-Словакии имеется около 6 тыс. пятнистых оленей, рассредоточенных по четырем регионам. За 1966—1988 гг. их ежегодный отстрел увеличился с 285 до 2379 особей. По численности свободноживущих пятнистых оленей Чехо-Словакия находится на втором месте, после Ирландии и Англии. Далее следуют Германия (1 тыс.), Австрия и Польша (по 600), Дания (500 особей).

В течение последних десяти лет в Норвегии и Швеции регистрируют до 12 волков. Специалисты двух стран тесно сотрудничают в проблеме управления популяцией этого хищника.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Эстуарии относятся к числу важнейших мест обитания водных и околоводных птиц. В 18 североморских эстуариях Великобритании, расположенных в южной части Северного моря, в середине зимы скапливается свыше 7628 тыс. водоплавающих птиц. В 15 эстуариях зимует около 80 % исландских песочников. Общая емкость лишь половины эстуариев Британии — 1323 тыс. водоплавающих. Предпринимаются многочисленные попытки сохранения эстуариев. Они включены в список объектов, представляющих особый научный интерес, в декларацию национальных природных резерватов, в список биотопов водоплавающих птиц, охраняемых Рамсарской конвенцией.

ЭСТОНИЯ. В 1908—1928 гг. в стране, на о. Сааремаа, гнездились 1—2 пары лебедей-шипунов. Вновь они появились в 1959 г. (одна пара), вероятно, вследствие залета из южной Скандинавии. В 1987 г. в популяции имелась 501 пара. На внутренних водоемах гнездится лишь 12 % пар, остальные расположены на побережье и островах в полосе в 1—7 км от береговой линии тростников. Наибольшие концентрации гнездящихся лебедей-шипунов приурочены к заливам Котна и Матсалау.

ФИНЛЯНДИЯ. Под полную охрану берутся был взят в 1969 г. В 60-х годах численность его была очень низкой. В настоящее время в финской популяции беркута насчитывается 220 пар (85 % участков беркутов расположены на государственных землях). Основные меры восстановления птиц: тщательная охрана, зимняя подкормка, сооружения искусственных гнездовий.

ГЕРМАНИЯ. В южной Германии рысь была истреблена свыше 200 лет назад. В 80-х годах этого хищника интродуцировали в лесном массиве Шварцвальд, емкость которого для рыси определена в 40 особей (на одну рысь должно приходиться 100 км² леса). Реакклиматизация хищника проходит успешно.

НИДЕРЛАНДЫ. Специальная группа по изучению смертности птиц Центрально-го ветеринарного института обследовала 15 236 погибших за 1975—1988 гг. птиц, преимущественно хищных и гусиных. Главные причины гибели: интоксикация (в том числе 7 % от отравления пестицидами), механические причины, включая отстрел — 19 %, бактериальное заражение — 12 %, инфекции и паразиты — 8 %, вирусные заболевания — 1 %, прочие болезни — 24 %.

В стране зимует до 600 тыс. гусей — белолобых, серых, гуменников, черных казарок и других. Они наносят большой ущерб полям фермеров, ежегодно для его компенсации выплачивается до 758 тыс. фунтов стерлингов. Одним из выходов в создавшейся ситуации (она решается комплексно) считают восстановление местобитаний зимующих птиц на заброшенных землях.

ИНДИЯ. В Гималайском регионе Индии в конце 60-х годов численность снежного барса оценивали в 400 особей. В национальном парке Хемис учтено 5—10 барсов (при емкости не менее 14). В соответствии с Законом Индии об охране диких животных (1972 г.) снежный барс взят под полную охрану, однако браконьерское истребление его продолжается.

ТУРЦИЯ. Численность и видовой состав зверей и птиц в последние десятилетия сокращаются под влиянием трансформации биотопов (особенно — осушения болот), туризма, загрязнения среды, неконтролируемой охоты. Для сохранения оставшихся уголков природы в стране создано 17 национальных парков (1900 км², 0,24 % территории страны) и 122 природных резервата. В перечень важных с точки зрения орнитологии районов включены 79 различных участков общей площадью свыше 15 тыс. км². Из них в той или иной мере охраняются лишь 9; 11 участков закрыты для охоты.

В центральной части Анатолии (Турция) находится уникальный водно-болотный комплекс Султан, состоящий из озер, солоноватых и пресноводных болот. Здесь зарегистрировано 250 видов птиц, 67 из которых регулярно зимуют и бывают на пролетах, 69 приносят здесь потомство. На зимовке бывают до 600 тыс. водоплавающих птиц, 2 тыс. серых журавлей, 1,3 тыс. щегелей. В 1970 г. отмечено гнездование 1,5—2 тыс. фламингов. Многочисленны малый баклан, каравайка, колпика. Султан отнесен к водно-болотным угодьям международного значения. В 1988 г. здесь организован резерват площадью 170 км².

ЗДЕСЬ МОЖНО ВСЕ

А. ОНЕГОВ

Когда-то погоду в наших местах угадывали по небу: по солнцу, по облакам, по звездам и по луне. Еще совсем недавно в здешних лесах жили такие старики-ветродуи, которые могли точно предсказать погоду не только на три-четыре дня, но и на месяц вперед. Что-то складывая, что-то деля про себя, перебирая листки прошлогоднего календаря, эти мудрые люди могли выстроить прогноз погоды и на год вперед. Но сейчас таких стариков в нашей деревне уже не осталось, и о грядущей погоде мы узнаем теперь по сводкам погоды, слушаем московское и местное радио и только тут догадываемся, что ждет нас на следующий день.

Вот и я теперь каждый вечер ловлю своим приемником голоса Москвы и внимательно выслушиваю в сводках погоды, что говорит нам Москва оттуда о нашем здешнем завтрашнем дне. А утешительного снова ничего нет... Северо-западу и северу Европейской части Москва обещает дожди и холод... Как хочется после затянувшегося промозглого предзимья увидеть, наконец, хотя бы кусочек, клочок чистого зимнего неба! Но завтра снова дождь, и завтра вечером снова с моего плаща, повешенного у печи, будет глохно падать на доски пола принесенные из леса капли дождя...

В лес я хожу каждый день. Там, в лесу, под дождем не так грустно и безвыходно от этой ненастной погоды, как дома, в стенах, под крышей. Дома в такую погоду ты будто в осаде, в окружении, и отсюда, из тепла и покоя, ненастная погода за окном кажется еще более гнетущей... Правда, дождь, постоянно висящий за окном, создает иллюзию тишины, гасит собой все посторонние звуки и вечером перед сном даже успокаивает тебя.

В лес я хожу без ружья, да и само ружье не привожу сюда вот уже третий год. Нет, я не изменил своему охотничьему делу вообще. С какой благодарностью вспоминаю я горный Алтай прошлого года, когда с ружьем и собачкой поднимался в горы, в ельники и кедрачи, искать белку... Там были горы. Там был горный лес, еще целый, еще не обожженный, не разграбленный никем. У этого леса были свои достойные хозяева, понимавшие хорошо, что жизнь в том же лесу живет, множится лишь до той поры, пока она

там есть, пока человек думает об этой жизни.

Собачонку, с которой мы поднимались в горы за белкой, звали Агас, что означало — горностай. Я же эту небольшую аккуратненькую лаечку ласково звал Агаской. И у нас с ней все ладно получалось: она хорошо искала, верно облавивала, — но стоило добытой белке коснуться земли, как Агаска молнией кидалась к зверьку, подхватывала его и исчезала в чаще. И тут ни уговоры, ни окрики, ни команды не помогали — собачка пожирала добычу, и делала она это исправно всякий раз, будь голодна или накормлена перед охотой. Вот и приходилось мне после колдовского таинства поиска, высматривая зверька, тут же после выстрела с неменьшей скоростью, чем моя собачонка, бросаться к добытой белке. В конце концов я научился этому, и наша охота мирно продолжалась не один день.

Наверное, мне повезло тогда и на погоду... На горный лес опустился первый легкий снег, удивительно точно печатавший на себе все свои следы. Над снегом, над горами сверкало солнце. Не было ни ветерка, и в горах стояла завораживающая человека своей сказкой горная тишина...

В такую тишину для охоты за белкой не нужна была и собака. Достаточно было отыскать полянку, присесть на пенек или на упавшее дерево и слушать... И ты очень скоро слы- .

шал, разбирал голос пушистого зверька в кроне елки. Ты стышил каждое движение белки, слышал, как падали вниз, кружась, чешуйки шишки, слышал каждое движение беличьего коготка по коре дерева. А уж дальше высмотреть рассказавшего о себе зверька не представляло труда.

С этой охоты я возвращался домой всегда очищенным, легким. Мне было тогда просто и счастливо, будто я попал в сказку, в хорошую, добрую, которая началась теперь для меня и не кончится уже никогда.

Такую сказку и дарила мне моя охота. Но это было там, на Алтае. А здесь, в моем лесу, который открыл я для себя, считайте, почти четверть века тому назад... Здесь отыскал я когда-то свои лесные тропы. Эти тропы я тоже прошел с ружьем. Была здесь и охота, и тоже ненужная, сказочная лесная охота — охота среди северных таежных дебрей, где рядом с тобой вершили свои собственные охоты хозяин тайги — медведь, проворная росомаха, чуткая рысь, быстрая куница и неожиданные в своей атаке волки.

Все это было здесь еще двадцать лет тому назад. Но сейчас лес пуст. Что сделалось, что случилось с ним? Какая беда пришла-опустилась на эту нашу землю?..

Нет, по нашим местам есть еще кое-где глухарь. Хоть и редко, но еще кинется другой раз в сторону с тропы ошелевший рябчик. По весне на озе-

рах еще покрывает редкая, правда, теперь утка-кряква, стрелой пронесется чирок, а по первому снегу, по порошку, узнаешь ты, что живет еще в лесу и куница, вдоль речки бродит норка. Но следов этих теперь мало, очень мало, и белая книга природы, открытая первой порошкой, так и остается порой с чистыми листами. Их некому более записать, заполнить — некому сейчас рассказать о жизни своего леса...

Ну, скажите, какие тут охоты? Какое тут ружье, когда лес, даже в самую свою утреннюю тишину, встречает тебя только гробовым молчанием?.. Кто виноват? Какая беда пришла к нам?

Я невольно сравниваю сейчас наш лес с горно-алтайской тайгой, где еще есть, бьется ключом полнокровная, разная лесная жизнь, и нахожу только один ответ: в горах Алтая есть охотники, у каждого охотничего угодия свой постоянный хозяин, и этот хозяин печется о своем лесе.

А ведь все было так и у нас, все было, честное слово. И лес был поделен между местными охотниками для зимней пушной охоты. Ягодные и грибные места вокруг деревушки принадлежали всем и отданы были безоговорочно детишкам да старушкам. А вот за сбором на зиму, за сбором серезным, большим, каждая семья отправлялась обычно в свой лесной угол. И приди туда кому-то еще, опередить, обобрать истинных хозяев, наверное, означало — совершил преступление.

А с каким уважением, с какой тишиной, с каким старанием и вниманием принимались людьми лесные дары в то время! Нет, конечно, не все были идеальными работниками и в своем хозяйстве, был тут кто и поглупей, понаглей, повороватей. Но деревня смотрела, сторожила таких людей, и разойтись им при старой жизни никак не получалось. Вот так и берегли все сообща свой лес, свою жизнь.

Но рухнула жизнь в деревне: старики вымирали, а молодежь не появлялась — не оставалась она тут жить, уходила из деревни в города, уходила гонимая обстоятельствами жизни. Не плодилась больше наша деревня, не приносила свой урожай. Вот и некому стало заботиться и об урожае лесном. Но тут уж, как положено: свято место пусто не бывает. И кинулись тут на наши лесные тропы, на наши лесные дары самые разные добытчики, кинулись без порядка, без правил, без договора между собой. Да и какие договоры могут быть у разбойников! Пал порядок, пали прежние договоренности-обязательства, хранившие нашу лесную жизнь, и тут же кое-кто и из вчерашних жителей деревни, еще остававшихся здесь и, поди, помнивших недавний порядок, тоже рванулся за разбойными походчиками. И закружилась карусель всеобщего уничтожения...

К вечеру небо очистилось, и в вечерней тишине наступившего наконец

покоя над лесом появилась одинокая мерцающая звезда... Я видел эту звезду из своего окна, и мне казалось, что она о чем-то спрашивает меня, спрашивает молча и ждет от меня какого-то ответа... Я принимался за какое-нибудь дело, отходил от окна, но вскоре снова оказывался перед звездой, как перед допросом своей собственной совести...

Какая вина жила во мне? В чем я должен был покаяться сейчас перед началом зимнего сна природы? Как отчитаться за прожитые весну, лето, осень здесь, на берегу озера, посреди северных таежных дебрей?

Звезда заглядывает ко мне в окно, дрожит, мерцает. Дрожит и мерцает все сильней и сильней, а потом потихоньку гаснет, гаснет за холодным туманом-дымом, что поднимается от вечерней воды.

Туман поднимается над водой густо, широко, как дым на сырьем пожаре. И вот нет уже больше звезды, нет леса по берегам озера, нет островов, и только сырой и едкий дым окружает мой дом. Но потом что-то происходит, и, как огонь, накопившийся под дымом, из дыма-тумана ярко, холодно вырывается вдруг полная луна.

Луна появляется оттуда, где еще недавно была моя звезда. Вокруг ледяной луны клочьями метется ночной туман-холод, а луна, как корабль, словно рассекает, разводит собой этот туман и плывет, плывет к моему окну...

Нет, луна уже не спрашивает меня, как недавняя звезда, не ждет от меня ответа — она вынимает из меня душу, лишает последнего тепла и заливает все вокруг своим неживым, леденящим светом... Это уже не расписание — это уже кара. Кара за то, что не спас, не удержал здесь ту живую жизнь, которая встретила меня когда-то в этих местах.

Туман не поднимается выше луны, он движется, плывет под немым полыханием лунного ледяного света... И тут навстречу лунному свету, как прожектор во время войны, разыскивающий в ночных небесах чужой самолет, возле моего дома беспокойно шарит по туману еще один луч... Этот луч идет от воды, он обшаривает через туман берега, а потом упирается в воду, замирает и вот таким, остановившимся на воде пятном чуть заметно плывет и плывет по ночному озеру... Это браконьеры выбрали с острогой лучить рыбу.

В такие холодные тихие ночи рыба почему-то идет вдруг в берега и идет другой раз так сильно, что от того же леща, говорят, бывает белым-белое в берегу. Вот это-то рыбу, явившуюся перед морозом на отмели, и ищет разбойный луч. Находит, а затем острога раз за разом вспарывает чешую-латы только что живых лещей и щук... Бывает, что при таком удачном ночном походе лучник заваливает к утру рыбой лодку почти до краев. Вот так, стоя в лодке чуть ли не по колено-

но в рыбе, слизи и крови, с грозным оружием в руках, разбойник-лучник все дальше и дальше шарит своим лучом по воде.

Еще до рассвета, еще в темноте, разбой прекращается, лодка, взятая у кого-либо из местных жителей напрокат, на ночь, только для этой ловли, остается на берегу, остается неприбранный, кровяной. На такую лодку потом страшно смотреть, как будто лодка виновата вместе с людьми в том, что в эту ночь принесла она нашему озеру столько смерти.

А луч автомобильной фары все шарит и шарит по воде, шарит все ближе и ближе к моему дому. Здесь, у мостков, где я беру воду, в такие холодные осенние вечера нередко появляются лещи. Луч шарит по воде уже у самых моих мостков, но, видимо, ничего не находит и зло, будто в отместку, резко хлещет своим электрическим светом по моим окнам...

Вслед за лучом, ударившим мне в окно, я слышу непристойную ругань. Скорей всего эта ругань озеру, но вместе с озером и мне. Я знаю, что кому-то мешаю здесь, мешаю уже просто тем, что живу на самом берегу озера и вижу все, что делается на воде. Мешаю, видимо, кому-то и тем, что не граблю вместе с ними эту воду и даже по весне, когда в общем-то можно ловить той же сетью и щук, и тех же лещей, не ловлю, не соучаствую, не принадлежу к тому отряду потребителей, для которых озеро всегда лишь бездонная бочка, из которой почему-то положено только брать, и брать всякий раз как можно больше.

Говорят, что плавать с лучом по озеру, только с лучом, без остроги, в такие вот тихие, предзимние лунные ночи, — это все равно, что побывать в сказке. Очень может быть, что там, на воде, увидел бы я сейчас что-то необыкновенное, способное заворожить сразу и остаться со мной затем надолго. Но мысль даже о формальном сообществе с этими лучниками, вокруг которых только пьянь и грязь, отводит меня от такого пусты и сказочного общения с ночным озером.

Электрический луч, только что изрыгавший непристойности, уплывает. Уплывает, скрывается за островом, и теперь он не беспокоит меня. И над озером снова только туман и луна. Но эта луна после ворвавшегося в нее луча сейчас вроде бы уже и не такая жестокая, будто стала она потише, будто затаилась, спряталась, встретив разбойное дело.

С другого берега появляется еще один луч, но послабей, поменьше. Он тоже шарит по воде, тоже замирает, останавливается, и я знаю, что это всплынет с лучом мой сосед по деревне, Валечка, Валентин, московский дачник-художник... Нет, он сейчас не только любуется подводным миром, загипнотизированным электрическим лучом — он тоже с острогой и тоже

в добыче. Правда, ему не хватает знаний озера и нахрапистости местного разбоя для того, чтобы сравняться с ним в добыче, но все равно лещ и щука, попавшиеся ему на пути, не уходят от него с миром.

Что общего у этого московского художника с местными бандитами? Ведь уже завтра днем, вот здесь, у мостков, Валечка-Валентин, спустившийся к озеру за водой, заговорит о модной теперь экологии, о космосе, который следит за всеми нашими деяниями и который обязательно накажет нас, людей за неуважение природы, если мы, наконец, не опомнимся. Он будет ругать фабрики и заводы, будет ругать химию, которую рассыпают и по нашим полям, будет ругать трактора, которые размешивают наши дороги, будет сожалеть, что нет у нас теперь здесь лошадки, которая была экологически чиста, не потребляла бензина и не топтала так землю, как многосильная техника. Он будет ругать разные генеральские охоты, богатые, обставленные егерями, а новой ночью снова сядет в лодку, возьмет острогу и снова засветит свой воровской луч... И ведь не от голода, а ради утех, ради страсти, которая раскормлена в нем и которая требует себе в пищу удовлетворение.

— Здесь можно все! — как-то объяснил себя Морозову Валечка-Валентин... Оставил на лето город, что по зиме скимал тисками порядка вольную душу вольного художника, и вырвавшись сюда, на чистый простор, человек, не привыкший ни к каким ограничениям тела-физиологии, тешил здесь свою похоть.

— Здесь можно все! — будто это все не в сегодняшний двадцатый век, разрушающий до конца землю, а где-то там, еще в первобытные времена.

— Здесь можно все! — здесь можно ругать фабрики и заводы, ругать и местное браконьерство, которое почему-то не устраивает лично тебя, но в то же время можно и не отказывать себе в удовольствии урвать кусок для своей исключительной личности.

И вот этот Валечка-Валентин со своей двойной моралью: одна для него, другая для других — все время здесь, на моем пути... Он может где-то в газете разразиться тирадой в защиту родной природы и в то же время по весне, когда щука, побитая, измороженная здесь сетями, мережами, острогами, ружьями, будто еще веря в благородные качества человека, открыто, видно идет на нерест, может давить эту самую щуку наперегонки с местными разбойниками, давить и мережами, и острогами, и ружьем.

А те вороватые охоты, которые ведут этот дачник-москвич, ведет и весной, когда охота здесь не открывается совсем, и по осени, в те дни, когда для зверя определяется период покоя.

— Здесь можно все!

Порой мне кажется, что весь наш лес вдоль и поперек исхожен этим «здесь можно все», исхожен так, как не выхаживает никогда лес даже самый голодный волк.

Еще в те самые первые годы жизни здесь, на берегу озера, я удивлялся, с какой звериной жадностью обирались этим столичным художником наши грибные места, обирались без каких-либо обязанностей и ограничений... Ладно бы уже ходил куда-нибудь по дальше в своих ненасытных грибных сбоях, оставляя лес вокруг деревни, как прежде, как было всегда заведено здесь, детишкам да старушкам. Ах, нет, пораньше детишек и старушек туда, на детские и старушечьи местя тропинки, чтобы выбрать, вырезать весь белый гриб и не оставить больше никому.

— Здесь можно все!

Наши старушки говорили, что Валечка-Валентин верующий человек, помнящий бога... Мне жалко тогда ту веру и того бога, которыми прикрывается вот такой разбойник.

Еще в самый первый год жизни здесь пришлось мне заглянуть к раскидистым березам на краю лесной поляны. На такие березы обычно всегда по осени и по зиме присаживаются тетерева. И здесь, под березами, я и встретил прежде всего шалаш для охоты-ожидания этой лесной птицы... Куча накиданных друг на друга в беспорядке нарубленных можжевеловых стволиков... Нет, так не мог поступить местный житель! Не мог, и я верил в то, что не мог, потому что можжевельник — дерево медленнорастущее, трудно набирающее силу. А потому можжевельник обычно и берегут, берегут хотя бы для того, чтобы он вырос до размера кола, ибо можжевеловый кол в заборе — это вековой забор... А здесь как разбойником-волком, ворвавшимися в стадо овец, накиданы топором без счета можжевеловые стволики-детишки.

Какая-то грязь была здесь, под березами, облюбованными строгой птицей — тетеревом... Кто мог все это сотворить? Я осторожно наводил спрачки и в конце концов все привело меня в один адрес, к Валечке-Валентину.

— Здесь можно все!

Вот так, от раза к разу встречая на своем пути только грязь и грязь, и расставался я здесь со своим прежним желанием пойти с ружьем по охотничьему тропе... Да и как можно было куда-то пойти по той дороге, по которой хищно шастала такая неостановимая непорядочность??!

Луч Валечки-Валентина скрывается за мысом. И снова вокруг только туман, рваный, беспокойный, и над туманом все та же луна...

Я долго не могу заснуть, смотрю в пустой потолок и почему-то мне видится сейчас весна, нежная, светлая... Я люблю весну, весну на Севере, медленную, неторопливую. Такой весной можно наслаждаться долго-долго, впли-

тывая, принимая в себя ее покой, ее мятые, пастельные тона...

Как-то по весне, еще где-то в марте, отогревал я свой застывший за зиму дом. Топил я печь первый раз после долгой зимы, вместе с домом оживали и всякие разные букашки, зимовавшие здесь без меня. Наконец дом отогрелся, высок. В доме было светло от белых-белых снегов и голубого-голубого неба. Вместе с теплом дома и голубым небом за окнами вокруг меня жила паразитальная тишина — тишина без какого-либо ветра. Все молчало вокруг, будто отмечало какое-то свое великое торжество. Такого счастливого состояния и не переживал давно. Оно казалось мне бесконечным. Я уже представлял себе, как буду сидеть на льду над рыбакской лункой, слушать по утрам воркование тетеревов и переклички весенних снегирей. Представлял, как над моим домом раздастся первый крик сизой чайки, как явятся, наконец, в деревню скворцы, а потом высоко-высоко пойдут на север бесконечные гусиные стаи. А после озера, льда и рыбной ловли я буду слышать за окном весенний колокольчик — овсянки, переговоры скворцов, а там ко мне на березу явится и самый первый наш зяблик...

Счастье, казалось, было совсем рядом и обещало никуда больше не уходить... Но тут в мир и тишину пробудившейся природы ворвалась грязь: в деревню раньше обычного пожаловали мои соседи, дачники, москвичи, и на этот раз не одни, а еще и со столичными гостями-охотниками. Явилась, конечно, вся эта заносчивая компания именно на глухаринные тока, хотя охота у нас по весне напрочь закрыта... Кое-кто из этих стрелков-визитеров меня знал, и, обнаружив теперь меня в деревне, эти любители запретных охот, как могли, скрывали свои ружья, свои походы на глухаринные болота.

Кое-кто из этих стрелков-жуликов в Москве, был великим моралистом, защитником жизни... Что остановит таких людей? Что заставит пронуться их совесть? Вот такая ночная звезда? Или вот эта луна, вынимающая из меня душу?

— Здесь можно все!

Почему люди привыкли так непорядочно делить мир на две части: одна, где приходится соблюдать правила приличия, другая, где можно все? Почему они берегут только свой собственный мир, в котором живут-жируют, и корежат, уродуют, грабят то, что не касается их каждый день?

Эти вопросы постоянно мучают меня. И наверное, и они тоже не дают мне права быть соучастником всего, что происходит здесь. Нет, я не могу быть сообщником Валечки-Валентина и его столичных непотребных друзей! Не могу быть и сообщником тех, кто зверствует сейчас на озере.

Как надеюсь я каждую весну, что хоть на этот раз что-нибудь да измен-

Рисунки Б. Игнатьева

нится, что у кого-то как-то пробьется совесть, пробудится, проснется: Вот почему весна и вспоминается мне опять даже после тех глухариних охот, тайных, разбойных. По весне к человеку приходит счастье — счастье жизни после зимнего сна. Это как бы начало новой дороги, еще не затоптанной, не искалеченной бессовестными людьми. А к осени эти люди так наследят, испортят все, что на эту дорогу и страшно бывает ступить, невозможно подумать о том, что это мать-природа, избитая, израненная, обобранная, разнесенная на части... Какая же там после всего этого может быть тишина?! Какое состояние счастья?!

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Дичефермы и зоопитомники.
Сборник научных трудов ЦНИЛ Главохоты РСФСР.— М., 1991.— 800 экз. 180 с. З. р.

В ЦНИЛ Главохоты РСФСР издана серия сборников, посвященных проблеме искусственного разведения диких животных. Настоящий сборник — седьмой в этой серии. В нем дан обзор современного дичеведения, впервые представлены сведения о всех зоопитомниках нашей страны. Авторы делятся многолетним опытом по проектированию дичеферм и зоопитомников, методами разведения отдельных видов рептилий (дальневосточная черепаха), птиц (белый гусь, джек, алтайский улар, японский журавль и другие), млекопитающих (зубр).

Биологические основы учета численности охотничьих животных:
Сборник научных трудов ЦНИЛ Главохоты РСФСР.— М., 1990.— 800 экз. 155 с. 1 р. 80 к.

В сборнике представлены статьи, рассматривающие различные аспекты проблемы учета численности животных: совершенствование методик учета и оценки численности на основании расширяющихся знаний в области экологии конкретных видов; получение на основе проводимых учетов новых сведений по экологии животных; выявление пространственных, временных и иных закономерностей, указывающих на связь учетных данных с теми или иными факторами среды.

Русский охотничий рассказ. М.: Сов. Россия, 1991.— 100000 экз. 432 с. 6 р. 15 к.

В сборник вошли рассказы русских писателей-классиков (С. Аксаков, И. Тургенев, В. Гаршин, Н. Лесков, А. Чехов, И. Бунин, Б. Зайцев) и писателей так называемого «второго ряда» (И. Салов, Н. Воронцов-Вельяминов, Ф. Арсеньев, Н. Бунин, Н. Вербицкий, Д. Вилинский, Е. Опочинин). Охота — живой образный фон рассказов, объединенный темой взаимоотношений человека и природы. Внимание читателя привлекут мистические и драматические истории, рассказанные на привале, комические приключения горе-охотников, лирические и бытовые сцены.

Реймерс Н. Ф. Популярный биологический словарь. — М.: Наука, 1991.— 554 с. 15 р.

Настоящее издание занимает промежуточное положение между «Биологическим энциклопедическим словарем» и словарем для учителей «Основные биологические термины и понятия». В отличие от «биологического энциклопедического словаря» оно уделяет больше внимания вопросам биологии и меньше — биохими. Поскольку в нем не даны описания систематических категорий животных, растений, грибов и микроорганизмов, объем его невелик.

Словарь содержит более 3000 статей, в которых дается объяснение свыше 4000 биологических терминов и понятий с примерами или с примечаниями и рассчитан на широкий круг читателей.

ХАНТЕР — ОХОТНИК И ПИСАТЕЛЬ

Весьма вероятно, что вам, дорогой читатель, не довелось бродить с ружьем по бескрайним равнинам Африки или по ее непроходимым джунглям, не приходилось видеть огромные стада диких слонов, стаи львов, разрывающих застреленную вами же антилопу, или столкнуться носом к носу с угрюмым обитателем колючих зарослей — носорогом.

Об этих удивительных встречах вы прочтете в книге Джона Хантера.

Уроженец Шотландии, Джон Хантер совсем молодым человеком отправился в далекую Африку. Его тянула туда врожденная страсть к охоте и жаждя увидеть края, населенные бесчисленным множеством самых разнообразных диких зверей и птиц.

В Африке Хантер нашел то, о чём мечтал. В своей книге он пишет: «Когда я впервые приехал в Кению, все пространство, которое мог охватить глаз человека, было усеяно дичью. Я охотился за львами там, где сейчас стоят города, и был слонов с паровозов первой железной дороги».

Поселившись в Африке, Хантер не купил себе ферму, не поступил на службу в городе. Он остался верен своему призванию, сделавшись охотником-профессионалом.

О своих приключениях, о столкновениях с различными зверями — львами, слонами, носорогами — Хантер рассказывает живо и интересно. Особенно подкупает в его рассказах то, что в них нет никакого вымысла. Веришь каждому слову, и невольно самому становится жутко, когда читаешь, как разъяренный слон или буйвол бросается на охотника, как следопыт крадется в густых зарослях по следу раненного им зверя. Охотник высекает зверя, а тот в свою очередь затаился где-то в кустах и караулит преследователя.

Такая охота не просто развлечение, это трудное и очень опасное дело. Оно требует от человека смелости, выдержки, находчивости и превосходного умения владеть огнестрельным оружием. Недаром же автор книги мимоходом бросает такую фразу: «...оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что в большинстве случаев при охоте на крупного зверя последний имел столько же шансов убить меня, сколько я его».

Охотился Хантер не ради развлечения. Это была его любимая профессия, его заработка; им он кормил себя и свою семью. В течение многих лет Хантер занимался истреблением опасных и просто вредных животных, ко-

торые опустошали посевы местных жителей, а некоторые убивали самих людей.

Слоны-разбойники, львы-людоеды, свирепые носороги и буйволы — Хантеру приходилось бороться с ними ежедневно, ежечасно, рискуя собственной жизнью.

Джон Хантер охотился не только сам. Много лет он служил в качестве проводника-охотника в экспедициях, которые организовывали различные местные фирмы для приезжих богатых иностранцев.

Описывая эти экспедиции, Хантер рисует самые различные типы приезжавших спортсменов-охотников. Перед нами проходит вереница живых людей: тут и истинные спортсмены, готовые к любой неожиданности и серьезному риску, связанному с охотой на крупного зверя, и хвастливые трусы, которых один только вид зверя приводит в трепет, и просто праздношатающиеся богатые молодчики...

Путешествуя по бескрайним равнинам и дебрям Африки, Хантер знакомился с местными племенами. Много интересного рассказывает он о туземцах, об их образе жизни, обычаях, нравах. Как правило, все они прекрасные охотники и зоркие следопыты. Хантер часто удивляется их отваге, когда, например, мужчины, вооружившись копьями или луками, отправляются на охоту за львами. Гораздительно терпение этих людей, их презрительное отношение к боли от ран, нанесенных им разъяренным зверем.

А как бывали благодарны туземцы, когда Хантер убивал слона или носорога, опустошившего их скучные поля.

Прожив много лет среди туземных племен, населявших Африку, автор книги отзыается о них с большой теплотой и любовью. «У меня возникло такое чувство, будто я принадлежу этой стране и этому народу», — пишет он в одном месте.

В последние годы Хантер работал в должности инспектора по охране дичи в районе Макинду, в основном в заповеднике, расположенном в этой местности.

Приехав в конце прошлого века в Африку, Хантер прожил там многие годы. На его глазах природа этой страны изменилась до неузнаваемости. «...Я видел, как джунгли превращались в пахотную землю, а племена туземцев становились заводскими рабочими. И я внес какую-то долю в эти преобразования, уничтожая опасных зверей в районах, которые предстояло ос-

воить... Я убил более тысячи четырехсот слонов. Без гордости я говорю об этих рекордных цифрах. Такую задачу надо было выполнить, и я оказался тем, на кого ее возложили. Но как это ни покажется странным кабинетному другу животных, я должен сказать, что очень люблю зверей. Много лет я изучал их повадки не только для того, чтобы убивать, но также из искреннего интереса к ним».

Все это правда. Верно и то, что автор книги не просто «заядлый охотник»; каждая строчка, где он описывает диких животных, дышит любовью к ним и большим знанием их повадок и жизни.

Хантер талантливый натуралист; повествуя о своих охотничьих приключениях, он раскрывает перед читателем многообразную картину природы Африки.

«Я один из последних охотников старых времен. События, свидетелем которых я был, вновь пережить невозможно. Как дичь, так и местные племена в том виде, как я их знал, исчезли. Уже никто и никогда не увидит огромные стада слонов, никто не услышит воинственных криков копейщиков племен масаи, когда они прочекивают кусты, чтобы уничтожить львов, нападавших на скот; мало кто может сказать, что он был там, где никогда не ступала нога белого человека. Старой Африки нет, и я был свидетелем ее конца».

Хантер понимает, что этот процесс неизбежен. Как охотник-профессионал он и сам принимал в нем участие, истребляя диких зверей там, где они мешали развитию земледелия. Но, понимая все это, Хантер в то же время призывает к тому, чтобы люди бессмысленно не уничтожали диких животных, а наоборот — там, где возможно, всячески охраняли их. И весь жизненный путь автора этой книги является тому ярким примером. Вначале охотник за слоновой костью, за шкурами леопардов и львов, Хантер к концу своей деятельности становится ревностным хранителем природных богатств Африки, той самой Африки, которая стала его второй родиной.

Книга Хантера зовет читателя к тому, чтобы и он внимательно, по-хозяйски оглядывался вокруг. Ведь не только природа Африки, но и наша родная природа требует от всех нас, чтобы мы с любовью охраняли и берегли ее.

Г. СКРЕБИЦКИЙ

ОХОТА НА БУЙВОЛОВ

Д. ХАНТЕР

Когда мы с Хильдой вернулись с острова Фумве, меня ожидала записка от капитана Ритчи. Перед департаментом снова стояла задача уничтожения диких зверей, наносивших ущерб местному населению.

В районе Томсойс-Фоллс — деревушке, расположенной в ста милях к северу от Найроби, появилось стадо диких африканских буйволов. Животные уничтожали посевы на шамбах и даже убили несколько местных жителей. Капитан Ритчи решил, что необходимо принять меры.

Вообще капитан Ритчи стремился создать лучшие условия для поголовья буйволов в Кении. Но данное стадо наносило тяжелый ущерб местному населению и, беспокоясь о судьбе землевладельцев, он вынужден был принять решение о его уничтожении.

Многие охотники считают буйвала самым опасным африканским зверем. Буйвол бросается на противника с неописуемой яростью. Даже выстрел, от которого уклоняются носороги и слоны, не заставит его свернуть в сторону. Буйвол ни за что не остановится, пока не будет убит или сам не убьет охотника. Это очень хитрый зверь. Уходя от охотника, раненый буйвол нередко делает петлю и устраивает у собственных следов засаду. В отличие от большинства зверей буйвол часто нападает без каких-либо видимых причин.

Поэтому охота на него считается трудной и опасной.

На этот раз я решил взять с собой тяжелое двуствольное нарезное ружье Джефри калибра 500. Я убежден, что для охоты на буйволов следует брать самое тяжелое ружье, которое под силу охотнику. Зная, что раненые животные скрываются в кустарниках, я взял с собой собак, чтобы с их помощью выгонять оттуда буйволов.

На собачьем рынке в Найроби продавалось несколько штук ничего не стоящих дворняжек. У меня не было выбора и поэтому я купил их всех. Позже мне удалось добавить к этой своре несколько более крупных и умных собак. Но в этой своре не хватало собаки-вожака, которая отличалась бы мужеством и решительностью и вела за собой остальных. Собаки легко следуют за вожаком, даже одна первоклассная собака может преобразить скопище дворняжек в довольно неплохую свору. Поскольку мне так и не удалось приобрести вожака, я готовился уехать из Найроби, взяв с собой пестрый букет дворняжек.

За несколько дней до моего отъезда ко мне обратилось одно довольно высокое должностное лицо с просьбой избавить его от любимой собачки. Этот пес нападал на местных жителей, кусал их и, кроме того, резал скот в пригородах Найроби.

Из того, что мне сказал хозяин, я ре-

шил, что это совершенно никчёмная собака, но в тот момент я не мог позволить себе быть разборчивым и пошел за псом.

С первого взгляда собака мне понравилась. Это был ширококостный ряжий кобель величиной с немецкую овчарку. У него были мощные челюсти, и он, несомненно, умел ими пользоваться. Пес, по-видимому, был смешанной породы с большой примесью бультерьера. Я решил дать ему кличку Бафф, произнося которую не требовалось ломать язык. Он быстро усвоил это имя, и я почувствовал, что у нас с ним дела пойдут, как надо. Мне показалось, что это умное, смелое животное, которое природа никоим образом не предназначала для роли комнатной собачки.

Бафф быстро утвердился в правах вожака своры. Среди собак нашлось мало таких, которые рискнули вступить с ним в драку; им был преподан урок благородства. Другие собаки ходили от него на почтительном расстоянии. Даже суки проявляли свое расположение к Баффу. Несмотря на всю свою злость, Бафф был настоящей собакой и часами лежал у моих ног, глядя преданным задумчивым взглядом, как бы пытаясь прочесть мои мысли. Еще не выехав из Найроби, я уже привязался к Баффу. Я надеялся, что он оправдает себя во время охоты на буйволов и научится уклоняться от ро-

гов и острых копыт этих свирепых животных.

Близ деревушки Томсонс-Фоллс я впервые понял, почему бывший хозяин Бафф так стремился отдалиться от него. Однажды вечером я повел свору собак на прогулку. По дороге мы прошли мимо стада овец, которое гнал местный пастух. Вид овец привел Баффа в ярость. Он бросился на них, выбрал жирнохвостого барана, и не прошло секунды, как Бафф мертвой хваткой вцепился в его горло и забросил себе за спину. Я оторвал его от барана и, сняв ремень, жестоко избил пса, преподав ему урок, который он запомнил навсегда. Бафф принял наказание без жалоб, за что я проникся к нему еще большим уважением. Уплатив пастуху за барана, я вернулся в лагерь, при этом Бафф весело бежал всю дорогу у моих ног.

К моему лагерю были прикреплены несколько следопытов из племени идеборо. Народ этого племени — на одну четверть масай и на три четверти — бушмены. Это племя достойно всякого уважения. Представители его довольно хорошие охотники, хотя занимаются не только охотой, но и обработкой земли.

Я заметил, что один из жителей деревни прихрамывает, и спросил о причинах его хромоты. Оказалось, что его пятка до щиколотки была начисто откусена буйволом. Я с трудом поверили ему, но, когда услышал всю историю, не мог сомневаться в ее правдивости.

Однажды, идя через заросли на свою шамбу, человек этот вдруг услышал в кустах фырканье. Повернувшись, он бросился бежать. По сильному стику копыт было ясно, что его преследует буйвол. Вначале у этого человека было довольно большое преимущество в расстоянии, но вскоре буйвол стал быстро нагонять его. Стук копыт становился все громче и громче. В последний момент преследуемый сделал отчаянный прыжок и ухватился за ветку дерева. Буйвол промчался под ним, затем круто повернулся и остановился под висящим на ветке человеком, удаляя копытами по земле и яростно фыркая. Человек подобрал ноги повыше. В конце концов правую ногу свело судорогой и он, не выдержав напряжения, на какой-то миг опустил ее. Буйвол мгновенно подбежал к кусту и откусил ему пятку, словно это была ветка. Вкус крови, по-видимому, успокоил зверя и он ушел, оставив висевшего на ветке человека в полуобморочном состоянии.

Обдумав то, что мне рассказал хромой, я понял, что в его повествовании нет ничего невероятного. Почему бы буйволу не попользоваться своими зубами? Позже мне пришлось убедиться в том, что буйвол действительно разрывает свою жертву зубами и зубы его действительно смертоносны.

Увечья, которые наносит разъяренный буйвол, бывают просто ужасными. Однажды во второй половине дня в

мой лагерь пришел местный житель и предложил мне свои услуги в качестве следопыта. Когда я с ним разговаривал, то обратил внимание на большие шрамы на внутренней стороне его бедер. Я спросил у него, отчего эти шрамы. Невинным движением ребенка он сбросил свою набедренную повязку. К своему ужасу я увидел, что он был весь изуродован. Заметив мое удивление, он сказал, что считает себя счастливым, что еще так легко отдался. Если бы мунгу* не забрался о нем, его сейчас не было бы в живых.

Однажды он шел по высокой траве к своей пасеке и чуть не наступил на отдыхавшего буйвола-самца. Буйвол вскочил на ноги и одним из своих кривых рогов поддев его в пах, затем подбросил в воздух. При падении человек упал на загривок бешеного самца. В отчаянии он одной рукой вцепился в ухо зверя, а другой схватил его за плечо. Рычащий разъяренный зверь бросился вскачь, а на спине его все еще держался напуганный человек. Бедняга не смел сокочить, поэтому всеми силами держался за буйвола. Буйвол пронес его 60 ярдов и, придав в исступление от ноши на своей спине, промчался под густым колючим кустарником, в результате чего человек был сбит на землю. Лежа на спине, он видел, как буйвол развернулся и снова устремился к нему. В нескольких футах от него буйвол остановился и рогом поддев беспомощно лежавшего человека. В момент, когда буйвол рогом распарывал его, несчастный потерял сознание.

Когда он пришел в себя, солнце уже садилось. Все его тело онемело и казалось парализованным. Силой воли он заставил себя вспомнить, что случилось. Он увидел, что лежит рядом с ручейком. Ему удалось подползти к берегу. Одна рука оказалась сломанной, но другая была цела, и он мог черпать воду и подносить ее ко рту.

Человек лежал на берегу ручейка в течение двух недель. Он поддерживал жизнь тем, что пил воду и

* Бог.

питался травой, до которой мог дотянуться. Ночью он слышал, как на водопой приходили носороги. Дважды совсем близко от него раздавались резкие крики слоних. Часто он слышал вой и смех гиен, бродивших вокруг него в кустарниках, но не рисковавших подойти близко. На поверхности воды безмолвно появлялись крокодилы, которые подплывали к нему на несколько футов. Он был слишком слаб, чтобы двигаться, и мог только лежать и наблюдать за ними. Посмотрев на него несколько минут, пресмыкающиеся безмолвно погружались в воду.

В конце концов несчастный был найден другими пасечниками.

Я спросил этого человека, почему же после таких переживаний он хочет заняться охотой на буйволов. Тут его глаза загорелись, и он сказал:

— Буана, я узнаю этого буйвала по рогам, и я обязательно его убью.

Стадо буйволов, за которым мне предстояло охотиться, обитало в лесу Марманет. Здесь были очень густые заросли, что затрудняло охоту и делало ее опасной. На открытой местности я не считаю буйвала опасным зверем, но в зарослях он может быть просто страшен. Я был очень доволен тем, что имел свору собак под предводительством Баффа.

В сопровождении следопытов ранним утром я вышел на охоту. По всему лесу были видны следы буйволов, и собаки без труда решительно пошли по ним.

Когда я охотился на территории племени масай, бывшие тогда у меня собаки очень неохотно шли по следам львов. Казалось, их запах наводил на собак страх.

Запах же буйволов, по-видимому, не страшит собак. Через несколько минут после выхода на след буйволов, мы услышали, как преследуемые собаками буйволы, ломая кусты, пробираются через заросли. Вместе со следопытами я старался не отрываться от собак. Вдруг до нас донесся пронзительный визг, и мы увидели, как одна из собак взлетела над верхушками деревьев, подброшенная рогами буйвола. Место ее падения определить не удалось. Не желая понапрасну жертвовать собаками, я пытался их отозвать, но они так громко лаяли, что я не слышал даже собственного голоса.

Когда мы подошли поближе, то увидели, что свора загнала пять буйволов-самцов.

Образовав круг хвостами внутрь и рогами наружу, они отбивались от собак. Вдруг Бафф рванулся к буйволам и схватил одного из быков за нос. Разъяренное животное бросилось вперед, стараясь ударить собаку о ствол дерева. Но Баффа не так легко было оглушить: в последний момент он ловко отбросил задние ноги и избежал удара. Выстрелом из ружья я покончил с этим буйволовом.

С тех пор Бафф неизменно прибегал к этому приему. Стоило своре загнать

самца или самку буйвола, как Бафф бросался на зверя и хватал его за нос. Когда на буйвола нападают собаки, он держит голову как можно ниже к земле, чтобы легче было действовать рогами. Это давало храброму Баффу возможность применять свой любимый прием.

По всей видимости, у всех крупных копытных нежные носы. Я помню, как в Шотландии фермеры продевали кольцо в нос опасного бугая. Пока человек держался за это кольцо, бугай был относительно беспомощным.

Стоило Баффу вцепиться в нос буйвола, как его уже почти невозможно было сбросить. При этом Бафф твердо стоял, широко расставив свои ноги, а буйвол был не в состоянии сделать головой достаточно сильное движение, чтобы сбросить пса.

Крупный буйвол-самец — чрезвычайно величественный зверь. Вес его достигает двух тысяч фунтов. У него огромные размашистые черные как смоль рога. У основания они толстые как кинжалы. Когда буйвол бросается с опущенной головой на охотника, он подставляет ему свой крепкий череп, защищенный широкими основаниями рогов. Только из самого крупнокалиберного нарезного ружья охотник может выстрелом в голову свалить его.

Охотясь на буйловов, я предпочитаю целиться в грудь, шею, плечо или под глаз. Однако при нападении буйвола выбирать не приходится, и стреляешь куда возможно. Охота с собаками на буйловов более целесообразна, чем на львов, так как собакам увертываться от буйволов гораздо легче, чем от льва.

Как и в первой моей своре, некоторые собаки проявляли больше смелости, нежели благородства. Вместо того чтобы увернуться от нападающего буйвола, они упрямо стояли на одном месте. Если собака своевременно не сделает хороший прыжок, чтобы уклониться от молниеносных ударов рогов и копыт буйвола, она погибнет.

Во время охоты было несколько случаев, когда буйволы поддавали моих собак на рога и подбрасывали их в воздух. Подбросив собаку в воздух, буйвол наблюдает за тем, как она падает. Определив место падения, он подбегает к ней, чтобы окончательно добить, не дав ей прийти в себя. В таких случаях свора почти всегда бросается на выручку потерпевшей, кусая буйволов и стараясь отвлечь его. Если собакам удавалось остановить зверя хоть на мгновение, я приканчивал его выстрелом.

Стадо буйловов обычно пасется на краю болот, им сопутствуют зачастую белые цапли, которые летают вокруг крупных серовато-коричневых зверей, подобно листам белой бумаги. Иногда цапли садятся прямо на спины буйловов. Я думаю, что они выбирают у них клещей. Нередко охотник обнаруживает буйловов, спрятавшихся в вы-

сокую траву, по белым цаплям, летающим над ними.

Ничто не может сравниться со стадом этих замечательных животных, гордо несущих свои огромные, черные как смоль рога, когда они шествуют по тучным зеленым пастбищам с белоснежными птицами, сидящими на их спинах или важно шагающими рядом.

Так как эти животные обладают отличным зрением и слухом, на открытой местности очень трудно подобраться к стаду буйловов на расстояние выстрела. В густом кустарнике буйвол стоит до тех пор, пока охотник не подойдет к нему вплотную. Тогда он молниеносно бросается на него. Даже выстрел в непосредственной близости не заставит буйволов пошевельнуться, пока он не убедится, что наверняка сможет уничтожить своего противника.

В этих условиях собаки просто незаменимы. Они чуют поджидающего буйволов и заранее предупреждают охотника об опасности. Если даже собаки не учуяют зверя, то они почти наверняка натолкнутся на него, когда побегут впереди охотника. Я могу с уверенностью сказать, что собаки десятки раз спасали мою жизнь во время охоты на буйловов.

Бафф был незаменим, так как представлял собой сочетание редких качеств, которых почти никогда не встретишь ни у собак, ни у людей: беспрепядельная отвага с разумной осторожностью. Он был достаточно умен, чтобы уклониться от нападающего буйволов, и в то же время совершенно не боялся его.

Однажды свора преследовала необычайно крупного буйвола. Чтобы не подпустить собак к себе, он остановился посередине речки. Это обычный прием животных, преследуемых собаками. Собаки выстроились на берегу реки, подняв невероятный лай, но броситься вплавь за буйволов не желали. Мой Бафф был исключением. Подойдя к реке, храбрый пес сделал огромный прыжок в воду и уверенно схватил ошеломленного быка за нос. На какой-то миг старый буйвол опешил от такой дерзости, но, оправившись, сразу же опустил Баффа под воду. Еще несколько минут — и Бафф погиб бы, если бы я не подошел и не прикончил буйволов выстрелом. Когда Бафф проплыл к берегу, кашляя и отрыкиваясь, я обнаружил, что он обломал концы передних зубов о твердый хрящ носа буйволов.

Этот буйвол был семнадцатой жертвой Баффа, причем всех он хватал за нос и держал, пока я не прикончу их выстрелом.

Из следующей стычки со стадом буйловов Баффу не удалось выйти невредимым. Свора окружила стадо и удерживала его лаем, наскакивая и кусая задние ноги зверей. Бафф бросился на буйловов и схватил крупную самку за нос. Он держал ее на месте. Однако ее уже довольно крупный теленок бросился на помощь, боднув собаку в бок

своими короткими толстыми рогами. У Баффа захвачило дух, но он не выпустил носа своей жертвы. Он наверняка бы погиб, но подоспели следопыты и убили обоих буйловов.

После этого несчастного случая я отставил Баффа от охоты до того времени, пока его раны полностью не заживут. Я уже уничтожил более двухсот буйловов, и со стадом было почти покончено. Бафф тосковал, оставаясь дома, и с завистью смотрел, как остальные собаки трусили за мной на охоту.

Один из моих следопытов ежедневно ходил в ближайший крааль за мясом для собак, и я поручал ему брать с собой Баффа. Я считал, что упражнение не даст Баффу утратить гибкость в период его выздоровления, а кроме того, это как-то поддерживало его жизнедеятельность.

Во время одной из таких прогулок мимо Баффа пробежал дикий кабан. Пес не мог потерпеть такого неуважения к своей особе. Несмотря на крики следопыта, Бафф со всех ног бросился за кабаном. Кабан скрылся в норе. Перед тем как спуститься в нору, он развернулся и вошел в нее пятью. Это обычный прием диких кабанов, чтобы иметь наготове клыки. Бафф готов был уже спуститься в нору, как кабан вдруг выскошил и набросился на собаку. Я убежден, что если бы Бафф не обломал кончики своих зубов, то он наверняка удержал бы зверя. Однако ему не удалось удержать кабана за его пропотевшую шкуру. Освободившись от Баффа, кабан сделал быстрый выпад клыками, схватив Баффа за грудь. Он распорол храброго пса, который погиб в то же мгновение. Следопыт убил кабана выстрелом, но собака уже погибла. Когда я вернулся с охоты, то увидел мертвое тело моего благородного Баффа, убитого в то время, когда, как я думал, ничто не могло с ним случиться.

У меня никогда не было другой такой собаки — ни до Баффа, ни после него. Остальное время охоты было отравлено для меня потерей. Я надеялся, что какой-нибудь из его щенят будет похож на Баффа, но никто из них не был достоин бежать в одной своре со своим отцом. К собаке слишком привязываясь. Лишь после смерти пса начинаешь понимать, какое место он занимал в твоем сердце. Я иногда думаю, стоит ли то удовольствие, которое получаешь от собаки, того горя, которое переносишь от ее утраты?

Сила и свирепый нрав буйволов всегда привлекали меня в охоте на этого зверя. Это был мой любимый зверь для охоты. Я охотился за буйволами не только в Кении, но и в Уганде, и в Конго. Хотя я далек от того, чтобы недооценивать его силу, все же я думаю, что опасность охоты на буйловов несколько преувеличена. Мне нередко приходилось слышать рассказы о стадах буйловов. Если поверить им, получается, что стадо буйловов всегда

набрасывается на человека и топчет его до смерти. Хотя мне пришлось убить более трехсот буйволов, но ни разу не приходилось наблюдать, чтобы буйволы набрасывались на охотника всем стадом, разве что они оказывались в овраге или ущелье, где не могли развернуться. Даже в подобном случае эти животные скорее пытались убежать, чем по-настоящему нападать. Мой опыт показывает, что нападение совершается отдельным животным — чаще всего животным, которое отрезано от остального стада. Одинокий буйвол может быть невероятно агрессивным, но в стаде он не проявляет большей свирепости, чем многие домашние животные.

Несколько лет спустя меня вторично послали в район Томсонс-Фоллс для уничтожения буйволов, совершивших набеги на посевы. Я провел в районе всего лишь несколько дней, когда местный житель по имени Абейя пришел в мой лагерь с просьбой принять его на работу в качестве следопыта. Он принадлежал к племени туркана. Племя туркана — дикий первобытный народ. На запястье турканы носят своеобразный браслет, изготовленный из лезвия кивого ножа, наточенного до остроты бритвы. Турканы с большим искусством владеют этим браслетом и могут перерезать горло человека одним поворотом запястья.

Когда я впервые увидел Абейю, его тело было едва прикрыто. Волосы на мазаны коровьим пометом и, если смотреть с затылка, походили на печень каравай. Большую часть жизни Абейя провел в тюрьме за браконьерство. Охотился он с помощью лука и отравленных стрел.

Несмотря на свирепый вид, он показался мне очень приятным, так как безусловно был хорошим охотником. Абейя хотел стать следопытом, потому что он был одержим желанием получить в собственность ружье. Это, конечно, похвальное стремление, однако я знал, что местные жители обожают ружье, считают, что оно не может причинить вреда, а является только полезным оружием. Я согласился взять в Абейю как следопыта, но настоял на том, чтобы он полностью освоил механизм нарезного ружья, прежде чем будет охотиться с нами на крупного зверя.

Опыт Абейи, как браконьера, сделал из него первоклассного следопыта. Он быстро овладел ружьем и стал довольно хорошо стрелять. Но я не мог убедить его в том, что ружье не гарантирует безопасность. Он был одним из лучших следопытов, и я в конце концов отпустил его охотиться на буйволов вместе с двумя другими следопытами.

Несколько дней спустя эти следопыты вернулись, доложив, что Абейя отказался охотиться с ними, заявив: «Мы, турканы, всегда охотимся в одиночку».

Это было нарушением моих указаний, так как я считаю, что ни один

человек не может быть в безопасности, охотясь в одиночку. Всегда нужны двое — один идет по следу, а другой обеспечивает безопасность первого на случай нападения зверя. Я решил сурою отругать Абейю.

В течение пяти дней я охотился в зарослях, и, когда вернулся, жена Абейи ожидала меня. Он купил ее лишь недавно; одета она была в основном в массу грязных белых бус. Она сказала, что Абейя не вернулся, и боялась, что произошло самое худшее. Я тут же организовал поисковую группу, и мы приступили к прочесыванию необъятного Марманетского леса, чтобы найти пропавшего.

Среди покрытых лесами склонов горы Марманет имеются открытые пласти. У большого дерева на одной из этих возвышенностей мы нашли останки Абейи. Тело было объедено гиенами и хищными птицами, но нам удалось опознать его по черепу. Все признаки говорили за то, что Абейя был убит другим местным жителем. У него было сломано несколько ребер, как от удара дубинкой. Кроме того, мы увидели длинный косой надрез на двух костях, напоминавший след от копья.

Ружье и патроны пропали. Естественно, что зверь не мог унести ружье следопыту. Я доложил обстоятельства инспектору Джеку из местной полиции.

В то же время в этом районе скрывалось несколько человек, находившихся вне закона. Эти люди нападали на местные деревни и грабили их. Ружье с патронами, попавшее в их руки, очень осложняло положение. Инспектор прибыл на место, чтобы осмотреть останки Абейи.

Охотясь, следопыт вырыл маленькую ямку под деревом, где он лежал, поджидая проходящих буйволов. Однако у места его гибели не было ни признаков борьбы, ни следов буйвола. Можно было почти не сомневаться, что Абейя — жертва нечестной игры.

Инспектор Джек решил осмотреть кустарники на много миль вокруг, чтобы проверить, нет ли другого объяснения гибели следопыта. Из Томсонс-Фоллс были вызваны местные констебли (из полицейских отрядов Аскари). Вместе со своими следопытами в поиски включился и я. Однажды утром большая группа полицейских, следопытов и местных жителей собралась у дерева, где мы нашли тело несчастного Абейи. Разделив людей на небольшие группы, мы стали прочесывать кустарники.

Поиски длились около двух часов или немного более, когда один из местных жителей сообщил, что он обнаружил труп крупного буйвола. Я пошел вместе с ним к этому трупу. Вся земля вокруг буквально кишила африканскими муравьями, которые поедали его. Насекомые были очень возбуждены и готовы напасть на любого, кто подойдет на пять ярдов к их добыче.

Я сказал местным жителям, чтобы

они вырезали длинную палку и перевернули труп буйвола. Когда они это сделали, я заметил дырку в ребре буйвола. Бросившись сквозь строй кусавших меня муравьев, я вытащил ребро и быстро вернулся. Я хотел узнать, не результат ли это попадания восьмимиллиметровой пули? Наши следопыты были вооружены восьмимиллиметровыми нарезными ружьями.

Пуля точно вошла в отверстие. Зная, что раненый буйвол обязательно прячется в чаще, а затем поворачивается головой к охотнику, я сказал следопытам, чтобы они развернулись и осмотрели местность в направлении, куда была обращена голова буйвола. В нескольких сотнях ярдов они обнаружили бревно, на котором были следы крови. Осмотрев следы, я уже не сомневался в том, что именно здесь буйвол напал на Абейю. В нескольких футах от бревна в высокой траве я обнаружил пропавшее ружье. В казеннике был невыстреленный патрон, который не был введен до конца. Рядом лежала одиночная стреляющая гильза.

Затем я осмотрел каждый фут земли между бревном и деревом, под которым мы обнаружили Абейю. По пути я нашел все остальные патроны следопыта, которые лежали в траве на некотором расстоянии друг от друга. Я также обнаружил пятно запекшейся крови, смешанной с водянистой жидкостью, которая текла из раненного в желудок животного. На основании данных, обнаруженных в лесу, я воспроизвел картину. Из своего места под деревом Абейя дал выстрел по проходившему мимо буйволу, попав ему в желудок. Раненый зверь побежал через кустарник, оставляя за собой следы крови, а Абейя пошел за ним. Раненый буйвол, устроив засаду, внезапно напал на следопыта, когда тот смотрел на следы. Абейя дал выстрел, но не убил буйвола. Прежде чем ему удалось перезарядить ружье, буйвол настиг его. Он ударили Абейю о бревно, сломав ему ребра, а затем погиб сам. Смертельно раненный Абейя припал к своей ямке под дерево и там умер. По пути оставшиеся у него в кармане патроны выпали.

Оставалось только объяснить удар копьем на его ребрах. По характеру ранения я определил, что оно не сделано рогами буйвола. Осмотрев внимательно бревно, я обнаружил выступающий крепкий сучок с острым концом. Этот сучок был покрыт спекшейся кровью. Буйвол бросил Абейю на сук, который пронзил его, как короткая шпага.

Когда я впервые увидел тело Абейи, я готов был поклясться, что следопыт убит местными жителями. К счастью, благодаря здравому смыслу инспектора Джека вопрос был внимательно изучен и тайна разгадана. Я все же считаю этот случай самым необычным стечением обстоятельств, с которыми мне приходилось сталкиваться в кустарнике.

Я думаю, что африканский буйвол — одно из самых свирепых животных и является достойным противником. Я уверен, что, как правило, гибель охотников — следствие двух причин: или охотник настолько увлекается поиском следов раненого буйвола, что забывает смотреть вперед, или же упорно отказывается пользоваться крупнокалиберным ружьем: ударная сила относительно легкого ружья недостаточна для того, чтобы остановить нападающего зверя.

Я уже говорил о своем отрицательном отношении к легким ружьям при охоте на крупного зверя. Боюсь, что читатель сочтет меня в некотором роде фанатиком. Но мне навсегда запомнился случай, когда из-за упорного нежелания охотника-спортсмена пользоваться более тяжелым ружьем при охоте на крупных зверей мне пришлось пережить самую тяжелую личную утрату за всю мою жизнь в Африке. Два человека поплатились своими жизнями только за то, что охотник боялся отдачи тяжелого ружья.

Упомянутый охотник был принцем одного из европейских королевских домов. Имени называть не собираюсь. Мне пришлось сопровождать его вместе с моим близким другом и товарищем Киракангано — представителем отважного племени масаи.

В этот раз с принцем был еще один местный житель, который держал на готовое запасное ружье для него. Этот заряжающий был очень самонадеянным человеком и считал себя величайшим следопытом. В действительности он очень мало смыслил в охоте.

Закончив удачную охоту на львов, мы уже собирались покинуть этот район. Вдруг принц увидел несколько буйолов-самцов, пасшихся у опушки зарослей, и загорелся желанием во что бы то ни стало убить хоть одного буйвола. У него было ружье калибра 416 — отличное оружие для охоты на львов.

Киракангано, заряжающий принца, его высочество и я подкрались к буйволам. Прячась за небольшим кустарником, мы приблизились к ним на 80 ярдов. Принц не торопясь прицелился и выстрелил по рогатому буйволу-самцу. Буйвол упал, но сразу же вслед за выстрелом мимо нас пробежал еще более замечательный буйвол. Принц сделал второй выстрел, и по звуку я понял, что пуля попала в желудок. Раненый зверь бросился в кусты и исчез.

Я решил преследовать зверя вместе с Киракангано, чтобы добить его. Однако принц настаивал на том, чтобы идти вместе с нами. Он заявил, что если он не убьет буйвола, то трофеи для него не будет представлять никакого интереса. К сожалению, я уступил его желанию, и мы вошли в заросли. Едва мы прошли ярдов пятнадцать, как Киракангано показал мне буйвола, который прятался в группе кустов. Я попытался показать животное принцу, но

он не мог разглядеть буйвола. Пока мы шептались и жестикулировали, буйвол, по-видимому, понял, что обнаружен. Он повернулся и побежал глубже в кусты.

Теперь зверь уже знал, что его преследуют охотники, и наверняка был настороже. Мы последовали за ним в густые заросли. Киракангано шел по следу, а я рядом с ним, держа ружье наготове. Принц шел за нами, а за ним — сопровождающий его заряжающий с запасным ружьем. При мне было мое нарезное ружье Джейфри калибра 500, а у Киракангано, как всегда, лишь копье — единственное оружие отважных моранов.

Заросли были настолько густые, что я ничего не видел сквозь плотную верхнюю листву. Несколько раз до нас доносился резкий запах буйвола. Это означало, что он поджидал нас в засаде. Каждый раз я ложился на живот, надеясь между непокрытыми листвой стволами увидеть ноги животного. Однако буйвол всегда замечал меня и убегал первым, издавая хриплое мычание побежденного, но злого животного.

Это преследование начало сказываться на нервах принца. Хотя вначале он буквально горел желанием покончить со зверем, но вдруг заявил:

— У меня странное предчувствие, что-то должно случиться. Выведите меня отсюда.

Я только пожалел, что предчувствие у его высочества появилось не до, а после того, как он ранил буйвола в живот своим относительно легким ружьем. Однако теперь мне ничего не оставалось, как вывести его из кустарника. Я оставил Киракангано и местного охотника, несшего запасное ружье принца, на месте, предупредив их, чтобы они не предпринимали никаких действий до моего возвращения.

Справа я увидел просвет в кустарнике — мы находились вблизи открытой равнины.

Выведя принца на открытое место, я пошел обратно, чтобы продолжить преследование буйвола.

Пройдя примерно половину расстояния до того места, где я оставил обоих охотников, я услышал выстрел. На какой-то короткий миг все затихло. Затем послышался рев разъяренного буйвола. Мне хорошо известен смысл резкого, громкого и яростного рева: так буйвол ревет только тогда, когда вонзает рога

в свою жертву. Буйвол напал на моих товарищ: Как одержимый я бросился сквозь спутавшиеся ветки дикого шиповника. Ползучие растения, словно аркани, обвивали меня. До меня доносились глухие удары рогов буйвола. Я совершенно обезумел. Пробиваясь сквозь заросли, я вырывал с корнями обвивавшие меня лозы. Когда я наконец прорвался через кустарник, перед моими глазами открылась страшная картина: стоя на коленях, буйвол рогами рвал неподвижное тело Киракангано. Зверь настолько увлекся, что заметил меня только тогда, когда я очутился на расстоянии менее пяти ярдов от него. Тут он вскочил на ноги. Пока он поднимался, я всадил ему пулю в плечо. Удар тяжелой пули отбросил его на Киракангано. Вся тяжесть огромной туши лежала на нем.

Я попытался стащить размокшую, вспотевшую тушу с тела моего умирающего друга, но едва мог сдвинуть ее. Я лег на спину и, упираясь ногами в туловище мертвого быка, старался стокнуть его, пока не содрал кожу собственных плеч. Ничего не помогло. Тогда я схватил молодое дерево обеими руками и, обхватив ногами шею буйвола, старался подтянуться вместе с тушей к дереву. Я даже ухватил дерево зубами, чтобы покрепче зацепиться. И все же мне не удалось освободить тело Киракангано. Мой друг уже пришел в сознание, и мне было легко представить себе, как он страдал. Но он не жаловался и даже не стонал.

Я кричал, зовя принца на помощь. Казалось, время шло бесконечно медленно, прежде чем он робко появился в зарослях кустарника. Взявшился вместе за хвост буйвола, мы наконец оттащили тушу в сторону. Храбрый масаи был сильно помят рогами и передними копытами буйвола. Он сломал два пальца, пытаясь схватить животное за губы.

Чтобы облегчить его страдания, я тут же сделал ему инъекцию морфия в четверть грана.

Через несколько минут ему, видимо, стало легче.

— Прежде всего он спросил: — Заряжающий мертв? Если он жив, дай я его убью, пока у меня еще есть силы.

Заряжающий был непосредственным виновником трагедии. Киракангано рассказал мне, что после того, как я покинул их, охотник, несший запасное ружье принца, вопреки моим указаниям и протестам Киракангано пошел вперед. Вскоре он наткнулся на лежавшего буйвола и выстрелил в него. Буйвол с ревом вскочил и бросился на охотника. В ужасе он побежал в направлении Киракангано, по-видимому, надеясь, что буйвол бросится на масаи. Едва он успел добежать до Киракангано, как зверь настиг его. Буйвол с такой силой поддел его сзади, что он полетел, как пущенное ядро, и сбил Киракангано с ног. У Киракангано даже не было возможности

воспользоваться своим копьем, когда буйвол налетел на него.

Я пошел искать заряжающего. Тело охотника я нашел правее в шести ярдах от Киракангано. Он лежал на спине, высунув язык. Я годнял с земли размякшее тело охотника. Голова его моталась, так как шея оказалась сломанной в двух местах от удара, нанесенного буйволом. Буйвол ударил его своим черепом.

Охотник был еще жив.

— Маджи! — выдавил он.

Я взял флягу и попытался влить ему в рот несколько капель, но вода вытекла из уголков его рта. Вскоре я почувствовал, что он перестал дышать. Больше ему не пришлось охнуться.

Когда я сказал Киракангано, что он мертв, его лицо озарилось слабой улыбкой. Подойдя к буйволу, я обнаружил, что копье Киракангано глубоко вонзилось в плечо животного. Я подумал, что Киракангано все же удалось нанести буйволу удар. Но он мне сказал, что буйвол сам напоролся на копье, когда опустился на колени, чтобы рвать его рогами.

Я вернулся в лагерь и приказал носильщикам подвести автомобиль к опушке кустарника. С их помощью мы вынесли Киракангано и убитого охотника к машине. До ближайшего врача было по меньшей мере сто миль по страшным рывинам и глубоким колеям дороги. Я сел рядом с Киракангано, а принц вел машину. Полил дождь. Путь стал скользким и еще более трудным. Примерно на полпути машина застряла в глубоком овраге. Принц попытался въехать по крутым раскисшему склону, но машина каждый раз съезжала обратно. Тело мертвого охотника все время ударялось об меня. Я старался держать Киракангано на руках, чтобы как-то уберечь его от толчков. При виде страданий Киракангано каждый толчок больно отзывался на моих нервах.

Наконец нам удалось выбраться из оврага, и мы продолжали путь. Когда наша машина проезжала мимо дикого африканского кабана с необычайно красивыми клыками, умирающий масаи обратил на него мое внимание. Даже умирая, он оставался охотником. Он говорил со мной о своей жене, о детях, понимая, что больше их не увидит. Я попытался подбодрить его, уверяя, что мы скоро снова будем охотиться вместе; Киракангано в ответ только улыбнулся: он знал, что умрет.

Ночью мой друг скончался. Это был храбрый человек, большой мастер-следопыт, истинный сын Африки. Единственным слабым утешением для меня было то, что Киракангано умер, как мечтают умереть многие масаи: был убит благородным диким зверем во время охоты. Я рад, что копье его было в крови, хотя и в силу случайности. Не думаю, чтобы Киракангано хотел умереть с чистым копьем.

Представляем читателям нового автора. Шишкин Владимир Сергеевич, москвич, сорока двух лет, кандидат биологических наук, выпускник МГУ, работает научным сотрудником в институте эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова АН. Автор более 40 научных публикаций по различным вопросам орнитологии, в том числе по охотничим видам, и публицистики по истории зоологии, анималистическому искусству и охране природы. Владимир Сергеевич рисует и сам. Ему принадлежат рисунки на четвертой странице обложки нашего журнала.

С ружьем и биноклем В. Шишкин проводил свои научные изыскания в Заполярье и Казахстане, Зауралье и Подмосковье. Последние 10 лет ведет стационарные работы в двух замечательных уголках природы Московской области: Приокско-Террасном заповеднике и в районе Звенигородской биостанции МГУ. Интенсивная научная деятельность не мешала, а подчас обостряла чувство удивления и радости от встречи с природой,

побуждала к образному выражению этих чувств. Так родился цикл стихов «Заповедник».

Припадаю к траве, припадаю к лесным берегам,
Краем глаза слежу за полетом конька на опушке,
Как забытый язык, разбираю с трудом, по слогам
Посвист юрких синиц, перекличку далекой кукушки.

Где гравер древоточец узором стволы прочертит,
Дятел страстный чеканщик своим долотом обработал,
Мирозданья скрижали читаю, таинственных сил
Постигаю значение, ловлю ощущенье полета.

Вновь божественным трепетом сердце объято мое
Средь весенних мистерий извечного перерожденья
Отлетает душа в иллюзорное небытие
И рождается слово, слагается стихотворенье.

КУХТА

Кухта, как пух, легка,
Развесив облака,
По снежным, по лесам,
Вершила чудеса.

Стою едва дыша,
Как и моя душа,
Лес спит под снегом снов
И кружевных оков.

Снегов пушистых шаль
Окрасил солнца шар,
Боишься сделать шаг,
Кухта летит, шурша.

ЮЛА — ЛЕСНОЙ ЖАВОРОНОК

Звенит небесная юла
Над просекой в бору сосновом,
Так точка темная мала,
Не потеряй, найдешь ли снова.

Плынут разрывы-облака,
Смолой и солнцем пахнет хвоя,
Из состояния столбняка
Не сразу выйдешь. Нет локоя

Душе, разбуженной весной,
Юлою ввысь она стремится,
Простою птицею лесной,
Чтоб песнею с небес пролиться.

ВСТРЕЧА

Светлоногие лоси,
Долговязые чуда лесные,
Как болотные духи
С венцами мохнатых рогов,
Мерным шагом сквозь строй
Ивняков и берез проходили,
И, водой наполняясь,
Тянулась цепочка следов.

Желтый дым разевался
Над ивовым морем весенним,
Шмель гудел монотонно,
С трудом отогретый весной,
Влажный глаз удивленно
Косил, уши чутко вздымались,
Ноздри жадно тянули
Пьянящий и терпкий настой.

На секунду замедлив
Свой шаг на краю мелколесья,
Слились с фоном берез
И мохнатых, в сережках, осин,
Чавкнул мох под ногой,
Дрозд тревожно откликнулся рядом,
И растаяли лоси
В просторах зеленых глубин.

ЗУБРЫ

Косматые зубры.
На снежной постели,-
Заносит метелью
Махровые глыбы.
Что снится вам?
Может, апреля капели,
Июльские ливни,
Душистые травы.
Под сенью дубравы
Могучая поступь,
Соперника рев
Угрожающий в чаще,
Зубрят на опушке
Смешные забавы,
Свистящие стрелы,
Ловушки, облавы...

Прощайте, корич-
невые исполины,
Вам век коротать
За забором железным,
Метель укрывает
Мохнатые спины,
И все исчезает
За маревом снежным.

Рисунки автора

КАНЮКИ

Змейкой скользила смола по стволу,
Сосны, согретые солнцем, светились,
С криком, похожим на слово «люблю»,
Два канюка над поляной кружились.

Я, изумленный, стою под сосной,
Взглядом влюбленную пару тревожа,
Объединенный кипящей весной
С птицами мог закружиться бы тоже.

Меж облаков, в синеве, высоте
Нежным и страстным призывом ответить
Солнцу, свободе, любви, красоте...
И умереть в ослепительном свете.

СОМИНО

Поедем, друг, на Сомино*,
Бесстрашно в юность окунемся,
От жизни душной оторвемся,
Пригубим памяти вино,
Поедем, друг, на Сомино.

Над озером ночной костер
И тростника под ветром шепот,
Чей в сосновах затихает ропот,
Кто нам из звезд шатер простира,
Где чиркнет искрой метеор?

С зарею гул тетеревов,
Бекаса над водой жужжанье,
Ребят с охоты ожиданье,
Как с неизвестных островов,
Среди калужницы ковров.

Я знаю, выглядит смешно
Желанье с прошлым не расстаться,
Но снова мне разливы снятся,
И нам пора, пора давно
С весной уплыть на Сомино.

* Сомино — озеро в Ярославской области.

СУДЬБА ДИКИХ УТОК В США

Е. СОЛДАТКИН

Чем ближе к зиме, тем больше беспокойства проявляют водоплавающие птицы, готовясь к отлету в Калифорнию. С последними лучами солнца огромные стаи поднимаются на крыло, покидая болота, чтобы подкормиться на соседних полях перед дальней дорогой на юг. Длинными рядами летят гуси, небольшими группами следуют за ними утки. Солнце уже село, а над болотом на фоне неба все еще видны силуэты последних птиц. В это время в воздухе могут находиться одновременно сотни тысяч различных уток и гусей.

Тридцать пять лет назад все это никого бы не удивило. Водоплавающие во множестве встречались повсюду. Теперь картина иная. За последние 15 лет количество уток и гусей, выводящих свое потомство в Северной Америке, сократилось с 45 млн до 31. Разумеется, одни виды пострадали больше, другие — меньше.

Основной причиной такого уменьшения количества водоплавающих является уничтожение болот. Любопытно, что в связи с этим уменьшилось

не только количество птиц, но и рыбы в реках и озерах. Болота необходимы для питания и выведения потомства трем четвертям всех водоплавающих страны. Кроме того, они регулируют паводки, а также питаются и очищают от загрязнения грунтовые воды.

Но до последнего времени в США считалось, что их необходимо повсеместно осушать. А как же иначе? Ведь это не только избавляло человека от мерзких комаров, но и позволяло вводить в севооборот дополнительные участки земли. Уничтожили половину всех болот страны. Этот процесс идет и сегодня. На западе США в районе Скалистых гор берега многих рек совсем лишились травянистой растительности, так как на пойменных лугах в большом количестве пасется скот, а с началом эрозии берегов фермеры стали прорывать и каналы, чтобы совсем не лишиться своих владений. Исчезли болота на побережье Мексиканского залива.

Вокруг Великих озер ежегодно теряется 20 тыс. акров ($1 \text{ акр} = 4047 \text{ м}^2$) болот. Сильно страдают болота Атлан-

тического побережья — основные места зимовок большого количества лебедей, гусей и уток. Все это беспокоит не только ученых, но и общественность. Призывами к сохранению болот заполнены страницы многих природоохранных журналов Америки.

Особенную тревогу специалистов вызывает состояние наиболее важных мест зимовок и гнездовий водоплавающих. Самым значительным из них является регион прерий, простирающийся от канадской провинции Альберта и штата Монтана к востоку через провинцию Манитоба и штат Северная Дакота. Здесь много мест, где скапливающаяся весной вода сохраняется до лета. Такие заболоченные участки обеспечивают условия гнездования для половины всех уток континента. Большинство видов устраивают свои гнезда на травянистых склонах окружающих холмов, а позже, когда вода испаряется и земля начнет подсыхать, птицы ведут свои выводки к водоемам, где они находят в изобилии пищу и укрытия от хищников.

Но и здесь все большее количе-

ство мелких прудов подвергается осушению со стороны фермеров, стремящихся заполучить новые акры в связи с падением цен на зерновые (а следовательно, нужны дополнительные площади под посевы) и повышение процентных ставок в банках, где им приходится брать кредиты под новый урожай. До недавнего времени Министерство сельского хозяйства даже субсидировало работы по осушению болот. Все это заставляет диких уток тесниться вокруг оставшихся водоемов. Сильная же концентрация водоплавающих облегчает жизнь хищникам.

С 1980 г. на помощь фермерам пришла природа. Из-за нескольких последовавших друг за другом засух большое количество мелких прудов во многих местах пересохло, и их стало легче засыпать. В период между 1980 и 1989 гг. таким образом исчезло 40 % прудов и заболоченных участков. В канадской провинции Саскачеван популяция крякя сократилась с 5 млн до одного. Там же еще в 1976 г. гнездилось около 5 млн северных шилохвостов, а в 1986 г. их было лишь 125 тыс.

Сильно пострадали и места зимовки водоплавающих. Для половины из них, мигрирующих тихоокеанской трассой, местом зимовки служит центральная Калифорнийская долина. Когда-то здесь было 4 млн акров болот. Теперь многие из них осушены. К тому же было построено несколько плотин и изменены русла рек. В настоящее время болота занимают всего 280 тыс. акров. Сюда же входят рисовые плантации и пастбища, заливаемые водой лишь в определенное время года. Законом охраняется только третья часть болот, а также федеральные заповедники живой природы.

Сильная концентрация водоплавающих на оставшихся болотах привела к частому возникновению среди них различных болезней. Вода стала проблемой и в Центральной долине. Спрос

на нее для нужд ирrigации ежегодно возрастает на 1 %, и скоро все здешние заповедники могут совсем лишиться воды. Большую ее часть они получают за счет дренажной, поступающей с сельскохозяйственных угодий. Вода приходит с орошаемых полей и, разумеется, содержит в себе большое количество пестицидов, гербицидов и токсичных металлов.

Национальный заповедник живой природы Кестерсон (штат Калифорния) был объявлен местом свалки токсичных отходов, после чего утки и некоторые другие птицы, гнездящиеся на атлантическом побережье, стали выводить искалеченных птенцов. Как полагают эксперты, через 15 лет только в южной части долины Сан-Джоакин токсичными веществами будет заражено 20 тыс. акров прудов.

На сегодня в 13 штатах на предмет загрязнения исследуется 21 болото. После ряда засух, уничтоживших на Западе несколько популяций уток, правительство приступило к выпуску так называемых «утиных» почтовых марок, которые покупались охотниками. Часть средств от их реализации шла на приобретение участков земли и организацию заповедников, где могли бы гнездиться и зимовать водоплавающие. Этим целям в США служат две трети государственных заповедников.

Долгое время охотники были единственными, кого интересовала судьба болот. И только с введением поправки к Закону о чистой воде, на их осушение стали требовать обязательное разрешение, выдаваемое Инженерным корпусом армии США.

Другой реакцией на «утиный кризис» было принятие программы «Забота об утках Северной Америки». К ее совместному осуществлению приступили в 1986 г. Министерство внутренних дел США и Министерство по охране окружающей среды Канады. Ее основной задачей является восстановление на

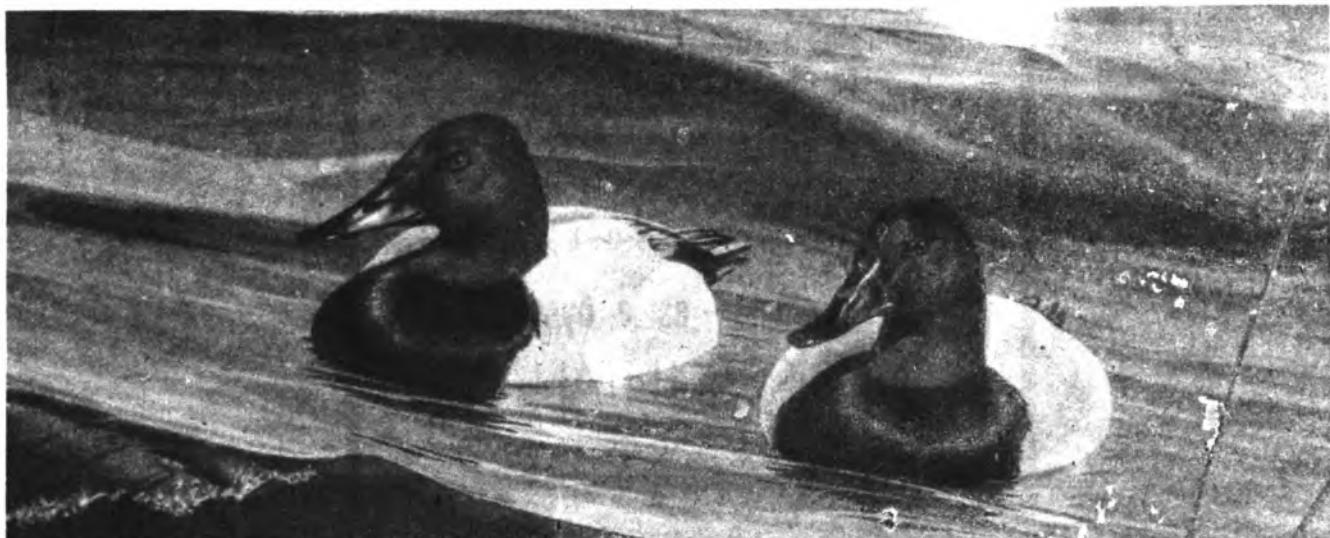
континенте численности водоплавающих. Стоимость работ оценивается в 1 млрд долл.

Однако целых два года общественность не обращала на программу никакого внимания. «Существовал скептический взгляд, что это всего лишь очередной лист бумаги, не поддерживаемой правительством», — вспоминает Майк Бергер, начальник отдела правительственных отношений фирмы «Дакс анлимитид». И только в конце 1988 г. объединение государственных и частных организаций по охране природы стало искать конкретные пути осуществления этой программы. В настоящее время к ее широкому осуществлению приступили и в канадской провинции Саскачеван и в нескольких штатах США.

Но все эти успехи являются лишь малой частью намеченной цели, и особенно радоваться пока нечему, если не считать, что теперь вопросом спасения болот занялись многие организации. «В настоящее время самым большим достижением является дух сотрудничества», — заявил Ричард Дайер, координатор работ по спасению болот объединенных групп в Атлантических штатах.

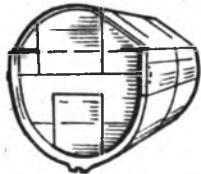
Сегодня в США есть места, где люди могут увидеть, как тысячи уток и гусей с шумом проносятся над их головами. Да, еще можно наблюдать многочисленные стаи водоплавающих, кружащих в ночном небе Калифорнии в поисках чистой воды, обильного корма и мест, где они могли бы надежно укрыться от хищников и вездесущих охотников. Но будут ли успешны их извечные поиски в будущем? Никто не может ответить на этот вопрос с уверенностью. Программа по спасению болот на североамериканском континенте рассчитана на многие годы. Ее осуществление потребует огромных затрат. И все же специалисты надеются на успех.

Популяция североамериканского нырка уменьшилась с 595 тыс. в 1955 г. до 435 тыс. в 1988 г.

ВЫДЕЛКА ШКУРОК НА САМОМ ВЫСОКОМ КАЧЕСТВЕННОМ УРОВНЕ? ДА, ЭТО ВОЗМОЖНО ПРИ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ФИРМОЙ «ФРАНТЕТИЧ»

Да, это возможно и выгодно

Баркас для дубления

Мездрение шкурок

Мялка для жирования

Стиральная машина
для обезжиривания

Швейный цех

Используя наш богатый опыт, вам представляется отличный шанс утвердиться на внутреннем и, почему бы и нет, на мировом рынке.

Опыт, накопленный нами в этой области, увенчался выдающимися успехами. Мы готовы передать его вам со всей щедростью, на которую способны люди, соприкасающиеся с искусством выделки шкурок.

Этот опыт основан на знании полного цикла обработки от сырья до готового изделия, на использовании самых передовых технологий, которые позволяют прекрасно выделять любые шкурки, будь то норка, лисица, песец, соболь, хорь, кролик и другие.

Мы можем предложить полезные рекомендации по выбору материалов для достижения отличных результатов и поставить соответствующее оборудование на условиях самого тесного сотрудничества по его использованию, а также оказать техническую помощь в области моделирования и пошива готовых изделий.

Свидетельством серьезности и надежности нашей фирмы служат фабрики Москвы, Калининграда и Владивостока, которые, сотрудничая с нами, достигли прекрасных результатов. Мы не только гордимся ими, но и стремимся их приумножить.

Оцените сами все «за» и «против», а затем совместно наметим перспективы вашего не только профессионального, но и экономического развития.

Учтите, что, применяя наши технологии самого высокого мирового уровня, вы можете увеличить ваши доходы по сравнению с тем, что вам дает продажа невыделанных шкурок.

Экономический успех вашего предприятия — в сотрудничестве, которое мы вам предлагаем.

Обращайтесь к нашему агенту в Москве по телефонам 272-72-01, 271-12-56, 272-24-84, 272-21-12.

Наш опыт — ваше будущее!

FRANCETICH-ITALIA

СТУДИО АТЕНА

ПРЕДЛАГАЕМ:

- оборудование для выделки шкурок
- швейные машины
- химикаты
- ноу-хау
- обучение
- фурнитуру

моделирование

техническую помощь
сотрудничество

Обращайтесь к представителю
фирмы «Франтетич» в Москве
по телефонам 272-72-01,
271-12-56, 272-24-84, 272-21-12

Арендное предприятие «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

предлагает к реализации:
 — лыжи туристические,
 длина 1850 мм, ширина 80 мм;
 — лыжи промысловые,
 длина 1700 мм, ширина 140 мм
 Наш адрес: 427760, г. Можга,
 Удмуртская республика,
 ул. Горбунова, 32
 Телефон: 2-18-84, 2-33-41,
 2-22-58

Арендное предприятие
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
 предлагает к реализации:
 — лыжи туристические,
 длина 1850 мм, ширина 80 мм;
 — лыжи промысловые,
 длина 1700 мм, ширина 140 мм
 Наш адрес: 427760, г. Можга,
 Удмуртская республика,
 ул. Горбунова, 32
 Телефон: 2-18-84, 2-33-41,
 2-22-58

Кооператив «ТОНАР» имеет возможность заключать договора с охотничими хозяйствами на поставку капканов № 0 и № 2 в неограниченном количестве. Минимальная партия поставки: № 0 — 5 тыс. шт., № 2 — 3 тыс. шт.; частным лицам — по потребности. Отправка наложенным платежом.

Наш адрес: 656037, г. Барнаул, пр-кт Калинина, 57. Кооператив «ТОНАР».

Тел.: 77-29-21, 77-46-12.

Международный охотниче- спортивный центр «Русская охота»

Устраивает: охотничьи туры, торговлю охотничьим снаряжением, коммерческие международные турниры — ближайший, на призы журнала «Охота и охотниче хозяйство», состоится с 14 по 18 сентября на олимпийском стрельбище «Динамо» в г. Мытищи. За справками обращаться по тел.: 583-95-13, факс: 200-02-43. Наш адрес: 141013, Московская область, Мытищи, Силикатная, УСЦ-3 «Динамо», комн. 146.

ФИРМА «ЮРВЕС» продает дробь охотничьую твердую, номера 0, 3, 4, 6 по 10 кг.

Тел. в Москве: (095) 212-78-57.

ЗМЕИ

Частная фирма приглашает к сотрудничеству **НА САМЫХ ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ:** герпетологов ловцов змей

Контактные телефоны: 233-04-16,
 117-15-07 117-76-20 автоответчик

СТАТЬ СКОРНЯКОМ

поможет Вам книга «Пошив меховых головных уборов» (раскрой, пошив, технология и рецептура выделки и окраски меха, описание инструментария, «болванок»; 74 схемы и чертежа. Приложение — выкройки 12-ти фасонов).

Оплата — 147 руб.— наложенным платежом.
 630104, Новосибирск, а/я 255, «Пульс».

СОЮЗПУШНИНА
ОХОТНИКИ, ЗВЕРОВОДЫ, ЗАГОТОВИТЕЛИ ПУШНИНЫ!
ПУШНЫЕ АУКЦИОНЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
ЖДУТ ВАШИХ ТОВАРОВ!

ЭТО САМАЯ ВЫГОДНАЯ ФОРМА ТОРГОВЛИ.

НАИВЫСШИЕ ЦЕНЫ В ВАЛЮТЕ И ГАРАНТИЮ ОТ КОММЕРЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ВЫ ПОЛУЧИТЕ, ПРОДАВАЯ СВОИ ТОВАРЫ ЧЕРЕЗ МЕЖДУНАРОДНЫЕ АУКЦИОНЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, КОТОРЫЕ ВАШ ТРАДИЦИОННЫЙ ДЕЛОВОЙ ПАРТНЕР «СОЮЗПУШНИНА» ПРОВОДИТ УЖЕ 60 ЛЕТ.

Ежегодно аукционы посещают 500—700 представителей пушных фирм со всех континентов. В открытой конкурентной борьбе складывается объективная база цен мирового рынка.

Специализированная фирма «Союзпушнина» предоставит Вам полный цикл обслуживания на уровне ведущих аукционов мира:

- компьютеризация операций;
- комплектование товарных партий с индивидуализацией товара;
- реклама ассортимента за рубежом;
- реализация товара на торгах квалифицированными аукционаторами с учетом конъюнктуры анализа рынка;
- оформление вывозных разрешений по форме СИТЕС;
- отгрузка и страхование проданных товаров;
- проведение расчетов с покупателями;
- предоставление информации о конъюнктуре мирового пушного рынка;
- услуги по закупке за рубежом кормов, оборудования и других товаров;
- оформление бартерных сделок;
- заключение контрактов на продажу пушнины на условиях ФОБ Санкт-Петербург

СОЮЗПУШНИНА
специализированная фирма ВО «Новоэкспорт»

Вниманию потребителей внутреннего рынка!

Специализированная фирма «Союзпушнина» в марте 1992 г. успешно провела первый аукцион пушно-меховых товаров за рубли. Следующие аукционы состоятся в сентябре, декабре с. г. Следите за нашей рекламой!

Заявки на заключение договоров по продаже товаров на международных и внутренних аукционах направлять по адресу:

**117393, Москва, ул. Архитектора Власова, 33
телефоны: 128-29-20, 128-28-86
телефайп: 112212 нэкс
факс: 128-16-12**

ВИСЯЩЕВ ГЛЕБ ВАСИЛЬЕВИЧ

Исполнилось 60 лет Висящеву Глебу Васильевичу, имя которого хорошо известно специалистам охотничьего хозяйства и заповедного дела и в нашей стране, и за рубежом.

Лесовод по профессии, охотник по увлечению, Г. В. Висящев 36 лет жизни отдал и с завидной активностью продолжает отдавать делу охраны живой природы и, в первую очередь, сохранению и приумножению живых природных ресурсов, обеспечению их рационального использования.

Воспитанный дедом, ученым-генетиком, он уже в школьные годы сделал выбор, кем быть, куда идти учиться. В 1950 г. поступил в Московский лесотехнический институт и уже на третьем курсе был приглашен в экспедицию, сформированную академиком В. Н. Сукачевым, с которой выехал более чем на полгода в таежные массивы Якутии.

В 1955 г. с отличием закончил институт и получил направление в аспирантуру. Но предпочел экспедиционную работу, проработал два года в лесоустройстве, пройдя путь от инженера-таксатора до заместителя начальника Всесоюзного объединения «Леспроект».

В 1977 г. был переведен на работу в Главное управление

по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйствам Минсельхоза СССР, которое в те годы было практически единственным государственным органом в стране, занимающимся проблемами охоты и охраны природы. В должности заместителя начальника главка Г. В. Висящев возглавил работу по координации развития охотничьего хозяйства и заповедного дела в республиках.

Сочетание служебного долга и увлечения позволило Глебу Васильевичу с особой полнотой проявить свои способности и внести определенный вклад в решение стоящих перед главкомом проблем. А сделано этой организацией было довольно много полезного. Достаточно вспомнить, что впервые истории нашей страны вопросы охраны природы нашли отражение в качестве самостоятельной статьи в Конституции СССР; была создана Красная книга СССР и проведена работа по созданию красных книг в республиках; появилась сеть биосферных заповедников; подготовлены и подписаны международные конвенции и соглашения по вопросам охраны живой природы; утверждено Типовое положение о заповедниках и других особо охраняемых территориях, которое действует и по сей день; подготовлено и затем принято правительством постановление «О развитии искусственного разведения дичи». Наконец, именно этим Главкомом проведена большая подготовительная работа по созданию в стране системы государственных органов по охране природы. В решении этих вопросов активное непосредственное участие принимал Г. В. Висящев.

В 1988 г., с момента создания Госкомприроды СССР, Г. В. Висящев был переведен на работу в эту организацию, где и проработал до тех пор, пока существовало это союзное ведомство. В должности заместителя начальника Главного управления по координации межреспубликанских и межрегиональных экологических проблем он продолжил работу по организации охраны животного и растительного мира и выполнению обязательств нашей страны, вытекающих из требований международных конвенций и соглашений в этой области.

Глеб Васильевич Висящев на протяжении уже многих лет — член редколлегии журнала «Охота и охотничье хозяйство», член Центрального правления РСОХТРЫБОЛОВСОЮЗА, Почетный охотник РСФСР, с 1984 по 1990 год — вице-президент комиссии по природоохранным просвещению Международного Совета по охоте и охране дичи.

Широкой охотничьей общественности Г. В. Висящев известен как автор многочисленных публикаций в нашем журнале, как правило, острых, свидетельствующих о беспокойстве автора за судьбу дикой живой природы нашей Родины. Сердечно поздравляем Глеба Васильевича со знаменательным юбилеем.

Редакция и редакционная коллегия

Здравствуйте, уважаемая редакция! К вам обращаются за помощью члены инициативной группы по созданию экологического поселка-общины. Начиная с 1990 г. мы приступили к созданию поселка, не нарушающего природного равновесия. Одновременно ставилась цель сформировать коллектив единомышленников, коллектив уважающих друг друга людей, людей симпатичных друг другу. Мы были готовы к тому, что наряду с множеством экономических проблем нам предстоит решить очень сложные вопросы по психолого-психологической совместности.

Сейчас пройден организационный этап начала практической деятельности. Выработаны концептуально-уставные документы, сформирована и

действует экономическая структура поселения — малое предприятие. На место поселения выехали первые семьи. Запущен собственными силами небольшой цех стройматериалов. Заложены основы будущего аграрного сектора. Проживаем мы в арендуемых помещениях закрывшегося пионерлагеря — накапливаем силы для собственного строительства.

Конечно, все нам дается с неимоверными усилиями. В финансовом отношении мы стартовали почти с нуля. Нам оказывают посильную помощь Всероссийское общество охраны природы и Уральский экологический фонд СССР. Но ведь сегодня эти организации сами нищие. Тем не менее мы не просим экономической помощи. Желающих немало, но не все выдерживают,

не всех устраивают нормы взаимоотношений в поселении.

Неоценимая помощь, которую вы могли бы оказать нам, — это рассказать своим читателям, хоть в трех строках о том, что есть на Урале такое вот место, куда можно приехать, пожить немного для знакомства и, возможно, что для многих наше поселение окажется именно тем, что они искали.

Создается поселение, где нет места вредным привычкам, грубости и жестокости. Приглашаются кандидаты в новые члены с целью выяснения психолого-психологической и функциональной совместности.

Адрес для справок: 620063, Екатеринбург, а/я 273.

Ю. БАШКОВ,
директор МП «Ноосфера»

ТРИ АЛЛЫ

СОСТАЗАНИЯ ДОБРЫХ СОСЕДЕЙ

И ЗА ПРОМАХ ТОЖЕ ПЛАТЯТ

Магазин № 2 общества охотников и рыболовов расположен, считай, в самом центре нашего города. Но это не является решающим фактором популярности этого торгового предпринятия.

Главное, что в нем работают удивительно радушные и внимательные хозяева — три Аллы: заведующая Хазрятова и два продавца — Линкун и Губанова. Товарооборот магазина невелик — за квартал 30—50 тыс. руб. в зависимости от поступления товара. И вот здесь и проявляются способности трех Алл не только «вышибить» с базы припасы и снаряжение для горожан-охотников, но и продать товар по справедливости. Что поделать, на всех помногу не хватит, а если по нормам, то никто в обиде не останется.

Охота, казалось бы, дело не женское, и мы, мужчины-охотники, простили бы нашим Аллам не совсем полную компетентность в этом тонком деле. Ах, нет, часто наши уважаемые женщины демонстрируют весьма и весьма глубокие знания теории и практики охотничьего дела. Многих охотников, особенно ветеранов, продавцы знают в лицо. Более того, помнят, у кого какой калибр оружия! Случилось мне, например, экспериментировать с подкалиберными пулями, но только я заскучался в магазине о пулях 16-го калибра, как Алла Линкун посмотрела внимательно и переспросила: «16-й? А у вас же 12-й!» Пришлось объяснять суть дела. Спустя пару дней, опять заглянув в магазин, слышу, как она растолковывает какому-то охотнику, как и для чего снаряжаются подкалиберные пули... Так что и в распространении передового опыта не откажется нашим Аллам.

И вообще, приятно зайти в магазин. И даже не такой большой бедой кажется отсутствие нужных на сей момент припасов. Знаешь: со временем Аллы с улыбкой встречают: «Вы спрашивали высечку? Пожалуйста». Ведь А. Хазрятова, когда мне долго не удавалось купить прибор для снаряжения патронов, будучи вдалеке от нашей Латвии в отпуске, зашла к коллегам из такого же магазина, купила и привезла мне прибор без малого за тысячу километров. Как не быть благодарным за такое внимание и заботу!..

В. САМОХВАЛОВ
г. Даугавпилс

Осень — пора испытаний и состязаний гончих. Два дня, 5 и 6 октября 1991 г., в Тургиневском охотничьем хозяйстве Тверской области, команда которой принимала своих добрых друзей и соседей — гончатников из Новгородской области, проходили состязания. Они стали традиционными и значение их в деле улучшения полевых качеств гончих собак трудно переоценить.

Как та, так и другая команда привозят лучших собак в надежде получить высокие дипломы и занять первое место. На этот раз команда Тверской области завоевала первое место, получив диплом III степени в одиночку, и диплом II степени — в смычке.

Состязания проводились сразу двумя комиссиями; одну из них возглавлял я, другую — эксперт республиканской категории В. П. Сипейкин.

В составе двух команд проводимые гонцы с дипломами I, II степени — это Плакун 6769/рг (5 дипломов II степени) Ю. Г. Васильева, Тайна 8093/рг (диплом I степени, два диплома III степени) П. Н. Соколова, Динка II 8094 (дипломы: I степени и три диплома II степени) В. С. Борисова; все эти гончие из Новгородской области. Из команды Тверской области выделялись Плакса 7966/рг С. В. Степанова (дипломы I и II степени), и особенно смычок русских гончих Набат и Прима, принадлежащий В. Г. Соколову (г. Кимры).

Все эти собаки — прекрасные гонцы, и будь побольше зайца-белка и хорошие погодные условия, эти гончие могли бы получить высокие дипломы.

Самой высокой похвалы заслуживает смычок русских гончих В. Г. Соколова (г. Кимры) Тверской области. Этим гончим мне приходилось судить и раньше на районных испытаниях, и я всегда восхищался его вязкой, слаженной работой. Не подвел он и на этот раз; при очень

вязкой и нестомчивой работе смычку был присужден диплом II степени. Даже после рога смычок работал несколько часов, и снять его стало возможным лишь отстреляв зайца.

Вязкую, верную, но немного мароватую работу показала русская гончая выжловка Плакса 7966/рг С. В. Степанова, при 73 баллах ей был присужден диплом III степени.

Самых добрых слов заслуживает русская гончая Динка II 8094 В. С. Борисова (г. Кресты, Вокзальная, 58а), которой явно не повезло: обладая прекрасным чутьем и полазом, она побудила зверя вне слышимости, и когда гон донесся и стал приближаться, то время напуска истекло. Выжловка, согласно правилам состязания, была снята с гона.

Состязания проходили в удивительно доброй и товарищеской атмосфере. Впервые почти за тридцатилетнюю практику экспертизы мне довелось работать в комиссии, где стажерами были кинологи, наши уважаемые женщины — Т. Г. Хрусталева (г. Тверь) и Р. И. Писменная (г. Новгород), которые наравне с истинными гончатниками делили радость и неудачу. Такое внимание к состязаниям можно только приветствовать.

Бесспорно, прошедшие состязания послужат нашему общему делу улучшения рабочих качеств гончих, и хотелось бы, чтобы эти добрые традиции продолжались и являлись примером для других областей.

Б. МАРИОВ,
эксперт
республиканской категории

Лесные и пойменные угодья Владимирчины издавна славились своими богатствами. Было предостаточно разнообразной озерной и лесной птицы, зверя. Потом, вследствие неразумной охоты, вырубки лесов, осушения болот был нанесен огромный урон заповедным природным уголкам.

В настоящее время многие охотничьи хозяйства начали восстанавливать былую славу наших мест. И не только для своих — истинных любителей охоты и рыбаки, но и для иностранных туристов предлагают активный отдых.

Посещают туристы угодья Сузdalского, Селивановского, Ковровского районов. Попытаться счастья приезжают из Германии, Италии, Австрии. Им предлагается интересная и увлекательная охота на лося, оленя, кабана. Численность их не падает из-за разумного подхода к делу, и окупается не только затраты на восстановление численности, но и появилась даже прибыль, которая используется

для дальнейшего развития угодий.

Уже есть планы устраивать для иностранцев красивую русскую псовую охоту на зайца и лисицу в опольной части Сузdalя. Иностранные охотники готовы приезжать со своими борзыми, чтобы испытать их в полевых условиях; стоимость собак после этого во много раз возрастает.

Недавно в ковровские леса приезжал поохотиться генеральный консул Австрии со своим заместителем. Разумеется, удовольствие это иностранцы оплачивали более щедро, чем местные жители. За убитого лося австрийцы выложили 8 тыс. руб., за каждого промах (их было два) по 800; по 100 руб. в день платили загонщикам, по 50 руб. — за собаку.

Австрийское консульство не плохо снабжается мясом, поэтому тушу добытого лося иностранные охотники оставили нашим охотникам. Очень даже возможно, как помощь. Для них охота — просто удовольствие, добыча не важна, и они в качестве трофея взяли себе лишь рога.

В. ПЛАТОНОВ
Владимирская обл.

Уважаемые охотники!

Очень прошу помочь: 24 ноября 1990 г. в Солнечногорском районе Московской области во время наряда потери русская легая гончая Буран, ВРКОС 3853. Второй год продолжала поиски. Знающих о местонахождении собаки просям сообщить владельцу по адресу: 115142, Москва, ул. Коломенская набережная, д. 26, кв. 174. Л. Г. Устинову.

Уважаемая редакция!

Мне очень понравился ваш журнал, но теперь очень тяжело его найти. Поэтому, может быть, кто-нибудь из ваших читателей хотел бы меняться — я могу присыпать ежемесячно польские журналы, например охотничий — «Ловец польский», по охране окружающей среды — «Аура», для мужчин — «Пан» или другие.

С охотничим приветом,

Dawr Vor
Kwyzsztóf Clavscia
31-916 KvaKów
Os. Ogradowe 11 6

Здравствуй, дорогой мой и горячо любимый журнал «Охота и охотничье хозяйство»!

Сознаюсь честно, решила не выписывать на 1992 г. журнал «Охота». Но когда пришел очередной номер, поняла, что не смогу без журнала, который я выписывала с 18 лет, с тех пор, как я уехала из-под родительского кровла. Сейчас мне уже 33 года, растет дочь. С детства приходилось ездить с отцом-лесником по глухим таежным избушкам, быть свидетелем захватывающих охотничих сцен и этот трепет, азарт охотника жил во мне всегда.

Отец состарился и, когда я приезжала на время отпуска, с удовольствием провожал меня на уток или покозловат, тщательно проверяя обмундирование, прорезая дырочку на ремне патронташа, ворчая и давая при этом наставления. Однажды после удачной охоты заболела серьезно моя дочь. Мама расценила это как месть, говоря, что женщины нельзя быть охотницей. Конечно, это предрасудок, но во мне поселился страх. И с тех пор не хожу больше на утренние зорьки, и как будто оторвали от меня кусочек моей души; ни к каким другим занятиям я не испытываю такого влечения. Вот так бывает.

В № 6 за 1990 год в «Литературных страницах» мне не просто понравились, полюбились стихи молодого енисейского поэта Михаила Тарковского. А стихотворение «Я пришел успокоить взор на плече этих низких гор...» я даже переложила на музыку и напевала так, для себя.

Его стихи — это не заумные длинные поэмы, от которых веет скучой, а живое сегодня, в них душа и музыка и еще что-то, чего не выразишь словами. Хотелось через ваш журнал пожелать Михаилу Тарковскому дальнейших творческих успехов на радость нам, поклонникам его таланта. Не получилось у меня стать настоящей охотницей, но я бесконечно люблю музыку изюбиного рева на расцвете, чистые, как слеза, лес-

ные ключи и гроздь приморской калины...

Желаю всей большой и дружной гвардии охотников охотничьего фарта.

Н. МЕДВЕДЕВА
Приморский край,
п. Фабричный

Дорогая редакция! Я хотел бы обратиться к охотникам с просьбой помочь мне достать любую охотничью литературу и журнал «Охота...» с 1955 г. Мне всего 13 лет, но охотой увлекаюсь уже четыре года. Среди близких родственников охотников у меня нет. Единственная надежда — журнал. Но, к сожалению, я выписывала его очень недавно. Был бы рад, если бы мне написали бывалые охотники и промысловики.

Мой адрес: 105484, Москва, Сиреневый бульвар, д. 62, кв. 1. Евгению Спиридову.

Уважаемая редакция!

Я впервые пишу в журнал, хотя, как и многие другие охотники-любители, являюсь постоянным подписчиком с 1956 года.

Мне 56 лет, охотой увлекаюсь с двенадцати лет, очень люблю побродить с ружьем по лесу, не обязательно добывать что-нибудь. С большим интересом читаю журнал, всегда с нетерпением жду его. Живу я в Забайкалье вот уже тридцать лет, а родом из Приморского края, там и пристрастился к охоте.

Долгое время весенняя охота на водоплавающую дичь у нас была запрещена, по-моему лет этак 20, и вот наконец-то разрешили. В основном на водоплавающую дичь, и я охотился у Байкала, а именно в Кабанском районе Бурятской ССР. Не знаю, как наблюдают наши ученые и по каким соображениям запрещали весеннюю охоту, но вот по моим наблюдениям утки от запретов больше не стало. Если сравнить 60-е годы и 90-е — водоплавающей стало намного меньше.

И вот в 1991 г. весенняя охота на водоплавающую в Кабанском районе снова была под запретом, а на каком основании, толком никто не объяснил, но мы выяснили сами. Оказывается, в это время многие виды рыбы на икромете, и вот рыбоохрана просила запретить весеннюю охоту. Мы ждем охоту целый год. Конечно, есть и среди охотников любители рыбки, но их же единицы, а основная масса охотников едет поохотиться.

Улеглись страсти весенние, ждем осеннюю охоту, приезжаем, — и опять сюрприз: оказывается, путевки подорожали, за сутки путевка стала стоить 3 руб. 23 коп., а норма отстрела

прежняя. И еще, насколько я понимаю, в стоимость путевки входит и доставка охотника на место охоты и обратно, а у них и возить некому и не на чем. И выходит, что мы платим деньги за то, чтобы только находиться в угодьях, а как и на чем добираться до них — это уже твое дело. Ну, если вам повезло — досталась лодка, то и за нее выложи четыре с лишними в сутки. Бедные наши женушки не догадываются, что путевка, лодка, боеприпасы, харч и многое-многое другое обходится нам в копеечку; но, как говорится, страсть требует жертв.

Теперь о путевках на боровую дичь. В нашем Зангиевском районе Бурятской ССР опять новшество. С 11 лет охочусь и всегда знал, что заяц является объектом спортивной охоты. А вот наши руководители решили: хочешь стрелять зайца, помимо приобретения путевки заключай еще и договор, а без договора не смей трогать косого. По сути нам — любителям — остается один рабчик, а вот взносы и госпошлину плати исправно, что мы, кстати, и делаем.

Мы считаем такое новшество беззаконием и обидерловкой, может вы, уважаемая редакция, напомните, за чей счет живут наши руководители и имеют ли они право вводить такие порядки? А вообще-то в наше время каждый, кто имеет портфельчик хотя бы со спичечным коробком, корчит из себя руководителя мирового масштаба и творит, что ему заблагорассудится. А ведь эти же руководители сами признают, что около 70 % пушнины сдаются именными любителями, и если, скажем, я убил зайца, как было раньше — без договора, ведь шкурку этого зайца я все равно сдаю государству без всякой обязательств.

С уважением,
А. ВАЛЯНСКИЙ

Не так давно прочитал в журнале «Охота и охотничье хозяйство» статью П. Яровицкого о машинке для обрезки гильз. Машинка, конечно, хорошая, но у каждого есть возможность ее сделать.

Могу предложить более простой способ обрезания гильзы, которым пользуюсь сам третий год. Нужно выточить или вывернуть из железа втулку по длине патронника. Затем, вставив гильзу, обрезать ее торчащий конец острым ножом, касаясь торца втулки.

Диаметр втулки берется в зависимости от калибра. При особо точном изготовлении втулки ее можно применять как контольную.

С. ВАГАНОВ
Самарская обл.

В один из январтских дней 1991 г. я занималась распилкой дров, привезенных накануне к моему дому. В возе дров мое внимание привлек лиственничный кряж с полуметровым диаметром в основании. К этой лиственнице я долго не решалась подступиться с пилой, но вот наконец очередь дошла и до нее. Не успел я рассечь кору на кряже, как из-под цепи вырвался сноп искр — это случается, когда цепь врезается в осмоловшийся сучок. Но после второго захода цепь выхватила что-то из-под коры и под ноги вылетел какой-то темный кружок. В первый момент я не придал этому значения, решил, что это сучок, но меня привлек металлический блеск «сучка»; подняв его, увидел, что это монета. Оказывается, на дровах мне привезли «священное» дерево, кавказским является у народностей ханты и манси лиственница. В родовых святых местах под корнями таких деревьев и в расщелинах на коре на протяжении веков люди прикладывали монеты. Этот обряд — своеобразное дароприношение идолам, которым продолжали поклоняться аборигены несмотря на то, что были обращены в христианскую веру. Найденная монета оказалась «сибирской монетой», которая чеканилась для Сибирской губернии на Колыванском монетном дворе. На лицевой стороне монеты изображены два соболя — фрагмент герба Сибирской губернии.

Сейчас, наверное, мало кто из жителей Тюменской области знает, что представляет из себя этот герб. Для многих сибирский герб ассоциируется с изображением нефтяной вышки, шестеренок и прочих атрибутов «прогресса». А о том, что наш регион когда-то был основным поставщиком «мягкого золота», многим невдомек. Но своей актуальности исторический герб не утратил и в наши дни, соболя добывается в наших краях еще довольно много.

В. БОРНОВОЛОКОВ,
биолог-охотовед
пос. Советский Тюменской обл.

Полезные советы

Для быстрого приготовления, например на вертеле, пригодно только свежее мясо, пролежавшее после охоты не более четырех дней и находившееся в холодильнике при температуре не выше 5 °С.

Нельзя использовать мясо тех животных, которых длительное время разыскивали после выстрела.

В любом случае перед приготовлением с мяса необходимо снять тонкий поверхностный слой и тщательно промыть в ходяной проточной воде.

Особого внимания требуют входное и выходное отверстия пули: окружающие ткани частично не годны для употребления, а свернувшаяся в этих местах кровь служит благоприятной средой для развития микроорганизмов, и здесь в первую очередь начинаются процессы гниения. Поэтому ткани вокруг входного и выходного отверстия обязательно нужно зачистить.

Не следует хранить дичь в холодильнике вместе с другими продуктами, особенно колбасными изделиями, и вообще оставлять ее там надолго, потому что она усыхает и приобретает неприятный вкус.

Готовя из дичи колбасы и копчености, необходимо придерживаться определенных правил. Прежде всего нужно учитывать, что при копчении дичь теряет присущие ей специфические вкусовые качества. Кроме того, при домашнем копчении в большинстве случаев не удается довести температуру до предела, необходимого для уничтожения всех болезнетворных микроорганизмов. Поэтому перед копчением продукт нужно хорошо проварить, чтобы температура внутри мяса составляла 70 °С. В зависимости от размера изделия варку продолжают от 30 минут до 3 часов.

Каждая туши дикого кабана должна быть подвергнута ветеринарному осмотру на зараженность трихинеллезом, без этого ее нельзя использовать в пищу.

Трихинеллезом можно заразиться и от барсука.

Несколько слов о разделке приготовленной жареной или вареной мелкой дичи на порции: из фазана можно сделать 4—6 порций, из дикой утки — 4, из дикого голубя и куропатки — 2 порции (для хороших едоков — одна порция), разрезав тушку на две половины. Вальдшнепа также подают разрезанным пополам, но как одну порцию. Заднюю часть крупного зайца делят на 8 порций (4 из спинной части и 4 из окорочек), заднюю часть небольшого зайца — на 6—7 порций. Из задней части туши дикого кролика получают 3—4 порции.

ЖЕНЩИНА-СТРЕЛОК

Листая страницы старых изданий

Нынешней зимой в селении Шуструче, Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, скончалась крестьянка Киршина, издавна слывшая за страстную и опытную охотницу на лесную дичь. Это была еще молодая (34 лет от роду), среднего роста женщина, хорошо развитая в физическом отношении. В охотничий сезон на птицу она почти ежедневно отправлялась утром на охоту и редко когда вечером возвращалась с пустыми руками, что возбуждало зависть охотников-мужчин, часто охотившихся менее удачно. Киршина же только посмеивалась,

бывало, над такими охотниками, как бы говоря, — где вам со мною тягаться!

Бывали у нее иногда и состязания с соседями-охотниками, однако соперников в стрельбе не находилось. Знавшие ее рассказывают, что Киршина не прочь была идти и на медведя. Прошло зимою, например, она одна рискнула выстрелить по медведю, выгнанному собакой из берлоги, за что чуть было не поплатилась жизнью. Дело в том, что выстрел оказался не совсем удачен — медведь был лишь ранен и пустился бежать, утопая в глубоком снегу. Охотница преследовала его на лыжах. Наконец, медведь засел в чаще, он был открыт собакою, не дававшей ему покоя. Киршина, выбрав удачную позицию, приготовилась стрелять. Медведь угадал ее намерение и первый полез в драку, очевидно, решив, что ее не миновать. Он бросился к охотнице и почти в двух шагах от нее встал на задние лапы. Меткий выстрел Киршиной уложил его на месте.

Смелая охотница стала жертвой несчастного случая. 18 декабря на рассвете она отправилась с ружьем на охоту и вечером, против обыкновения, не возвращалась. Это подало повод ее мужу заявить об отсутствии жены полицейскому сотскому. Собранный последним народ отправился по следам Киршиной, и недалеко от деревни, в поле, был найден ее труп. По дознанию выяснилось, что Киршина споткнулась, при падении ружье выстрелило, и весь заряд попал ей в голову, причинив моментальную смерть.

«Русский охотник», 1893 г., № 40, 41

ОХОТНИЧИЙ АНЕКДОТ

Уважаемая редакция!

Разрешите предложить вам небольшую подборку, на наш взгляд, смешную и оригинальную. Прежде всего представимся: мы охотники-любители и филологи-профессионалы, оба преподаем в высшей школе; один в Ленинграде, другой в Тбилиси. Это наша первая попытка «пробиться» в любимое издание. До этого печатались исключительно в академических и прочих сугубо литературоведческих научных сборниках, посвященных русской литературе XVIII—XIX веков. Постепенно нам удалось, параллельно с разыскиванием материалов для научных статей, найти материалы и для рубрики «На привале» нашего журнала. Сами понимаете, настоящая подборка — только небольшая часть нашего «архива» охотничьего анекдота, тем более, что один из нас защищал диссертацию по теме «Устный рассказ в системе русской культуры XVIII — начала XIX вв.», то есть по истории и теории анекдота как жанра, а другой по истории русской детской литературы, также богатой охотничими рассказами.

Охотничий анекдот имеет давнюю традицию. Его можно найти в русском фольклоре, в мемуарах, записных книжках писателей. Анекдоты об охоте и охотниках весьма распространены и многочисленны. Однако они никогда не собирались вместе. Предлагаем небольшую подборку охотничих анекдотов, старых и новых, услышанных писателями и поэтами различных эпох.

В «Фацетиях» Г. Бебеля находим следующий рассказ: «Один охотник отправился в поле ловить птиц. Увидев на вершине аиста, он выпустил на него сокола, которого держал в руках. Когда сокол настиг аиста и бросился с ним вниз, то кабан, который очутился тут же, слопал сокола вместе с аистом. Охотник, увидев это, подбежал и пронзил кабана копьем. Когда же дома он захотел его разделать и разрезал спину кабану ножом, оттуда невердимым вылетел сокол, еще державший в клюве аиста». (Г. Бебель. Фацетии. — М., Наука, 1970).

П. А. Вяземский писал в «Старой записной книжке»: «Какой-то боярин послан был, помнится, царем Алексеем Михайловичем в Китай с дипломатическим поручением и свою отличных собак, лягавых и борзых, в подарок правителю небесной империи. Однажды просит одного приближенного к царю мандарина узнать, как понравились собаки его величеству. «Собаки были очень вкусны,— получил он в ответ,— особенно зажаренные в касторовом масле. «Злодей!» —

воскликнул ошеломленный боярин...» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. 8. СПб, 1883).

И. С. Тургенев в рецензии на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова вспоминал: «Правило: «никогда не думать о том, что дашь промах» напоминает мне поговорку одного старого московского охотника, давно уже умершего, Л. И. Татаринова, которого я знал в ранней молодости. «Стрелки,— говорил он,— разделяются на три класса: бывают между ними ахалы, пукалы и шлепалы. Ахалы только ахают, когда вскакивает дичь; пукалы стреляют и не попадают; шлепалы стреляют и попадают. Из пукалы еще может выйти шлепал; из ахалы — никогдя».

(И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. 4. М., 1980). Любопытный анекдот остался в «Гисторических материалах, не включавшихся в собрание сочинений Козьмы Пруткова» — «Ученый на охоте»: «Сказывают, однажды Лефебур-де-ла-Фурси, французский знаменитый ученый, к исследованию математических истин непрестанно свой ум прилагавший, нежданно тамошним королем, с прочими той страны почетными особами, на охоту приглашен был, и из богатого королевского арсенала добрый мушкет для сего получивши, наравне с другими корюю в охоте сопутствовать согласился. Но когда уже онная королевская охота, изрядно утомившись, обратно путь свой к дому направила, то, проезжая мимо славного и широкого каштана, на берегу реки стоящего и в зеркале вод ее, влеве от него бегущих, длинные свои ветви живописно отражающего,— добрый сей король знаменитого математика узрел, у подножия каштана на земле сидящего и тщательно, с превеликим прилежанием, на ладони

дробь перебирающего, а мушкет и прочие охотничьи доспехи подалеку от него в стороне лежащие, и крайне сему удивляясь, громко его вопросил: «Что вы делаете, господин Лефебур-де-ла-Фурси?» На королевский запрос, нимало не смешавшись, но с видимым отчаянием, ученый тот ответствовал: «Вот уже два часа, государь мой, как тщетно силюсь я привести сию дробь к одному знаменателю!» Возвратясь домой, король не упустил передать таковой ученого ответ молодым принцессам, дочерям своим, много в тот день смеявшимся оному, купно с их приближенными, а в доказательство, однако, сколь ученость должна быть всеми почтена, тогда же господину Лефебур-де-ла-Фурси из королевской своей вивлиофики особую книгу подарил, под заглавием «Перевод из нравоучительных рассуждений барона Гольбаха», в нарочито богатом переплете и на пергаменте отпечатанную». (Сочинения Козьмы Пруткова. М., Правда, 1983).

Сохранился ряд анекдотов, связанных с именем Н. А. Некрасова. «Унылая сторона», населенная наполовину карелами, бедная и невероятно дикая — но тем лучше для нашего брата-охотника; изобретение пороха еще не проникло сюда, и единственная охота, употребительная здесь — это на уток посредством брюха,— писал Некрасов Тургеневу. — Мужик идет по болоту и, завидев молодую утку, старается упасть на нее брюхом, что иногда и удается ему. Не думай, что я шучу. Я это сам видел. К охотникам с ружьем здесь даже оказывается явное нерасположение». (Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Л., Academia, 1930).

В. ГОЛОВИН
Е. КУРГАНОВ

* Имеется в виду Новгородская губерния.

КУЛИКИ

ДУПЕЛЬ. В прошлом бытовало также другое его название — лежень.

Длина тела птицы около 30 см, вес в среднем 200 г. Внешне дупель похож на бекаса, отличается от него, помимо несколько большей величины, ярко-белыми краями хвоста. Про дупеля можно коротко сказать, что он «ленив», скрытен, как и бекас, малообщителен, ведет сумеречный образ жизни. Взлетает обычно молча с характерным шорохом крыльев, и лишь порядочно отлетев, издает крик, похожий на «покряхтывание». Летит невысоко над землей, и вскоре после взлета садится.

На местах гнездовий они появляются значительно позже вальдшнепов и бекасов — в апреле-мае; улетают в августе-сентябре, хотя иногда задерживаются и до октября. Обитают птицы по влажным лугам и болотам. Токуют чаще по лесным полянам. Поскольку ток у них происходит ночью, поведение птиц в это время долго оставалось неизученным. До натуралистов долетали с токовища лишь загадочные звуки, порой похожие на щепот.

Наблюдать за токующими дупелями мне довелось у северного предела их распространения, в Большеземельской тундре, где летом круглые сутки царит полярный день, и птицы вынуждены с ним мириться.

Ток размещался на поросшем ивняком осоковом болоте. Вот выдержки из моего дневника: «Первый дупель появился на току ровно в восемь вечера. Через пятнадцать минут здесь была дюжина, а вскоре собралось около двух десятков птиц. Одни из них опускались на краю болота и сразу исчезали из поля зрения. Потом оказалось, это были самки. Другие (самцы) садились посередине болота и затевали то ли драку, то ли игру. Склонившись к земле, один дупель преследовал другого. В это время лтицы и издавали те негромкие загадочные звуки, похожие теперь вблизи на покряхтывание или бульканье.

Пробежав мелкими шажками два-три метра, они менялись ролями: преследуемый становился преследователем, и так повторялось много раз. Наконец, соперники останавливались, задирали вверх перья хвоста и обнажали свои ярко-белые подхвостья. В такой позе медленно поворачивались на одном месте, а затем, один за другим, улетали. Вслед за ними улетали и самки. К трем часам утра ток опустел». Только теперь я понял, что это у них не «свадьба», а своего рода «смотрины».

Насиживает и водит птенцов у дупелей, по-видимому, только самка. Питаются птицы мелкими беспозвоночными животными, а также в значительной мере семенами растений, в том

числе — хлебными зернами. Осенью, после подъема молодых на крыло, дупеля сильно жиреют и высыпают (откочевывают) из крепей на открытые болота, луга, иногда на поля, особенно в несжатые хлеба.

Дупель обычен в лесной полосе, южных тундрах, степях и полупустынях европейской части, Западной Сибири, а также на севере Казахстана. Более многочислен он в пределах лесной зоны.

Это один из самых популярных среди куликов объектов спортивной охоты. «Я отдал первое место бекасу», — пишет С. Т. Аксаков, — но не все охотники со мною согласятся. Обыкновенно предпочитают дупеля, который чуть не вдвое больше (что показывает и немецкое его название), а это не безделица на охоте. Дупель гораздо жирнее бекаса, следовательно, вкуснее, подпускает охотника и собаку ближе, выносит стойку дольше, летит тише и прямее. Вот причины, почему охотники считают его первою, лучшою болотной дичью».

Охотятся на дупеля преимущественно осенью, на высыпках, обычно с легавой собакой.

ГАРШНЕП. Длина его тела до 20 см, вес около 50 г. По окраске оперения и телосложения гаршнеп похож на бекаса и дупеля. Отличается от них, в первую очередь, мелкими размерами, а также относительно коротким брововатым с черным концом клювом, короткими зеленовато-серыми ногами, наличием на середине затылка продольной темной полосы (у бекаса и дупеля — светлая полоса), клиновидной формы, однотонным рыжеватым хвостом. Гаршнеп скрытен, молчалив, ведет сумеречный образ жизни. Как и дупеле, о нем можно сказать, что он «ленив», взлетает очень неохотно. Полет его небыстрый, порхющий, крик похож на бекасинный, но более мягкий и тихий. Токующие самцы весной высоки в небе издают звуки, напоминающие грохоток изгибающегося листа жести.

На места гнездовий гаршнепы прилетают в апреле-мае, улетают поздно, в сентябре-октябре. Они обитают по болотам, илистым берегам рек. Распространен гаршнеп в южных тундрах и в лесной полосе. Повсеместно немногочислен, но является распространенным объектом спортивной охоты. Добывают его обычно с легавой собакой преимущественно осенью, когда он сильно жиреет.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

См. также 4-ю страницу обложки.

НА ПРИВАЛЕ

ЖИВОТЧЕНКО В. Родная земля удегейцев	1
«Круглый стол» «Охоты и охотничьего хозяйства»	
Пути совершенствования охотничьего дела	
ДЕЖКИН В. Главные решения впереди	5
Охотничье хозяйство и промысел	
ГРАКОВ Н. Видимость научной объективности	8
ГУСЕВ О. Записки сибирского немврода	12
ШВЕДОВ И. Охота на коз загонами	13
Молодому охотнику	
РУСАНОВ Я. Утиные чучела и охота с ними	18
Собаководство	
МИХАЛЕВИЧ Д. Карай	20
Оружие и снаряжение	
СТОЛПОВОЙ В. Литье мелкой дроби	22
ТУНДЫКОВ Ю. Литье средней дроби	22
КИЛИНСКИЙ А. Литье крупной дроби	23
КОРОЛЕВ В. Пули Ширинского — Шахматова	24
Литературные страницы	
ОНЕГОВ А. Здесь можно все	26
СКРЕБИЦКИЙ Г. Хантер — охотник и писатель	30
ХАНТЕР Д. Охота на буйволов	31
ШИШКИН В. Стихи	36
За рубежом	
СОЛДАТКИН Е. Судьба диких уток в США	38
Письма читателей	44
На привале	46

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, Г. В. Висячев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов (зам. главного редактора), А. А. Улитин, С. М. Успенский, Ю. П. Язан

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор Т. С. Дубровская

Корректор Ж. А. Лобанова

Сдано в набор 09.06.92. Подписано к печати 20.07.92. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 8,65. Тираж 708 030 экз. Заказ 604. Цена 3 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.

Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Адрес издательства: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 40 а.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

КОЛЮЧЕЕ СЕМЕЙСТВО

Ежа видел каждый, в деревне, или на даче. Иногда он живет в огороде, а иногда и в доме. Но встретить ежу в природе, а особенно увидеть с ежатами — большая редкость.

В июне довелось нам в колхозе косить траву и обнаружить ежиху с ежатами; к счастью, лезвие косы не коснулось гнезда. Выложенное соломенной трухой и мягкой травой, оно располагалось в углублении. Для нас самих было неожиданностью увидеть, как вдруг зашевелился серый ком и показалась встревоженная ежиха. Она побежала куда-то, но вскоре вернулась.

Ежата тем временем тоже стали выбираться из гнезда. Их оказалось четверо. Совсем маленькие, они ринулись в разные стороны. Один, самый шустрый, наткнулся на гриб, попробовал на вкус. Ежиха, осторожно взяв маленького зубами, понесла его к дереву, у корней которого было небольшое углубление. Она шипела на ежат, пытаясь сбить их вместе, и всех по очереди перенесла на новое место жительства.

Хорошо, что с нами был фотоаппарат, и некоторые сценки удалось заснять, так как ежиха не обращала на нас никакого внимания, ей и материнских забот хватало. Семью ежей мы оставили в покое и ушли, а на другой день их уже не обнаружили. Видимо, ночью ежиха перенесла малышей в близлежащий лес.

Валентин и Галина ВАХТИНЫ
г. Казань

Могилевское ПТУ № 1 им. К. П. Орловского объявляет прием учащихся на базе 11 классов на 1992/93 учебный год по направлениям хозяйств и организаций (обучение для учащихся других республик СНГ платное) по специальности: егерь-лесник с квалификацией водителя категорий «В» и «С» и тракториста-машиниста категории «А», «Б», «В». Срок обучения — 2 года.

Наш адрес: 213134, Беларусь, г. Могилев, п/о Буйниччи, ПТУ № 1. Проезд автобусом «Могилев — Селец», «Могилев — Сельхозтехника» до остановки «Буйниччи».

Тел.: 25-62-79, 98-32-44, 98-32-35.

Уважаемые охотники!

Книга С. М. Шейнина «Опыт совершенствования ружейных боеприпасов» напечатана и рассыпается подписчикам. Наберитесь терпения, так как очень много заказов, а наше предприятие небольшое. Примите наши извинения за то, что Вам придется еще немножко доплатить за почтовые услуги (все дорожает).

Для желающих подписаться сообщаем, что это еще можно сделать. Для этого нужно перевести 85 руб. для частных лиц и 162 руб. для предприятий на р/с № 000468216 ПКБ «Тулабанк» г. Тулы, 01216160 РКЦ ГБ г. Тулы, МФО 267003 ТХПТК «Миша». После оплаты пошлите конверт с квитанцией об оплате или ее копию по адресу: 300008, г. Тула-8, а/я 494 ТХПТК «Миша». Торгующим организациям предоставляется скидка в зависимости от заказанного тиража.

Книга будет выслана до конца 1992 г.

Справки по телефону в Туле: [0872] 31-63-42, 27-04-93; в Москве: [095] 183-16-58.

Фотоочерк В. и Г. Вахтиных

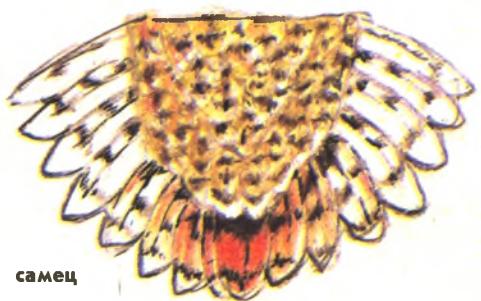

КУЛИКИ

Рисунки В. Шишкина

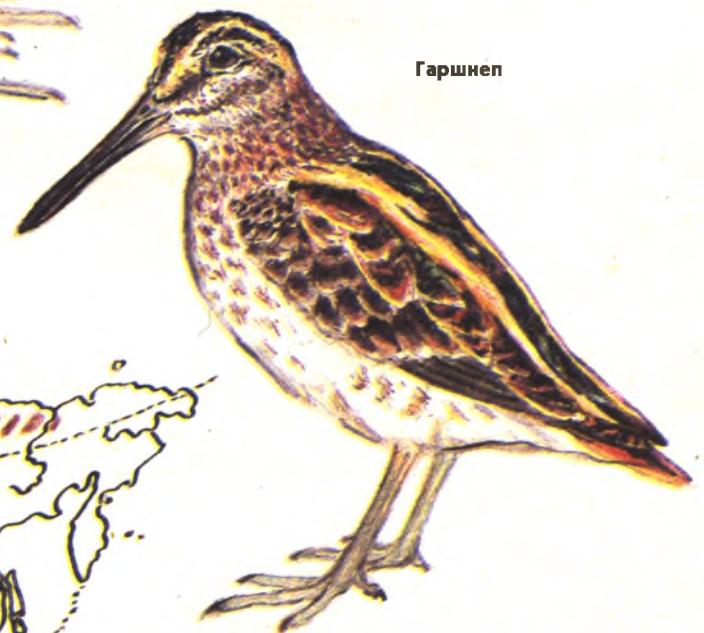
Хвосты дупелей

самец

самка

Гаршнеп

Ареал дупеля

Ареал гаршнепа